

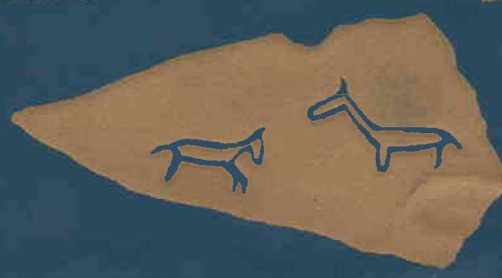
63.3(2ka)
0-96

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИРЕКЦИЯ
"ОШ-3000" ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОШ И ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА

ВЫПУСК 5

БИШКЕК
"МУРАС"

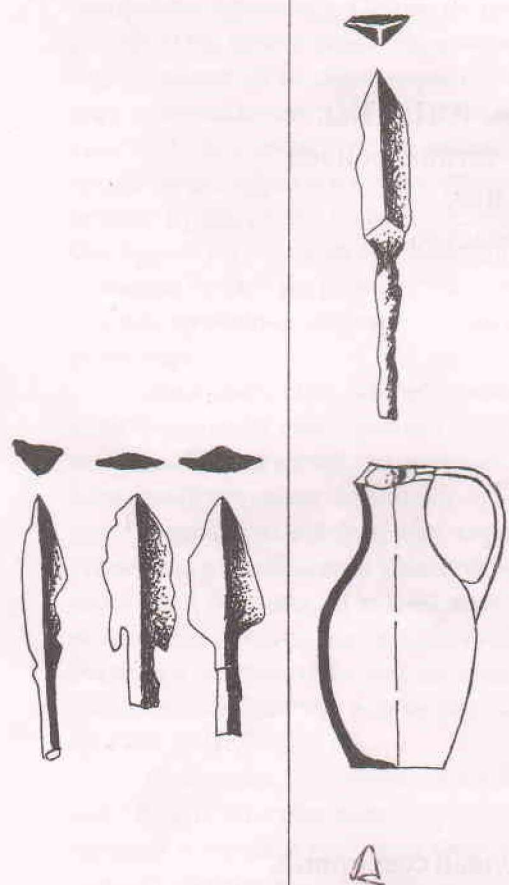
2000

Кр 63.3(2 Ки)
0-96 ✓

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИРЕКЦИЯ
"ОШ-3000" ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОШ И ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 455-550 ✓

ВЫПУСК 5
БИШКЕК
"МУРАС"

2000

С Б
ИЗДАНИЕ

ББК 63.5+63.3(2Кн)+63.4
И-74

Серия

«Ош-3000 и культурное наследие народов
Кыргызстана»

Утверждено к печати Советом при
Государственной дирекции «ОШ-3000»

Печатается при поддержке ЮНЕСКО.
Проект 98 KIZI03 «3000-летний юбилей
города Ош и международное
академическое сотрудничество»

Отв. редактор
академик **В.М. Массон**

Редколлегия:

В.М. Массон (отв. ред.),

В.М. Плоских,

Ж. Жунушалиев,

Ю.А. Заднепровский,

Э. Сулайманов,

А.А. Асанканов,

Б. Аманбаева,

Турсунбай Бакир уулу,

С.А. Мамытов,

Н.Х. Бекмухамедова (ученый секретарь).

Ош и древности южного

И-74 Кыргызстана. Выпуск V . - Б.: 2000. - ...с.

ISBN 9967-20-190-8

H 0505000000-99

ISBN 9967-20-190-8

Из приветственного послания
Президента КР А. Акаева
участникам Международной
научной конференции
«Древний Ош в среднеазиатском
контексте»

Уважаемые участники Международной научной конференции!

Я сердечно приветствую Вас с открытием Международной научной конференции “Древний Ош в среднеазиатском контексте”, посвященной 3000-летию юбилею старинного Оша, празднование которого состоится в 2000-ом году - на историческом переломе двух веков. Это будет важным событием не только республиканского, но и большого международного значения. Восстановление былой славы Оша поможет нам определить перспективу будущего сквозь призму исторического прошлого, найти современные формы духовного и материального совершенствования кыргызского народа и всех кыргызстанцев.

В истории велика роль городских центров, концентрирующих культурный и интеллектуальный потенциал, становящихся проводниками и символами прогресса. Одним из таких центров был древний и средневековый Ош, начало развитию которого положило поселение эпохи бронзы, открытое на склонах горы Сулайман-Тоо, издревле бывшим важным культовым центром местного общества. Система трансматериковых торговых магистралей, известных как Великий Шелковый путь, пролежавшая через восточную Фергану во многом способствовала процессам культурного взаимодействия и культурной интеграции. Через Ош проходил Великий Шелковый путь из Китая в Среднюю Азию, на Ближний Восток и в Европу, благоприятствующий длительным и интенсивным культурно-экономическим взаимосвязям между многими странами мира.

Древность Оша и всего южнокыргызстанского региона ярко рисуют скрещения судеб разных форм хозяйственной деятельности, различных образов жизни, различных культурных традиций, что дает животворный результат для новых культурных и экономических достижений. Уверен, что и в будущем город Ош будет играть важную роль в строении разнообразных международных отношений со многими государствами планеты. И в этой исторической устойчивости я вижу неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего. Не случайно празднование 3000-летия Оша сегодня находит поддержку и одобрение мирового сообщества в лице авторитетной международной организации как ЮНЕСКО.

Я надеюсь, что проводимая Международная научная конференция будет способствовать раскрытию новых неизвестных страниц богатой истории и культуры Оша и послужит хорошим стимулом для дальнейших научных поисков и изысканий.

Дорогие участники конференции, я желаю Вам больших творческих успехов и наилучших результатов.

Президент Кыргызской Республики

Ош и южный Кыргызстан: исторические судьбы

(Некоторые итоги совещаний и разработок, отраженных в серии публикаций «Ош 3000 и культурное наследие народов Кыргызстана»)

Одной из стратегических задач «Ош 3000» была интенсификация исследовательской деятельности, нацеленной на изучение прошлого народов Кыргызстана во всех его аспектах и проявлениях с уделением особого внимания южному региону и прежде всего, его историческому центру городу Ош. Мероприятия, организуемые через государственную структуру в лице дирекции «Ош 3000», позволили объединить исследователей независимо от их служебной и ведомственной принадлежности. Ведущие научные структуры республики принимали активное участие как в организации и проведении симпозиумов, так и подготовке публикаций по данной тематике. Среди таких учреждений следует назвать Национальную академию наук Кыргызской Республики, Национальный государственный университет (г.Бишкек), Ошский государственный университет, Кыргызско-Узбекский университет в г.Ош.

Соответствующее научно-организационное построение работы позволило рассматривать проблематику в широком аспекте различного исторического контекста, в первую очередь, ферганского, но также и центральноазиатского в целом. При этом учитывался опыт соответствующих разработок, осуществлявшихся учеными более отдаленных государств России, Узбекистана, Азербайджана и Индии. Определенным итогом этой деятельности стало издание целой серии проблемно-целевых сборников под общим заглавием «Ош 3000 и культурное наследие народов Кыргызстана».

Одновременно осуществлялись и полевые археологические изыскания. Именно результаты археологических работ послужили, по существу, стимулирующим толчком к выдвиганию президентом А.Акаевым программы «Ош 3000».

Исходным моментом явились раскопки Ю.А.Заднепровского и Е.В.Дружининой памятника бронзового века, располагавшегося на склонах Сулейман-Тоо (Заднепровский, 1997). Он принадлежит к числу памятников чустской культуры, достаточно широко распространенных в Ферганской долине, особенно в ее восточной части. По сравнению с другими памятниками чустской культуры ошское поселение выделяется высоким процентом расписной керамики среди всех находок образцов глиняной посуды. При этом уникальными являются изображения в росписи козлов, явно связанных с анималистическими культурами. Такие изображения вообще кроме ошского поселения не известны на памятниках чустского круга. Обнаруженные на склоне Сулейман-Тоо наскальные рисунки, особенно спиральные лабиринты, явно восходят к весьма раннему времени. Таким образом ошское поселение, которое возможно даже было местом обитания служителей культа, позволяет видеть развитие города Ош как важного культурного центра по крайней мере с 1000 г. до н.э., если даже не более раннего времени.)

Другим важным открытием в числе ошских древностей стали раскопки городища Ак-Буура, проводившиеся под руководством Б.Аманбаевой (Аманбаева, Абдуллоев, 1999; Аманбаева, Набоков, Абдуллоев, 2000).

Эти работы показали, что перед нами эталонный памят-

ник ферганской археологии, подлинный форпост согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи. Древнейшим ядром поселений была подквадратная в плане крепость, которая позднее стала играть роль цитадели. Расцвет города приходится на время VI-VIII веков. Стена цитадели имела внутрискладный коридор, неоднократно укреплялась и в конечном итоге ее толщина достигла 5 метров. К стене основной крепости примыкал обширный участок, строения которого были возведены на высокой платформе, для устройства которой частично использовали естественный рельеф. Здесь были расположены постройки явно престижного характера, в том числе, видимо, резиденция правителя. В ее состав входило и помещение с алтарем, выполнявшее функцию домашнего храма огня. Внутри помещений в этом комплексе были обнаружены сгоревшие базы деревянных колонн и сами колонны, игравшие роль опорных столбов для перекрытия. Этот участок ограждала вторая оборонительная стена, имевшая толщину около пяти метров. Внутри строений в завалах обнаружены куски штукатурки со стеной росписью. Наконец третья стена окружала все поселение в целом. Она наиболее мощная, толщиной около 12 метров.)

Сложная система укреплений, монументальные строения, богатая материальная культура не оставляют сомнений, что перед нами руины древнего города. Повсюду во вскрытых строениях отмечены следы мощного пожара. Сгорели деревянные колонны, стены местами прокалились до красноты, закопчены найденные здесь сосуды. Нет сомнений, что это следы бурных событий арабского завоевания VIII века и, что после неоднократных погромов город был перенесен ниже по течению реки Ак-Буура на место современного города Ош. Здесь при постройке домов повсеместно встречаются археологические материалы средневековой эпохи, в первую очередь, поливная керамика. Именно здесь был город Ош, процветавший начиная с IX-X веков.)

Храм огня, открытый среди монументальных строений за второй оборонительной стеной, не был единственным в городе. Еще один небольшой храм примыкал к этой второй стене с внешней стороны. В нем у одной из стен располагался алтарь огня, оформленный по краям двумя фигурными колонками. Напротив стоял большой хум, где находилась вода для омовения. Вдоль стен шла ступа. Раскопки показали, что культовое здание на этом месте существовало длительное время - ниже располагались друг над другом руины еще двух аналогичных храмов. Как и повсеместно, в Средней Азии в прадарбском Оше процветал местный вариант зороастризма, связанный с культом огня.

Материальная культура Ак-Бууры имеет много общего со стандартами согдийской цивилизации. Ее образцы играли эталонную роль и широко использовались разными народами в процессе культурной интеграции. Таким был, в частности, тюрко-согдийский культурный синтез. В этом отношении примечательна находка на Ак-Бууре обломка сосуда, на котором точечной техникой нанесено изображение изящных коней. Такая техника известна в самаркандском Согде, но таких сюжетов там нет. Фигуры лошадей аналогичны стройным силуэтам лошадей древней Давани, чьи изображения известны по наскальным рисункам. Этих коней китайские войска, вторгшиеся в Фергану, считали одним из ценнейших трофеев. В этом отношении характерны некоторые изменения, происходившие в материальных проявлениях, связанных с погребальными традициями среднеазиатского зороастризма. Для согдийской метрополии форма глиняных оссуариев, куда помещались очищенные кости усопших, традиционно прямоугольная. Она явно подражает формам жилищ осед-

лого населения часто с воспроизведением архитектурных деталей в виде колоннад. С распространением зороастрийской обрядности вне согдийской метрополии в зоны с сильными традициями кочевого образа жизни формы оссуариев изменились - они стали овальными. А.Н.Бернштам справедливо предлагал видеть в таких изменениях форм оссуариев влияние кочевого мира и называл последние северных областей «юртообразными» или «кибиткообразными» (Бернштам, 1950; см. также Кольченко, 1999). По имеющейся информации овальный оссуарий был найден и в окрестностях городища Ак-Буура, где видимо, находился и некрополь, организованный по зороастрийскому обряду. Таким образом, раскопки городища Ак-Буура, проводившиеся в рамках программы «Ош-3000», привели к открытию города преарабской эпохи, являвшегося, судя по всему, одним из наиболее развитых и богатых городских центров раннесредневековой Ферганы.

Таковы некоторые результаты археологических изысканий, проводившихся по этой программе. Раскапывались также древние поселения в ошском оазисе, учитывались случайные находки, происходящие на территории современного города и его окрестностей. Все это составило надежную информационную базу для новых разработок по истории культуры самого Оша и всего ферганского региона в целом. Среди проводившихся разработок, отраженных в изданиях, выпущенных по программе «Ош-3000», можно отметить несколько направлений.

Одним из таких направлений является изучение древних и средневековых городов и, шире, процессов урбанизации в целом. Это имеет особое значение не только для Центральной Азии, но и для других регионов, в частности, для Южного Кавказа (Д.Исмаилов, С.Достигаев, 2000). Археологами открыто на территории Ферганы значительное число поселений, многие из которых не без оснований считаются руинами городов (Горбунова, 1977). По свидетельству китайских источников, используемых отечественными исследователями в переводе Н.Бичурина, в Фергане было 70 «городов». Смушенный таким количеством В.В.Бартольд писал, что это «несомненно деревни» (Бартольд, 1963). Китайист И.Ф.Попова отмечает, что примененные в данном случае в китайских текстах термин «чен» имеет основные значения «крепостная стена» и «город» (Попова, 2000). Кроме того, под термином «чен» подразумеваются и городской ров, и поселение, окруженное каменной или земляной стеной. Скорее всего такие укрепленные поселки, глинобитные стены которых хорошо известны археологам, изучающим памятники Ферганы, и дали основания для подобного заключения китайских хроник, основывавшихся на сообщениях своих информаторов, скорее всего участников военных походов в Фергану-Давань. Укрепления имеют многие памятники из числа изученных археологами в Ферганской долине, в том числе сравнительно небольшие замки-усадьбы. Поселения же городского типа, как известно, отличаются размеры, отражающие феномен концентрации населения, экономического, культурного и интеллектуального потенциала. Именно выполнение поселением специфических функций указывает, в частности, на его городской характер. В равной мере укрепления городов это не просто земляной вал, который, как мы видели, тоже подразумевается термином «чен», а фортификация определенных архитектурных канонов, включая тип башен и сложных предвратных сооружений. В этом отношении достаточно показательны городище Ак-Буура, представляющее собой руины преарабского Оша. Тройной обвод крепостных стен характеризует мощную систему фортификаций. Стены имеют башни, а стена цитадели как главного укрепления, также и внутристенный коридор, предназначавшийся для передвижения вдоль бойниц защитников города. Фортификационная функция военного центра здесь представлена зримо и фундаментально. Монументальное строение между основным укреплением и вторым обводом стен, имевшее в своем составе и внутренний храм огня, явно выполняло представительные функции резиденции правителя, обычно обозначаемые термином дворцов. Это символ значимости

преарабского Оша как административного центра. Наконец храмы огня, как проявление местного зороастризма воплощают функцию идеологического лидерства. Такие поселения городского типа при соответствующем анализе и интерпретационной оценке могут быть выделены среди древних поселений ферганской долины как для древности, так и для средневековья.

Важным аспектом развития городов является урбанизация, которую можно рассматривать как культурный процесс, отражающий формирование городского образа жизни с его специфическими культурными и поведенческими стандартами и эталонами (Массон, 2000). Городской образ жизни при всем эпихальном и региональном разнообразии имеет некоторые общие черты. К ним относятся стандартизация, особенно в сфере материальной культуры, повышенная комфортность среды обитания, и социальная дифференциация образа жизни. Социальная дифференциация образа жизни соответствует как социальному статусу, так и сфере деятельности, особенно получающей все большее распространение, торговле. Возникнув, как концентрация пассионарности, в том смысле как ее понимает Л.Н.Гумилев, город стимулирует различные виды активности, в том числе и предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический тип предпринимателя, происходит актуализация ценностных ориентаций этого типа личности. Правда, на Востоке традиционная социопсихологическая система ценностей и политическая структура централизованной бюрократии играли в этом отношении сдерживающую роль. Как будто одним из исключений было согдийское купечество. Например, в Пенджикенте, судя по ряду признаков, существовала гражданская община, а бухарский Пайкенд вообще именуется «городом купцов». При этом, отсутствие сильной центральной власти в согдийской федерации и такого фактора как культ царя благоприятствовало развитию этой формы общественной активности.

Вторым важным направлением являются вопросы культурогенеза. В.Д.Горячева специально останавливалась на этом направлении в статье, опубликованной в четвертом выпуске ошской серии (Горячева, 2000). Исключительное значение изучения процессов культурогенеза и такой его составляющей, как культурное наследие, зачастую недооценивается современными исследователями. Например, одним из распространенных методологических заблуждений является отождествление этнического наследия и наследия лингвистического. При этом упускается такая важная составляющая этнического наследия как наследие культурное. Устойчивые блоки культурного наследия восходят к глубинным истокам культурного пространства и занимают заметное место в традициях и поведенческих структурах современных народов. В первую очередь, это касается такой сферы, как образ жизни. Образ жизни представляет собой устойчивый комплекс, сложившийся в результате утверждения специфических форм хозяйственной деятельности в условиях адаптации к экологической ситуации. Он включает как сферу материальной культуры, так и мир духовных ценностей, в том числе, что особенно существенно, нормы менталитета.

Ярким примером является утверждение степного образа жизни в зоне евразийских степей. На этой основе сформировался особый блок культурного наследия, который характерен для многих народов региона от башкир до монгол независимо от их языковой принадлежности. Степной образ жизни нашел зримое воплощение в материальной культуре и наборе типов артефактов, начиная с эпохи бронзы. Это прежде всего развитие колесных экипажей, а в погребальном обряде курганные насыпи, маркирующие место захоронения в бескрайних просторах. Качественный скачок произошел с переходом к кочевничеству и освоением верхового коня. В материальной сфере степного образа жизни утверждаются легкие разборные жилища обычно овальные в плане, особые виды посуды из легких материалов - кожи или дерева, удобных для транспортировки. Формируется и тип одежды всадника от бескаблучной обуви до

шаровар. Личность всадника определяет тип менталитета, в значительной мере ориентированный на индивидуальность, включая, кстати, и обрядовые отправления. Это сказалось и на сложении локальных форм ислама в областях с сильными традициями кочевого образа жизни. Глубинные истоки, устойчивое сохранение этих видов культурного наследия независимо от политических и лингвистических перемен несомненны. В Кыргызстане степной образ жизни начал утверждаться с проникновением сюда племен с культурой степной бронзы и прочно утвердился с эпохой номадизма, которая здесь блестяще представлена сакской культурой. Можно считать, что сакское культурное наследие в этом отношении образует глубинные основы позднейших народов, включая средневековых кыргызов. Это заметно в ряде отношений. Показательна такая, казалось бы внешняя деталь, как остроконечные шапки, продолжающие традиции саков тиграхуда-ортокорибантиев («носящих острую шапку»).

Перспективы новых подходов к истории формирования народов, составляющих население Ферганы, продемонстрированы в статье С.А.Полякова (Поляков, 2000). Предлагаемый им ранговый подход предусматривает учет при изучении истории населения экономического фактора. Он в частности отмечает, что взаимовыгодные связи земледельческого и скотоводческого населения отнюдь не регламентировались приоритетами «национальной», а точнее «этнической» принадлежностью партнера (Поляков, 2000, с.40). Следует учитывать и духовное наследие, часто завязанное на традиционном менталитете. В этом отношении интересны разработки Д.Льюиса (Льюис, 2000). Все эти аспекты, также как и собственно культурное наследие, бесспорно имеют большое значение для углубленной разработки вопросов истории народов, которая с советских времен закомплексована термином этногенез.

И, наконец, третье направление связано с рассмотрением проблемы культурных взаимодействий, особенно в их творческом аспекте, ведущим к сложению на интеграционной основе новых феноменов и структур. В этом отношении вырисовывается еще один немаловажный аспект программы «Ош 3000». Восточная Фергана издревле была полигоном, где разворачивалось взаимодействие культур, народов и цивилизаций. Это была зона ретрансляции культурных инноваций и творческих идей. Здесь постоянно отмечается движение населения, материальных и интеллектуальных ценностей. Для интегрированных аспектов важно взаимодействие кочевого и оседлого населения, что составляло специфическую черту жизнедеятельности, начиная по меньшей мере с поры ранних кочевников. В материальной культуре сакских племен, это, в частности, проявилось в появлении на глиняной посуде расписных орнаментов. Этот прием характерен для керамической традиции оседлой Ферганы, начиная с чутской культуры. Данный вопрос неоднократно рассматривался К.И.-Ташбаевой, в том числе и в ходе совещаний по программе Ош-3000. Сакские курганы с подобной керамикой были обнаружены неподалеку от самого Оша (Ташбаева, 2000). Хорошо известен такой феномен как тюрко-согдийский культурный синтез, проявляющийся, в частности, и в ферганских материалах. Для процесса взаимодействия культур и цивилизаций своего рода символом стал, так называемый Великий шелковый путь, разные аспекты которого рассматривались в ходе совещаний и нашли отражение в публикациях (Воропаева, Горячева, 1998). В одном из сборников материалов проводившихся конференций, этому направлению был посвящен особый раздел - «Великий шелковый путь и интеррегиональные связи и взаимовлияния».

Таким образом, есть основания заключить, что научные изыскания, осуществлявшиеся по программе «Ош-3000» от археологических раскопок до сводных исследований и теоретических разработок, заметно содействовали движению исторической науки, обращающейся к прошлому Кыргызстана в широком контексте.

Литература

1. Аманбаева Б., Абдуллоев Д., Доарабский Ош в свете раскопок. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек. 1999.
2. Аманбаева В., Голицина А., Набоков В., Абдуллоев Д.; Новые раскопки на городище Ак-Буура. // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте Бишкек, 2000.
3. Бартольд В.В., Фергана, соч.т.Ш. М. 1985.
4. Бернштам А.Н., Согдийская культура и тюркский каганат. // Труды Семипалатинской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА СССР, №14, М.-Л. 110-125, 1950.
5. Воропаева В.А., Горячева В.Д., Великий шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы. // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.
6. Горбунова Н.Г., Поселения Ферганы первых веков нашей эры, СА, №3. 1977.
7. Заднепровский Ю.А., Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
8. Исмаиладзе Г., Достигаев Т., Изучение средневековых городов Азербайджана в сравнении с урбанизацией Средней Азии. // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте, Бишкек, 2000.
9. Кольченко В.А. К типологии оссуариев Чуйской долины. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.
10. Льюис Д., Национальные особенности и религии в Центральной Азии. // Ош и Фергана: новое время, культурогенез, археология, этнография. Бишкек, 2000.
11. Массон В.М., Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.
12. Массон В.М. Оседлый и городской образ жизни: пути культурогенеза. // История, экономика, культура юга Кыргызстана. Ош, 2000.
13. Поляков С.А., Фергана. История формирования населения Птыс. до н.э. // Ош и Фергана в исторической перспективе. Бишкек, 2000.
14. Попова И.Ф. Китайские источники о Фергане. // Ош и Фергана в исторической перспективе. Бишкек, 2000.
15. Ташбаева К.И., Культура ранних кочевников Ошского оазиса // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте, Бишкек, 2000.

Б.Э. Аманбаева

(Бишкек)

Д.А. Абдуллоев

(Санкт-Петербург)

ДОАРАБСКИЙ ОШ В СВЕТЕ РАСКОПОК

АК-БУУРИНСКОГО ГОРОДИЩА

(предварительные итоги)

Динамика развития Оша в античный и средневековые периоды, судя по всему, связана с перемещением его нуклеарной части в пределах «большого Оша». Многочисленный подъемный материал вкупе с данными археологического надзора и планомерных раскопок являются основными для наших суждений о городе этих эпох.

Ош давняго времени, - один из «70 больших и малых городов» Ферганы, включенных в систему великой евразийской магистрали, Великого шелкового пути. По-прежнему сохраняется сакральная функция Сулайман-Тоо, о чем красноречиво свидетельствуют наскальные рисунки, среди которых особое место занимают изображения «небесных коней даваней». Кстати, одна из версий локализации Гуйшань-чэна, - «города у святой

или высокочтимой горы» связана именно с Ошем (Боровкова, 1989 г.). Но где же располагался город античного и раннесредневекового времени? С каким памятником на территории «большого Оша» можно связать город этих эпох?

Раскопки 1989 г. (Ю.А.Заднепровский), 1997-2000 гг. (Б.Аманбаева и др.) на городище Ак-Буура в юго-восточной части современного города дали исследователям основание считать его Ошем доарабской эпохи (Аманбаева и др. 1998 г.; Аманбаева, Абдуллоев, 1999 г.; Массон, 1998 г.; он же, 1999 г.; Аманбаева, Абдуллоев, Брыкина 2000 г.). На этом памятнике выявлена преемственность слоев от рубежа н.э. до VII-VIII вв.н.э. и все слагающие компоненты городской культуры. Городище расположено на юго-востоке Оша. В исследовательской литературе известно под названием Ак-Бууринской крепости (А.Н.Бернштам, Ю.А.Заднепровский). По классификации А.Н.Бернштама относится к типу тепе на площадках с полусферической цитаделью, сформировавшихся в результате разрушения многокомнатной постройки типа согдийских замков. Он отмечал, что они, как правило больших размеров (до 100 м в диаметре) и часто перерастают в городки, стоящие на миниатюрных шахристанах. Характерным для такого типа тепе, считал этот исследователь, является их тяготение к равнинам, причем чем ближе они к ним, тем больше по размерам (А.Н.Бернштам, 1952, с. 239, 249). Ак-Бууринская крепость, по его мнению, защищала Ош с юго-запада, и ведала его оросительной системой. Хронологически он помещал памятник между IV-V вв. и VI-VII вв. (по его терминологии - поздних кушан и ранних тюрков).

Ю.А.Заднепровский, вслед за А.Н.Бернштамом именуя его так же южным форпостом на подступах к Ошу. В 1987 г. им были проведены небольшие по объему работы на 5 объектах, давших столь же ограниченные результаты. Однако в отличие от своего предшественника он считал, что площадь памятника значительно больше и называл цифру около 12 га с округой (Заднепровский, 1997 г.). Кроме того, основываясь на результатах тех же исследований 1987 г., он высказал предположение, что городище возникло на рубеже н.э. и продолжало функционировать в раннее средневековье и частично в караханидскую эпоху, что было подтверждено последующими изысканиями южно-кыргызского археологического отряда в сезоны 1907-2000 гг. Городище состоит из внушительной двухъярусной цитадели и прилегающего к ней шахристана, окруженного стенами, повторяющих контуры естественного рельефа, - характерного способа укрепления поселений и городищ, расположенных в горных и предгорных районах. Оба яруса цитадели также защищены стенами, на которых четко прослеживаются угловые башни. Нижний ярус цитадели возвышается над шахристаном на 18 м.: 6,5 м. составляет высота верхнего яруса. Размеры по основанию обеих ярусов, соответственно, равняются 120 x 105 и 80 x 65 м. Общая площадь городища оценивается нами приблизительно в 5-7 га, т.е. оно относится к малым городам, площадь цитадели которых не превышает 20-25 % от общей территории (Буряков, 1982). К сожалению, значительная часть памятника занята современным кладбищем, что осложняет процесс раскопок. В ходе исследований 1998-2000 гг. изучалась фортификационная система всех трех частей городища, вскрыты остатки сооружений, как на цитадели, так и на шахристане. На северо-востоке верхнего яруса цитадели удалось зачистить угловую башню и прилегающую к ней часть восточной стены, а также осуществить ее (на месте склада Г-0) поперечный разрез, захвативший и двор цитадели. Выяснилось, что и башня с помещением, и стена были выложены из прямоугольных сырцовых кирпичей размером 44(5) x 25 x 7,5(8) см: встречается также квадратный кирпич форматом 30(33) x 3(33) x 7(7,5) см. Следует отметить, что северный склон башни был частично обложен галечником, при этом они иногда имели вид ступенек, врезанных в «тело» башни. Разрез восточной стены доведен до отметки 3,6 м. от современной дневной поверхности. Стена неоднократно укреплялась, причем с внешней, восточной стороны, в результате чего она приобрела толщину око-

ло 8 м. Примерно в ее середине зафиксировано помещение с прокаленными докрасна стенами. Слой горелости и пепла хорошо прослеживается и на его полу, который фиксируется на отметке 1,3 - 1,4 м. от гребня современной стены.

Помещение шириной в 2,3 м. после пожара было заложено кирпичами размером 45 x 25 x 7,5 см. В данном случае, скорее всего, мы имеем дело с внутрстенным стрелковым коридором. Весь имеющийся комплекс материалов с верхней части цитадели позволяет датировать этот уровень концом VII-VIII вв.н.э. В восточном секторе нижней части цитадели, по всей видимости, находились постройки престижного характера. Раскопки производились на юго-восточном участке здания. Здесь был вскрыт отрезок оборонительной стены толщиной 2,5 м. с остатком башни, выложенной из кирпича размером 55 x 25 x 8 см. Эта стена также неоднократно наращивалась, в результате чего приобрела ширину в 4 м. В кирпичном завале между основной и первой приставной стеной были обнаружены элементы от декоративного фриза из плотной глины в виде Сасанидского перла со сквозным отверстием в центре. Отверстие, видимо, служило для крепления перла к стене при помощи деревянного штыря. Возможно, что таким декоративным фризом был украшен фасад второй оборонительной стены цитадели. Примером подобного украшения крепостных стен в Средней Азии в преарабское время служат фризы из фигурного сырцового кирпича и глины на фасаде оборонительных стен цитадели Пенджикента (Исаков А., 1977, рис.32) и Кафыр-калы (Литвинский, Соловьев, 1985, с.91, рис.32).

Башня этой линии обороны была прямоугольной. Стены ее и пол были сильно обожжены, видимо, вследствие большого пожара. На полу обнаружены 4 железных наконечника стрел. Две из них неплохой сохранности относятся к типу трехлопастных и имеют пирамидальные контуры. Наконечники такого типа датируются VI-VIII вв.н.э. Аналогии им можно найти на других памятниках Средней Азии: в древнем Пенджикенте (Беленицкий, 1959, с.98, рис.7), на Ак-Тепе близ Ташкента (Тереножкин, 1948, с.123, рис.361). В западной стене башни находился проход, шириной 35 см. ведущий в помещение №1 (зал с алтарем). Он имеет прямоугольную форму, вытянут с юга на север на 7,5 x 5,7 м. Раскопан на уровне верхнего пола. Все стены зала были построены из сырцового кирпича размером 55x25x10 см. и обмазаны саманной штукатуркой толщиной в 2 см. Помещение подвергалось сильному воздействию огня, о чем свидетельствуют обожженные до красноты штукатурки и большое количество обуглившегося дерева, в завале над полом помещения. Вероятно от деревянных конструкций. На расстоянии 21 метра от северо-западного угла помещения находится очаг-алтарь подковообразной формы. Ширина алтаря 80 см., длина 80 см., высота от поверхности пола 17 см. К югу от него в западной стене помещения имеются 19 неглубоких ниш (от 5-8 см. глубиной) и шириной отверстий до 10 см. По краям и изнутри они гладко оштукатурены и расположены в один ряд. Помещение зачищено на уровне верхнего пола. Сохранившаяся высота обмазанных штукатуркой стен 1,3-1,7 м. Восточная стена помещения является тыльной стороной второй оборонительной стены цитадели. На стенах комнаты сохранились следы сильного пожара. В завале и на полу помещения обнаружено большое количество фрагментов обуглившегося дерева, вероятно от деревянных конструкций. В завале был также найден фрагмент расписного глиняного архитектурного декора овальной формы длиной 22 см., шириной 10 см., толщиной 8 см. Роспись была нанесена желтой краской на красном фоне. На верхнем углу помещения в положении «in situ» стояли три целых узкогорлых столовых кувшина и одна хумча с отверстием под венчиком. Кувшины высотой 23-25 см. изготовлены на гончарном круге. Аналогичные им сосуды встречаются в верхнем слое древнего Пенджикента (Бентович, МИА №24; Саввониди, 1992 г.); они также были найдены на Балалык - Тепе (Альбаум, 1960 г., стр.89, рис.61). на Кафыр-Кале (Соловьев, 1973 г., стр.295-296) и других памятников. Хумча высотой 25 см.

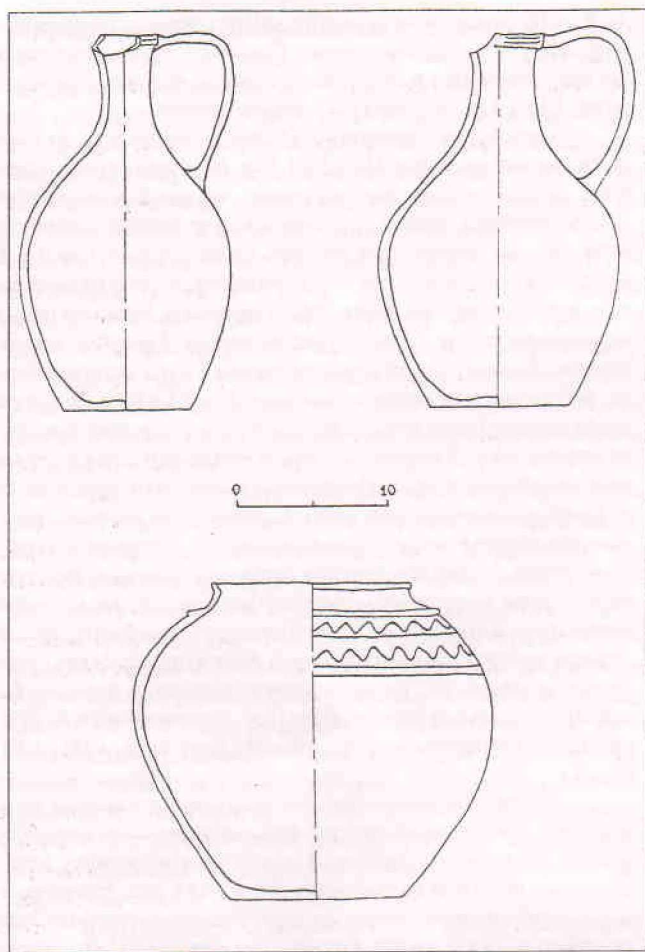

Рис. 1

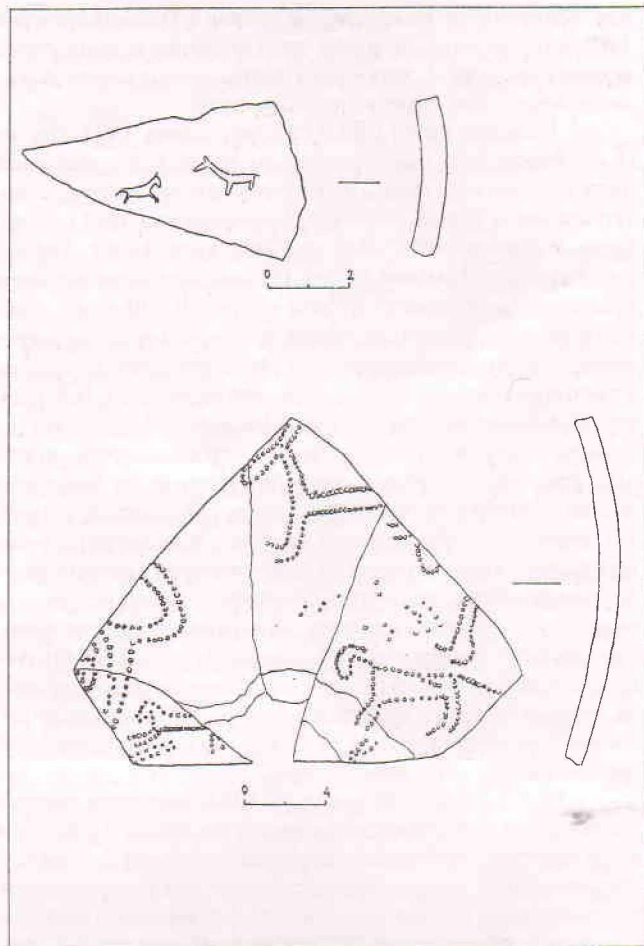

Рис. 2

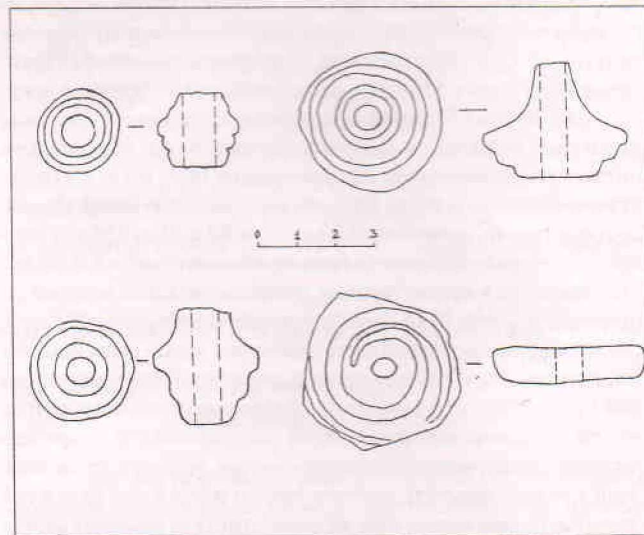
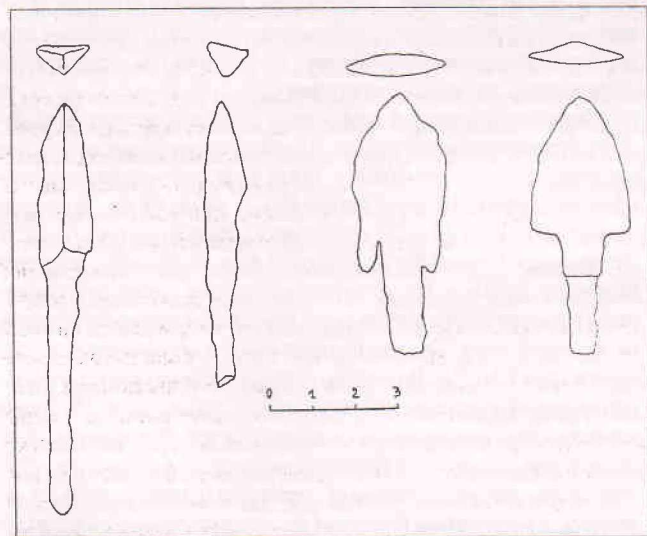

Рис. 3

орнаментирована по плечикам орнаментом из волнистых и прямых линий и отверстиями под венчиком также имеет аналогии в верхнем слое Пенджикента (Бентович, 1964 г., стр.272, рис.8,9). Таким образом, весь выше описанный комплекс датируется концом VII-VIII вв.н.э. К северо-западу от башни крепостной стены нижней площадки вскрыт коридор (помещение 2) прямоугольной формы и вытянутый с севера на юг (длина его 2 м., ширина 1,5 м.). Стены возведены из кирпича размером 50х25х10 см. и обмазаны штукатуркой толщиной 1,5 см. На стенах и на полу этого помещения встречаются следы сильного пожара. Пол коридора ровный. Судя по всему, он имел сводчатое перекрытие. Проход в восточной стене вел в башню, а через проходы в северной и западной стенах вели в помещение 1 (зал с алтарем) и помещение 3, которое находится к северу от башни и коридора (помещение 2). Оно имеет прямоугольную форму, вытянуто с востока на запад, размеры его 4,7 x 2,4 м. Хорошо сохранились западная, южная и северная стены построенные из сырца размером 50х25х10 см. и обмазанные тремя слоями штукатурки. Гораздо хуже сохранилась восточная стена, всего на высоту 15-20 см. от поверхности пола. Всего в помещении зафиксировано три уровня пола. Перекрытие его было также сводчатым. На поверхности среднего пола были найдены железный наконечник стрелы и железное шило. На уровне нижнего пола были сделаны следующие находки: фрагмент венчика красноангобированной чаши VI в., фрагмент широкогорлого кувшинчика без ручки с черным ангобом по плечико сосуда, датируемого также VI в. С поверхности этого же пола поднята железная пластинка со сквозным отверстием, видимо, от пластинчатой кольчуги. Для выяснения подстилающих слоев под нижним полом в западной части был заложен шурф 2х1,5 м. в результате чего выяснилось, что в этой половине помещения под ним находится сводчатое помещение, идущее с востока на запад, его размеры пока 1,4 x 2,3 м., раскопано оно на глубину 0,5 м. от поверхности нижнего пола помещения 3. Помещение 4 находится к северу от помещения 3 и имеет прямоугольную форму (475х382 см.) и вытянуто с востока на запад. Стены возведены из сырового кирпича размером 55х25х10 см. и обмазаны слоем саманной штукатурки. Следы пожара зафиксированы на стенах и этого помещения, имевшего два прохода. Один находится в северо-восточном углу, и соединял помещение 4 и еще не вскрытым помещением к востоку от него другой проход располагался в северо-западном углу, и связывал помещением 5 к северу от него. Оно расчищено на уровне верхнего пола, где зафиксирован целый хум, а также найдены три керамические пряслица различной величины. Рядом с вышеупомянутым хумом была обнаружена археологически целая форма - тагары, диаметр венчика которой 45 см., высотой 18 см. В этой же части цитадели, возле юго-восточного угла, где при визуальном осмотре четко выделялись пандус и некое «предварительное» сооружение в сезон 1999-2000 гг. зачинена башня окрестных очертаний. По формату кирпича, строительной техники и керамическому комплексу она относится к самому последнему периоду обживания городища — караханидской эпохи. Исследования проводились также на территории шахристана, к востоку от цитадели. Раскоп занимает северо-восточную часть нижней площадки городища. На этом участке открыты сооружения, по крайней мере, трех периодов. Возведение построек каждого из последующих периодов сопровождалось существенным изменением планировки, и может быть, назначением сооружений. К наиболее раннему периоду относится большой прямоугольный зал помещения 1, вытянутый длинной осью в направлении северо-восток - юго-запад, его размеры 12,4х5,5 м. Стены сохранились в высоте от 0,5 до 1,5 м. Сложены они из сырцовых кирпичей размером 25х55х8 см. покрытых толстым слоем саманной штукатурки. Вдоль западной и восточной стен тянутся суфы шириной около 1 м., прослеживается она и вдоль южной стены. Напротив очага-алтаря, расположенного у северной стенки, суфа образует эстраду - площадку размером 135х380 см. и высотой 20х23 см. от уровня пола. Вдоль западной и восточной стен тя-

нутся суфы шириной около 1 м. Суфа прослеживается и вдоль южной стены.

Около северной стены, на расстоянии 5,4 м. от северо-западного угла помещения находится очаг-алтарь, обрамленный двумя пилонами и поднятый на невысокий прямоугольный подиум. Стены очага сильно прокалены, что свидетельствует о длительном и интенсивном горении огня. Юго-западнее алтаря находился хум, около которого в пол вкопаны три плоских камня. Размеры зала, наличие в нем суф для сидения и культового очага дают нам основание для предположения, что он выполнял культовые функции. Известно, что часовня или святилище относились к парадной части согдийского жилища VII-VIII вв. Они выполняли функции домашнего святилища огня, возможно с постоянным пламенем (Гуревич, 1981 г., стр.45-47). Обнаруженный на Ак-Бууре очаг почти идентичен согдийским пристенным очагам-алтарям (Ахунбаев, 1987 г., стр.10-22), особенно с пенджикентскими (Распопова, 1990, стр.153, рис. 76, 83). Отличие состоит лишь в отсутствии декоративных глиняных колонок. Ак-Бууринский зал весьма схож по своей планировке с тройным залом с очагом-алтарем на Кафыр-Кале (Литвинский, Зеймаль, 1970 г., стр. 157). Ни фрагментов керамики, за исключением нижней ножки керамической курильницы гончарного изготовления профилированной тремя горизонтальными желобками, разделенных между собой невысокими валиками. Аналогичные курильницы - частые находки в слоях VII-VIII вв. в Пенджикенте (Бентович, 1964 г., стр.288, рис.28). Очень похожие курильницы были найдены на Балалык-Тепе (Альбаум, 1960 г., стр.75, рис.52), Ток-Кале в Хорезме (Гудкова, 1964 г., стр.65, рис.10-16) и Кафыр-Кале (Соловьев, 1973 г., стр.300-331) и др. памятниках Средней Азии до арабской эпохи. К этому же периоду функционирования относятся остатки еще нескольких помещений, которые были расчищены в сезон 2000 года.

Разрушение здания сопровождалось мощным пожаром, его следы прослежены и в зале здания и в прилегающих к нему помещениях.

В зале следы огня, хорошо видны на стенах - штукатурка прокалена докрасна. На полу же лежали обуглившиеся бревна - остатки рухнувшей кровли.

Прослежены также два периода функционирования, более поздний по времени, чем предшествующий.

Коллекция керамики из стратиграфического шурфа раскопа, доведенного до отметки 4,2 м. немногочисленная. Более половины керамики составляют фрагменты сосудов, сформированных ручным способом. Она представлена хумами грубой работы с примесью дресвы и шамота, красноангобированными кувшинами и чашами. Из керамики сформированной на гончарном круге имеются чаша с перегибом бортика. Красно- и черноангобированной керамики мало и представлена она мелкими фрагментами. Интересна находка керамической подставки - шашлычницы. Подобного рода керамические подставки самых различных форм были широко распространены в Фергане, в раннесредневековых комплексах (Брыкина, 1982, с.106). Самой примечательной находкой являются черепки от хума или корчаги с изображением лошадей и других фигур. Изображения выполнены до обжига, по сырой глине с помощью кружков - пунсонов. Животные изображены схематично, в движении, рукой опытного мастера, привыкшего к канонизированным изображениям. К сожалению, сохранилась только часть изображения, несомненно, представляющего первоначально собой законченную смысловую сцену. Кроме лошадей, вероятно, были изображения и других животных, которые из-за фрагментарности почти не восстанавливаются. Следует отметить, что это не единственные изображения коней на керамике в Фергане. Найдены были они и на Сым - тепе и Куок - тепе (Горбунова, Козенкова, 1974), а так же в Гайрат - тепе (Козенкова, 1964) и Мунчак - тепе (Заднепровский, 1973). Хронологически выше перечисленные изображения относятся к шуробашатскому этапу истории Ферганы, т.е. к античности. Ак-Бууринские изображения явно «моложе» их, о чем

свидетельствуют стратиграфические условия и сопутствующий им материал.

Скорее всего, они относятся к раннему средневековью. Столь широкие хронологические и пространственные распространения изображений коней в Фергане не случайны. Оно является красноречивым подтверждением существующего в этом регионе культа коня и объектов поклонения ему в виде скульптуры и рисунков. Культ коня, как известно, был связан у среднеазиатских народов с поклонением солнцу.

Кроме вышеописанных работ на шахристане проводились и исследования участка южной городской стены. В результате раскопок выяснилось, что она стоит на каменном фундаменте около 1 м. высотой и выстроена из кирпича размером 55 x 25 x 8 см. Толщина ее в месте разреза достигала 12 м., сохранившаяся высота (от уровня современной дневной поверхности) около 6 м. Здесь же была зачищена башня подквадратной формы из кирпича такого же размера, располагавшаяся, видимо, возле южных ворот города. Многообещающим кажется раскоп с наружной стороны западной стены шахристана, где найдено несколько целых керамических форм, среди которой интерес представляет небольшой кувшин со сливом и инкрустированной стеклышками ручкой. Подобная орнаментация керамических сосудов является не чем иным, как подражанием дорогим металлическим изделиям. Такой способ украшения керамики был особенно популярен в Средней Азии во второй половине VII-VIII вв. (Маршак, 1961).

Таким образом, судя по стратиграфии, керамическому материалу, размерам кирпичей и строительной технике, верхние слои городища Ак - Буура датируются VII - VIII вв. н.э. Исключение составляют остатки круглой башни на втором ярусе цитадели, расположенной непосредственно над зданием VII - VIII вв. н.э., связанные с частным обживанием городища в предмонгольское время. Хорошо фиксируемое усиление оборонительных сооружений относится к концу VII - VIII вв. н.э. Этот факт в совокупности со следами сильнейшего пожара, наблюдаемого на всех раскопах, наводит на мысль, что город погиб в результате военных действий. Сейчас еще преждевременно слишком прямолинейно увязывать события с главным политическим сюжетом той эпохи, - арабским нашествием, но и исключать эту возможность нельзя. Вероятно, так и не оправившийся после этих событий город, мигрировал ниже по реке, где его уже описывают арабские дорожники IX - X вв. Итак, сегодня с большой долей вероятности, можно утверждать, что доарабский Ош - располагался на месте нынешних Ак - Бууринских развалин, древнейшие напластования которого уходят в античность, о чем сигнализируют керамические находки во всех частях городища. Исследование города мархаматского периода еще предстоит, тем самым открываются перспективы изучения цепочки эволюции ошского культурного центра, у истоков которого находилось поселение бронзового века на Сулайман - Тоо.

Иллюстрации:

1. Сосуды из зала с алтарем (ном. 1) на нижней площадке цитадели.
2. Фрагменты керамики с Ак-Бууры с зооморфным орнаментом. Нижний рисунок из культового помещения в Шахристане. Верхний - из завала башни первого яруса цитадели.
3. Наконечники стрел с оборонительной стены нижней площадки цитадели (ном. 1).

Литература:

1. Альбаум Л. Балалык - тепе. Ташкент, 1960.
2. Аманбаева Б., Абдуллаев Д., Сулейманов Р., Грицина А., В. Набоков. Некоторые итоги исследований южно-кыргызского отряда в сезон 1998 г. // Древний Ош в среднеазиатском контексте: Тез. докл. конф. «История и культура Оша в домонгольскую эпоху».

3. Аманбаева Б., Абдуллаев Д. Предарабский Ош в свете раскопок 1998 г. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.
4. Ахунбаев Х. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии - Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
5. Бернштам А. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. - №26. М. Л., 1956.
6. Беленский А. О раскопах древнего Пенджикента в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане Вып. 4. Душанбе, 1959.
7. Бентович И. Керамика верхнего слоя Пенджикента VII-VIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. - №124. - М. Л., 1964.
8. Боровкова Л. Запад Центральной Азии во II до н.э. - VII в. н.э. М., 1989.
9. Буряков Ю. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
10. Брыкина Г. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. М., 1982.
11. Гудкова А. Ток-кала. Ташкент, 1964.
12. Гуревич Л. К интерпретации пенджикентских капелл // Тез. докл. конф.: «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
13. Исаков А. Цитадель древнего Пенджикента. - Душанбе, 1977.
14. Литвинский Б., Соловьев В. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
15. Массон В. Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.
16. Литвинский Б., Зеймаль Т. Раскопки на Анджина - тепе и Кадыр - кале в 1970 г. // Археологические работы в Таджикистане. - Вып. 10. Душанбе, 1973.
17. Маршак Б. Влияния торевтики на согдийскую керамику: Труды Госэрмитажа, вып. V.-Л. 1961.
18. Нурмухамбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
19. Распопова В. Жилища Пенджикента. Л., 1990.
20. Саводини Н. Керамика Пенджикента VII-VIII вв.: комплекс, типологии и историческая интерпретация. АКД. - СПб, 1992.

Э.Р. Усманова

(Караганда)

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ - ПРОСТРАНСТВО ПРОФАННОЕ И САКРАЛЬНОЕ

Ошское поселение заметно выделяется по своим признакам от остальных поселений чувствской культуры восточной Ферганы. Археологи неоднократно отмечали его культурную оригинальность, которая выражалась в следующем: террасовидная планировка жилищ на горе; малочисленность находок из бронзы и кости; большой процент наличия так называемой престижной, расписной керамики. По мнению Ю.А.Заднепровского жители поселения не могли активно заниматься скотоводством и земледелием, прежде всего из-за его расположения на склоне горы. «Непонятно, зачем понадобилось населению сооружать свои жилища и копать многочисленные хозяйственные ямы довольно высоко на горе, а не поблизости от полей на равнине» (Заднепровский).

ровский, 1997, с.82). Кроме того, судя по наличию крупных камней в заполнении и на полу жилищ, территория поселения могла страдать от частых камнепадов и весенних потоков воды. Все это указывает на временный и сезонный характер ошского поселения. Его неординарное положение в системе памятников чувской культуры позволило исследователям говорить о нем как о культовом центре, помещенным у горы, которое, видимо, уже в эпоху бронзы было объектом поклонения (Заднепровский, 1997, с.94). Подтверждением древней сакральности этого места, ставшего впоследствии *imago mundi* народов Центральной Азии, являются наскальные рисунки. Однако я не буду касаться образа самой "Горы". Совершенно очевидно, что перед нами один из самых распространенных архетипов традиционного мышления - "Мировая Гора", который служил и служит символическим образцом Космоса для ритуального поклонения на протяжении тысячелетий (Топоров, 1980, с.311). Интересно рассмотреть знаковое значение самого ошского поселения, расположенного на границе двух пространств: обыденного и священного.

По выражению Ю.А.Лотмана, в культурах бесписьменного периода, к коим относится и чувская культура, особую информативность приобретают предметы, которые могут играть роль отдельных символов, выстроенных в своеобразный "текст"-сообщение. (Лотман, 1970, с.14). Любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак. В культурах традиционного облика «о каждом предмете, помимо ограниченных сведений, касающихся его физической природы, существовало еще и иное знание: знание его символического смысла» (Гуревич, 1972, с.63). Предметы имеют двойственную природу: утилитарную (вещную) и символическую (сакральную). Например, сосуд мог использоваться как в быту, так и в ритуале. В зависимости от его применения и обозначались его функции профанные или сакральные. На ошском поселении глиняная посуда являлась основным массовым материалом и представляла все ведущие разновидности, типичные для чувской культуры. Всю лепную керамику Ю.А.Заднепровский разделил на шесть групп по технологическим признакам и на семь классов по морфологическим особенностям (Заднепровский, 1997, с.48-53). В наличии имела хозяйственная посуда и особо выделялась керамика с красной облицовкой и росписью, отличавшаяся своим улучшенным качеством. Роспись на сосудах выполнена черной краской по красной облицовке. Классификация орнамента включает шесть групп, в которых есть узоры, заштрихованные сеткой (ромбы и треугольники), силуэтные геометрические, растительные и зооморфные узоры (Заднепровский, 1997, с. 54-57). При этом группа керамики с росписью, найденная на ошском поселении, в процентном отношении составляет больший процент по сравнению с керамическими комплексами с других поселений чувской культуры (Заднепровский, 1997, с.92). Хотя по своим размерам поселения Дальверзин и Чуст превосходят ошское. Обозначив этот тип керамики как престижный, вполне вероятно отнести ее применение в обрядах, которые, в первую очередь, были связаны с культом плодородия, столь необходимый для жизнедеятельности архаических обществ. То есть расписная керамика имела иной знаковый статус, чем хозяйственная и выступала как самостоятельный ритуализованный объект. Возможно, такие ритуальные сосуды специально изготавливались на ошском поселении и распространялись по региону, где жили племена чувской культуры. Культовость и сакральность керамики определялись самим местом ее изготовления у подножия "Мировой Горы" - Сулайман-Тоо. По всей видимости, краска для красной облицовки поверхности сосудов добывалась здесь же. В пещере Руша-Ункур до сих пор сохранились мощные природные выходы красной железистой глины, которая могла использоваться в качестве красителя и добавок к керамическому тесту. Поселение, на котором делалась ритуальная керамика, символически уподоблялось "центру мира" из-за своего расположения у "Горы". Важность символики "центра" как и в архаических культурах, так и во всех

цивилизациях Востока, была связана с идеей сообщения с Небом, поскольку человек архаического общества ощущал себя неразрывно связанным с Космосом и космическими ритмами (Элиаде, 1987, с.152-154). Наверное, по этой причине, повторения Небесного на Земле («все в Земном мире имеет свой прототип в Небесном») (Элиаде, 1995, с.210), селились люди у "Горы" и делали обрядовую керамику из глины, которая вбирала в себя ее "небесную святость". И видимо, на поселении жила племенная группа, связанная главным образом с гончарством.

Этнографически известно, что производство керамики у народов Средней Азии носило сезонный характер (Пещерева, 1959, с.18). Обычно глиняная посуда изготовлялась в период с весны до ранней осени. Сезонность гончарства исходила из самого процесса выделывания керамики. Заготовка глины, замес теста, сушка и обжиг сосудов требовали определенного температурного режима и климатических условий. На ошском поселении были найдены камни для растирки минеральной краски, куски охры, каменные ложила для обработки поверхности и плоские камни-подставки, использовавшиеся при формовке сосудов. Лепная керамика обжигалась на открытом огне. К сожалению, места обжига керамики не были зафиксированы на поселении. Зато обнаружено достаточно много золы, которая могла образоваться после обжига (Заднепровский, 1997, с.16-18). По данным этнографии обжиг глиняных лепных сосудов в Средней Азии производился в кострах, сделанных из навозных лепешек. Для этих целей могли использоваться и жилищные очаги (Пещерева, 1959, с.40-41). Таким образом, артефакты ошского поселения указывают на некоторую его специализацию, соотносимую с гончарством. Кстати, фрагменты от "ритуальных" расписных сосудов были найдены не в мусорных ямах, а именно, возможно, вырытых для их хранения, специальных ямах (Заднепровский, 1997, с.13). В яме 5, кроме фрагментов керамики, находились каменные ступка и пест, символическое значение которых как предметов, обозначенных культом плодородия, очевидно.

Что касается самой фигуры гончара, то она входит в единый семантический ряд профессий "демиургов", создающих элементы мироздания. К ним относятся такие профессии как гончар, кузнец и ткач. Горшечник имеет дело с глиной и огнем, главными строительными элементами мироздания. Во многих преданиях народов Старого и Нового света первый человек был сотворен из глины. Кроме того, в некоторых архаических обществах гончары составляли особую священную группу, обладавшую жреческими функциями. Священный характер профессии гончара, определяется способностью обрабатывать "живую глину" - землю (Иванов, 1980, с.309). В некоторых областях Средней Азии гончарное дело представляется женским занятием (Пещерева, 1959, с. 18). Ручная лепка сосудов, которая относится к домашним ремеслам, была женским занятием в отличие от изготовления станковой керамики на гончарном кругу мужчинами (Вайнхольд, 1989, с.65). Очень часто горшечница могла выступать в роли жрицы во время обрядов, призванных обеспечивать плодородие земли. (Иванов, 1980, с.310). Сами орнаментальные композиции, нарисованные на сосудах ошского поселения, также образуют семантическое "поле", символически определяющее культ плодородия. (см.: Амброз, 1965 и Даркевич, 1960). Ромб, треугольник, "свастика", "елочка" - эти и другие знаки на сосудах, составляли неведомые нам "тексты" с сакральными идеями о сущности Вселенной. «В этих идеях должны быть заложены мотивы преумножения и сохранения пищи, ограждения ее от "злых сил природы", а также благополучия человеческого существования.» (Генинг, 1989, с.163). У среднеазиатских народов эти идеи переданы одним общим термином "баракат" - благодать.

Итак, ошское поселение эпохи поздней бронзы могло принадлежать производственной "касте" гончаров, которая выделяла ритуальную посуду вместе с посудой хозяйственного назначения. Материализация основных сакральных идей, действовавших в обществе племен чувской культуры происходила

в процессе изготовления керамики, который возможно, сопровождался специальными ритуалами на горе и в пещере. Уникальность ошского поселения определилась его местоположением на границе профанного и сакрального пространств, разделенных "Мировой Горой". Символический смысл ее, по всей видимости, начал формироваться в эпоху бронзы и стал имитацией небесного (сакрального) архетипа.

Литература

1. Амброза А.К. Раннеземледельческий культовый символ: «ромб с крючками» // СА. 1965, №3.
2. Вайнхольд Р. Керамика // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура, Вып. 3. М., 1989.
3. Генинг В.Ф. К вопросу обряд археологической интерпретации «кетской проблемы» (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
5. Даркевич В.В. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА, 1960, №4.
6. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение в истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Б.: Мурас, 1997.
6. Иванов В.В. Гончар // Мифы народов мира. М., 1980. Т.1.
8. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры // ТТУ. Вып. 1. Тарту, 1970.
9. Пещерева Е.М. Гончарное производство в Средней Азии // ТИЭ. Т.ХЛII. М.-Л., 1959.
10. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.
11. Элиаде Мирча. Космос и история, М., 1987.
12. Элиаде Мирча. Аспект мифа. Инвест-ППП, 1995.

Сокращения

1. СА - Советская археология
2. ТИЭ - Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
3. ТТУ - Труды Тартуского университета

К.Ш. Табалдиев, Р. Бозер, М.И. Москалев,
О.А. Солтобаев
(Бишкек)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛАЕ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В июле 2000 года Турк Тарых Куруму и Ассоциация историков Кыргызстана продолжая научную программу совместных археологических исследований, посвященной 3000-летию города Ош вели археологические исследования в Алайской долине Ошской области. Археологические раскопки велись на территории села Кун-Элек. Продолжены раскопки средневекового городища Кара-Кытай и в могильнике Жылгын.

Во время раскопок внутренней части городища было установлено, что почти вся площадь сильно пострадала в ходе нивелировки, т.е. здесь в 70-е годы велось строительство кошары для скота. Почти весь добытый материал находился в разрушенном и переотложенном состоянии. В ходе раскопок найдены фрагменты керамических сосудов, керамических пряслиц, единичные изделия из камня (сурматаш, пластина с отверстием),

железный наконечник стрелы, фрагмент костяного изделия. Несмотря на малочисленность находок, отдельные керамические сосуды довольно ярко иллюстрируют их характерность средневековой культуре. Им характерна разнотипность. Есть фрагменты, позволяющие судить о высоком мастерстве их производителей.

Месторасположение средневекового городища-крепости идеальное - на выходе из ущелья, относительно на просторном участке вблизи реки. В стратегическом отношении это место могло играть немаловажную роль. Судя по редким расписным фрагментам, найденным во время раскопок, здесь могло существовать поселение предыдущих культур. Об этом более ярче можно судить по данным раскопки кургана, обнаруженного археологом О.А. Солтобаевым вблизи городища.

Курган был обнаружен случайно, при осмотре надпойменных террас. Он был расположен на склоне, внешняя конструкция была вероятно разрушена при хозяйственной обработке участка. Здесь было коллективное захоронение. Скелеты 13 погребенных находились в анатомическом порядке. Они уложены не в один ряд, а одна в другой. Ориентированы головой в сторону южного сектора. Среди взрослых имелись и детские захоронения. В ходе раскопок найдены остатки четырех керамических сосудов, сурматаш, раковины каури, стеклянные бусы. На фалангах одной погребенной находились шесть бронзовых перстней, характерных для III-V вв. н.э. Особенно значима монета, предварительно датированная концом I тысячелетия до н.э. и первой третью I тысячелетия н.э. Раскопки в могильнике Жылгын, расположенном на противоположной высокой надпойменной террасе продолжены. При продолжении раскопок кургана №7 было выявлено уникальное сооружение. К сожалению, курган оказался начисто ограбленным. Найдено только несколько фрагментов трубчатых костей.

В западной части объекта обнаружено округлое каменное сооружение. Стенки его продолжались до глубины 1.20 м. Судя по расположению каменной кладки, первоначально была подготовлена яма диаметром 9м, глубиной 1.20-1.30м. Затем стенки ямы аккуратно подкреплены каменной кладкой. В центре вышеупомянутой ямы находилось сооружение прямоугольной формы (90 x 1,40м). Ее внутренняя часть полностью была заполнена золой, угольками. Другие предметы, кости животных и фрагменты керамики не встречаются. За пределами прямоугольного сооружения, т.е. внутри укрепленной кладкой ямы встречено несколько невыразительных фрагментов керамики и часто встречались обломки костей животного. Найдены зернотерки.

Указанные данные, полученные в ходе раскопок позволяют предполагать о жертвенном характере данного объекта. При этом, ритуальный процесс здесь продолжался в течение долгого времени, о чем свидетельствует толща золы. Весь комплекс - курган, вертикально установленные ряды скальных плит, ведущие в сторону жертвенного объекта свидетельствует о пышной ритуальной процедуре.

В ходе работы отряда была совершена поездка в местность Терген-Таш. Она расположена в верховье реки Гулчо, в начале его левого притока реки Кичи-Каракол. В местности Терген-Таш находились петроглифы, известные по публикациям доцента ОшГУ Л. Жусупакматова. Здесь имелись петроглифы, характерные для эпохи бронзы (колесницы), эпохи раннего железа (изображения животных преимущественно горных козлов) и средневековья.

Продолжая разведывательную работу в местности Кел и его окрестностях, были выявлены места скопления уникальных наскальных рисунков. Здесь встречены выбитые изображения колесниц, сцены ритуальных танцев, пантеры, верблюды, горные козлы, знаки.

Исследования археологических памятников на территории Алайской долины перспективны. Анализ материалов, с точки зрения хронологии и культурной принадлежности может предоставить важные сведения для решения ряда вопросов исто-

рии и культуры региона и сопредельных территорий. Исследования памятников Алайской долины будут продолжены в 2001 году.

Ю.Г. Кутимов
Б.Э. Аманбаева

(Санкт-Петербург)
(Бишкек)

ДРЕВНЕЕ ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ГОРОДА ОШ

В октябре 1998 года в центральной части г. Ош на перекрестке улиц Ленина и Гапара Айтиева у здания городской телефонной станции при закладке кабеля было открыто частично разрушенное женское погребение.

Раскопки объекта показали, что погребальная конструкция захоронения представляла собой катакомбное сооружение. По причине ограниченности пространства котлована исследована была только погребальная камера, имевшая в продольном разрезе трапецевидную форму с сужающимся в верхней части сводом. Высота камеры 95 см, ширина по уровню пола 140 см, сохранившаяся длина по уровню пола около 110 см. Длинная ось камеры имела направление по линии ЮЗ - СВ. Входное от-

верстие находилось с юго-западной стороны камеры и было заложено крупной речной галькой.

Вследствие повреждения погребения строительными работами нижняя часть костяка от уровня тазовых костей отсутствовала. Верхняя часть костяка сохранилась полностью и находилась в положении *in situ*. Погребенная лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентированной ко входу в камеру - на юго-запад. Череп был несколько повернут вправо. Под костяком была насыпана подсыпка из мелкого щебня, под голову подложен плоский овальной формы камень - "подушка" (рис. 1 : I - 4). Погребальный инвентарь составляли два бронзовых замкнутых браслета, один из которых имел частичную сохранность, одетые на запястья рук (рис. 1 : I - 2; рис. 1 : III), а также разнообразные бусы - лазуритовые, бирюзовые, пастовые, деревянные и костяные, размещавшиеся в области грудной клетки (рис. 1 : I — 3; рис. 1 : II - а, б). Особое внимание обращают на себя несколько керамических круглых бусин с процарапанным орнаментом в виде ромбовидных фигур (рис. 1 : II — в). С левой стороны от погребенной, около головы, стояли два плоскостонных керамических сосуда вытянутой формы с узкой горловиной и небольшим, отогнутым наружу венчиком (рис. 1 : I - 1). Оба сосуда гончарные. Внешняя поверхность одного из сосудов сохранила следы красного ангоба (рис. 1 : IV - б), второй сосуд более простой выделки, со вмятинами и черными пятнами обжига на тулове (рис. 1 : IV - а).

Хронологически данный комплекс относится безусловно к доарабскому периоду древней истории Оша. В предварительном порядке ошское погребение можно датировать эпохой раннего средневековья, или V - VI вв. н.э.

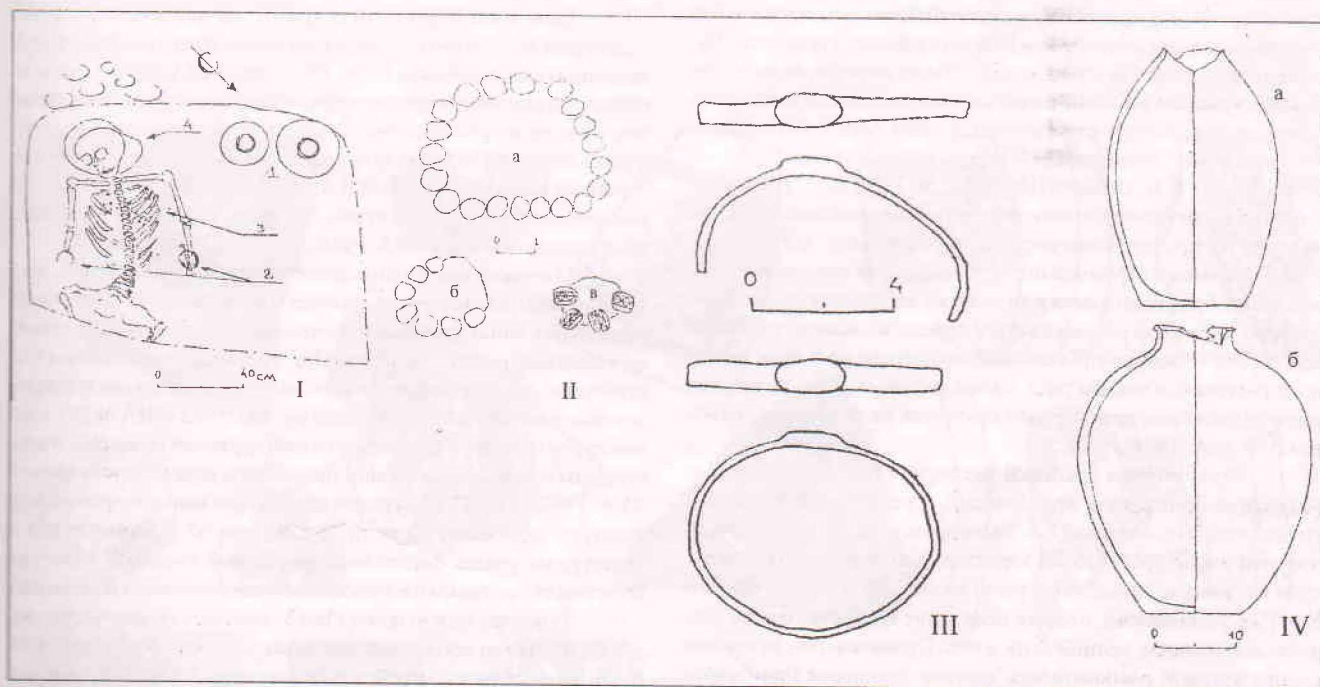

Рис. 1. Ошское погребение. План и инвентарь.

ОШКИЕ ДРЕВНОСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ОШГУ

В историческом музее хранятся разнообразные археологические материалы и хронологический диапазон их очень велик, самые древние вещи относятся к бронзовому веку и самые поздние - позднему средневековью.

В результате раскопки ошского поселения бронзового века на горе Сулайман - Тоо в 1999г., были получены следующие находки.

Массовую находку составила расписная керамика. Среди них выделяются росписи, нанесенные над красной облицовкой посуды черной краской в виде треугольников и их полос. Некоторые треугольники напоминают пламя (рис. 1; 2; 3). Треугольник многими исследователями рассматривается как символ огня, язык пламени, устремленный вверх, как плодоносящая сила земли, обеспеченность и т. д. (Мифы народов мира Т. 2. М. 1982 - с. 272; Аскарлов А., Ширинов Т. ИМКУ. Вып. 25. Т "Фан". 1991-с. 39). Есть и мнение, по которому, треугольник имеет значение земли, тверди (Амброз А.К. С.А. 1965. №3 - С. 14 и др.).

Отдельные росписи на керамике с ошского поселения бронзового века имеют фигуру ромбика, образовавшегося из соединенных двух треугольников, заполненного сеткой (рис. 2; 3.3). Исследователями установлена связь изображения ромба с идеей плодородия, плодovitости и вообще роста (Амброз А.К. С.А. 1965. №3 С. 15-26). Орнаментальный мотив изображения ромбов, ромбов с крючками в Средней Азии появился у оседлых земледельцев в бронзовом веке под влиянием искусства Переднего и Среднего Востока, а позже были заимствованы кочевниками в результате экономического и культурного взаимодействия земледельцев и кочевников Средней Азии и Казахстана. По уверенным выводам С.М. Абрамзона (Абрамзон С.М. Ф. 1990 - С 402), С.В. Иванова (Иванов С.В. Т.К.К.А.Э.Э. Ф. 1960 - С 63) геометрические мотивы орнаментов декоративно-прикладного искусства кыргызов восходят к бронзовому веку.

Вызывает огромный интерес роспись на посудах ошского поселения бронзового века в виде ветки деревьев, а может быть такое изображение символизирует дерево, не всякое, а священное дерево "Изображения священного дерева не в виде реального растения, а как бы ряда малых деревьев..., были широко распространены в религиозном искусстве разных стран" (Амброз А. К.С.А. 1965. №3.С.21).

Итак, мотивы росписей расписной посуды из ошского поселения бронзового века связаны с религиозно-культурной символикой. По мнению Ю.А. Заднепровского, обладание такой посудой имело престижный характер, расписная - парадная посуда служила в проведении религиозно - культовых обрядов. Как уже установлено, ошское поселение бронзового века служило святилищем, храмом огня, а гора Сулайман-Тоо, на южном склоне которой располагалось ошское поселение бронзового века, являлась комплексом храмов огня, солнца, и воды (Малтаев К.Ж. Сулайман - Тоо - древнейший жизнебесный храм в Центральной Азии. Ош 2000). Возможно, с такой ритуальной ролью расписной посуды, связана практика изготовления глиняных сосудов из песка, или из цементаобразного вещества или из асбеста, снаружи которого облицовано глиной (рис. 3.3). Изготовление такой посуды практиковали в восточной Фергане и в шоробашатское время (Заднепровский Ю.А., Малтаев К.Ж., Сулайманов Э.Ж. 1999 - С 198).

Из раскопок ошского поселения бронзового века в 1999 г. происходят астрагалы горного козла (рис. 4;1), домашних мелких животных (рис. 4.2 - 3) и каменные изделия (рис. 4,4; рис. 5).

Естественно предположить, что астрагал - алыч горного козла связан с культом горного козла, который занимал особое место в религиозных верованиях как и оседлоземледельческого, так и пастушеско-земледельческих племен Средней Азии бронзового века, в том числе и восточной Ферганы. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные наскальные изображения Кыргызстана. прежде всего Саймалы - Таша и Сулайман - Тоо. Почитание горного козла населением восточной Ферганы, прежде всего, оседлоземледельческим населением бронзового века проявилось в специфических символах - треугольных изображениях горного козла на камнях Саймалы-Таша (А.А.Бернштам 1952г. №2, Шер Я.А. 1980; Помаскина Г.А. 1975; Ташбаева К.И. 1999г.), Урмарала (Горячева В.Д., Перегудова С.Я. 1995г.). Битреугольные изображения горного козла имеются на скалах Северного Инда, где до сих пор существует культ горного козла (Йеттмар К. 1986).

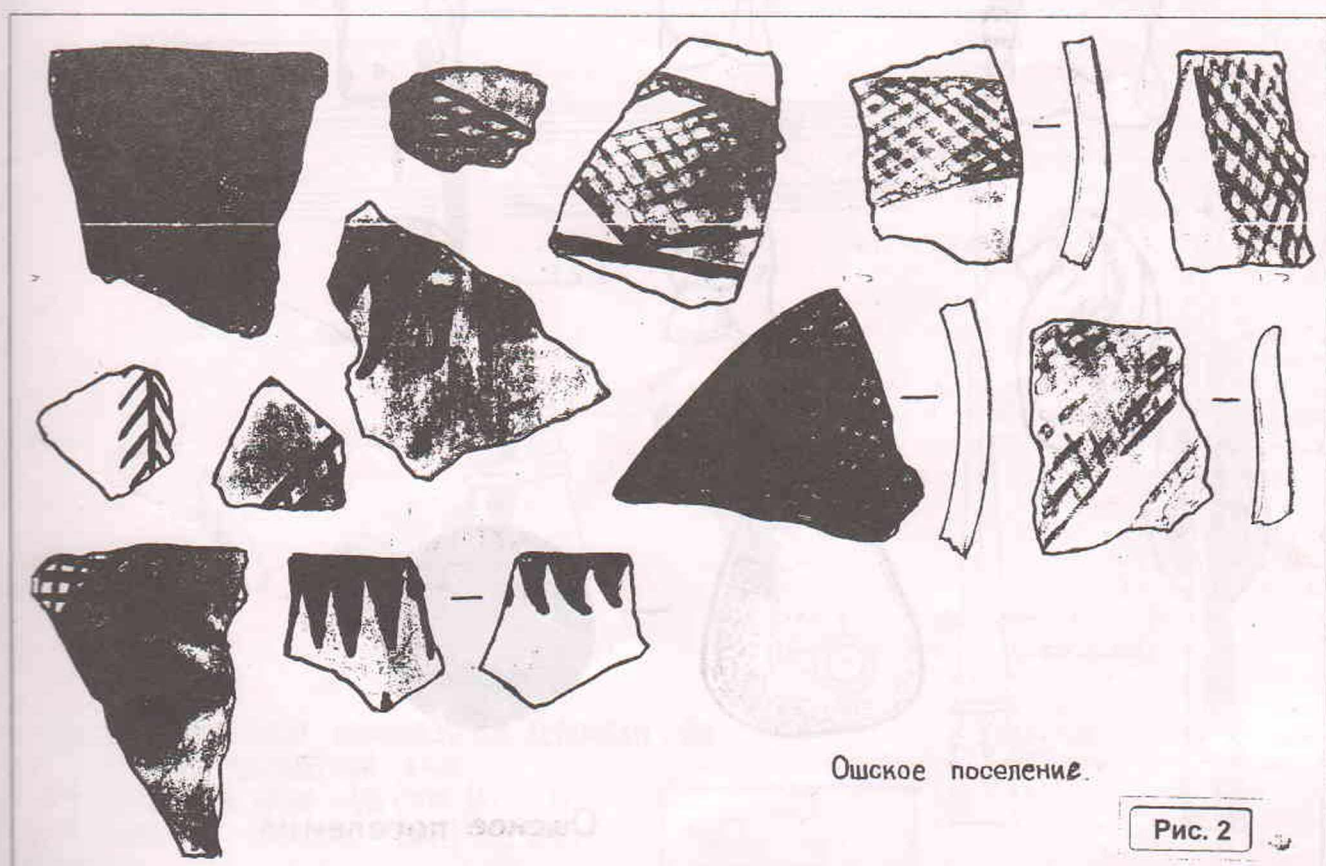
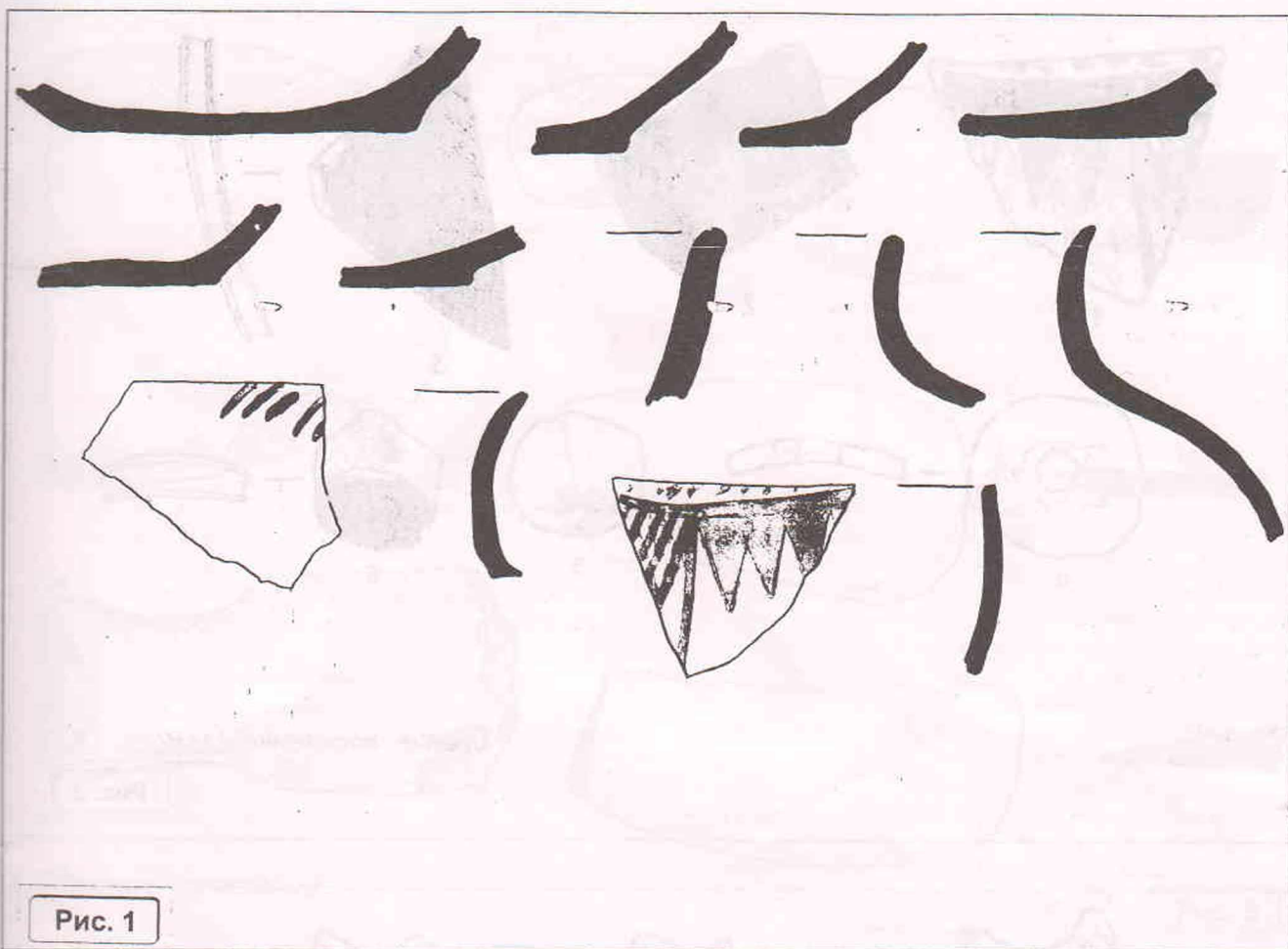
Самое примечательное, впервые, среди памятников чувской культуры, в ошском поселении бронзового века, на черепке керамики обнаружено битреугольное изображение горного козла (Заднепровский Ю.А. 1980, 1996, История Киргизской ССР. Т.1Ф.1984), и эта находка подтверждает особый статус ошского населения бронзового века среди других поселений чувской культуры восточной Ферганы.

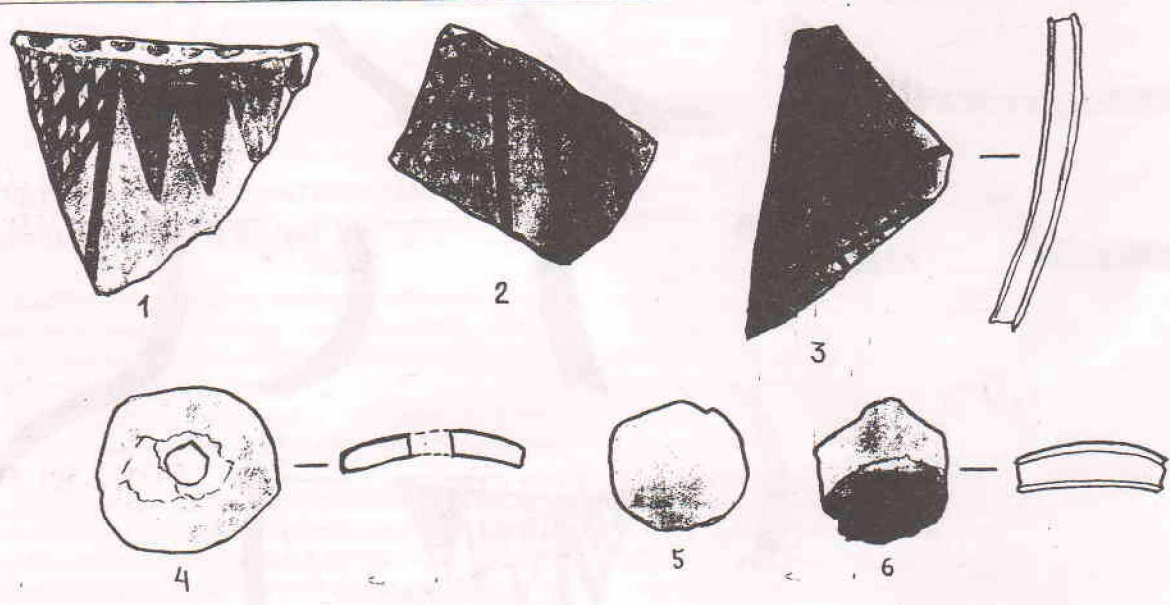
Астрагалы других домашних животных из ошского поселения отражают культ домашних животных, особенно барана (овцы) и находки астрагалов исследователи связывают с игрой в кости. Самые ранние находки астрагалов в Средней Азии, в том числе в восточной Фергане относятся к финальной бронзе, к периоду чувской культуры (Заднепровский Ю.А. 1962 МНП №118-С.83). Отверстия на отдельных астрагалах из ошского поселения свидетельствуют о том, что и в древности, как и в этнографической современности, астрагалы служили оберегом амулетом (Ахунбаев Х.Т. ИМКУ. вып.25 Т 1991-с. 74-75).

Каменные орудия труда (рис.5) из ошского поселения указывают на занятие оседлого населения этого поселения земледелием (Заднепровский Ю.А. 1997; 1962 МНА №18). При этом надо отметить, что население ошского поселения принимает меньшее участие в производстве, т.к. здесь жили служители культа - жрецы комплекса храмов огня, солнца и воды на Сулайман - Тоо (Малтаев К.Ж. 1997; Массон В.М. 1998), которая являлась культурно-идеологическим центром чувских племен всей Ферганы (Заднепровский Ю.А. 1984; 1985).

Одним из интересных памятников бронзового века, экспонируемым в историческом музее ОшГУ, является бронзовый наконечник копья (рис.6.2). Наконечник копья является случайной находкой и происходит из г.Ош. Раньше на территории г.Ош отмечались находки керамических изделий степных пастушеско-земледельческих племен (Бернштам А.Н. 1952 МНА №26), а самое примечательное, фрагменты степной керамики бронзового века найдены в ошском поселении бронзового века (Заднепровский Ю.А. 1997, рис.15). Бронзовый наконечник копья андроновской культуры обогащает наши представления об экономических и культурных связях оседлоземледельческой чувской культуры Ферганы со степными пастушеско-земледельческими племенами.

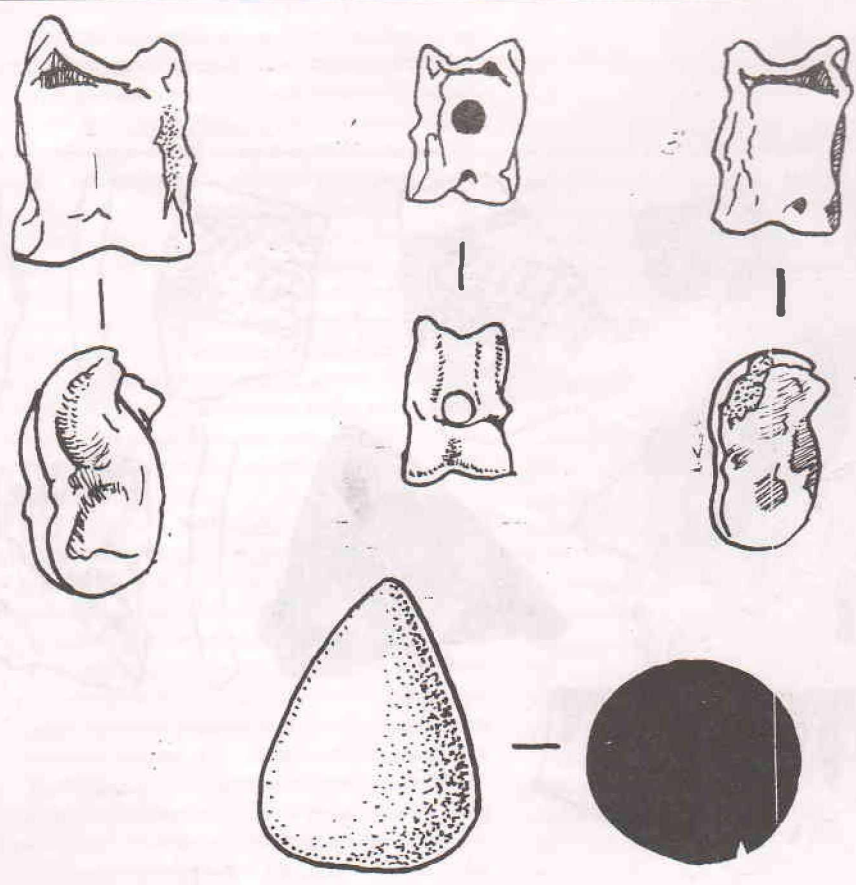
В историческом музее ОшГУ хранятся керамические изделия, случайно обнаруженные в микрорайоне Ак-Тилек г.Ош. Вещи происходят из погребения, обнаруженного при рытье земли. Облик вещей (рис.7) и их аналогии указывают на то, что они относятся к эйлатанскому периоду (VII - IV в. до н. э.) жизни населения г.Ош и ошского оазиса, всей восточной Ферганы. Кувшин (рис.7,1) станкового изготовления, имеет рифление, характерное для кувшинов эйлатанского времени (Заднепровский Ю.А. К.С.И.А. 1990 вы. 199), миниатюрный кувшинчик и чашка (рис.7, 2-3) покрыты красной краской, характерной для отдельных эйлатанских глиняных сосудов. Имеется множество обломков кувшинов, изготовленных на гончарном станке. Знание этих находок очень велико, т.к. указывает на земляную территорию г. Ош в раннем железном веке.

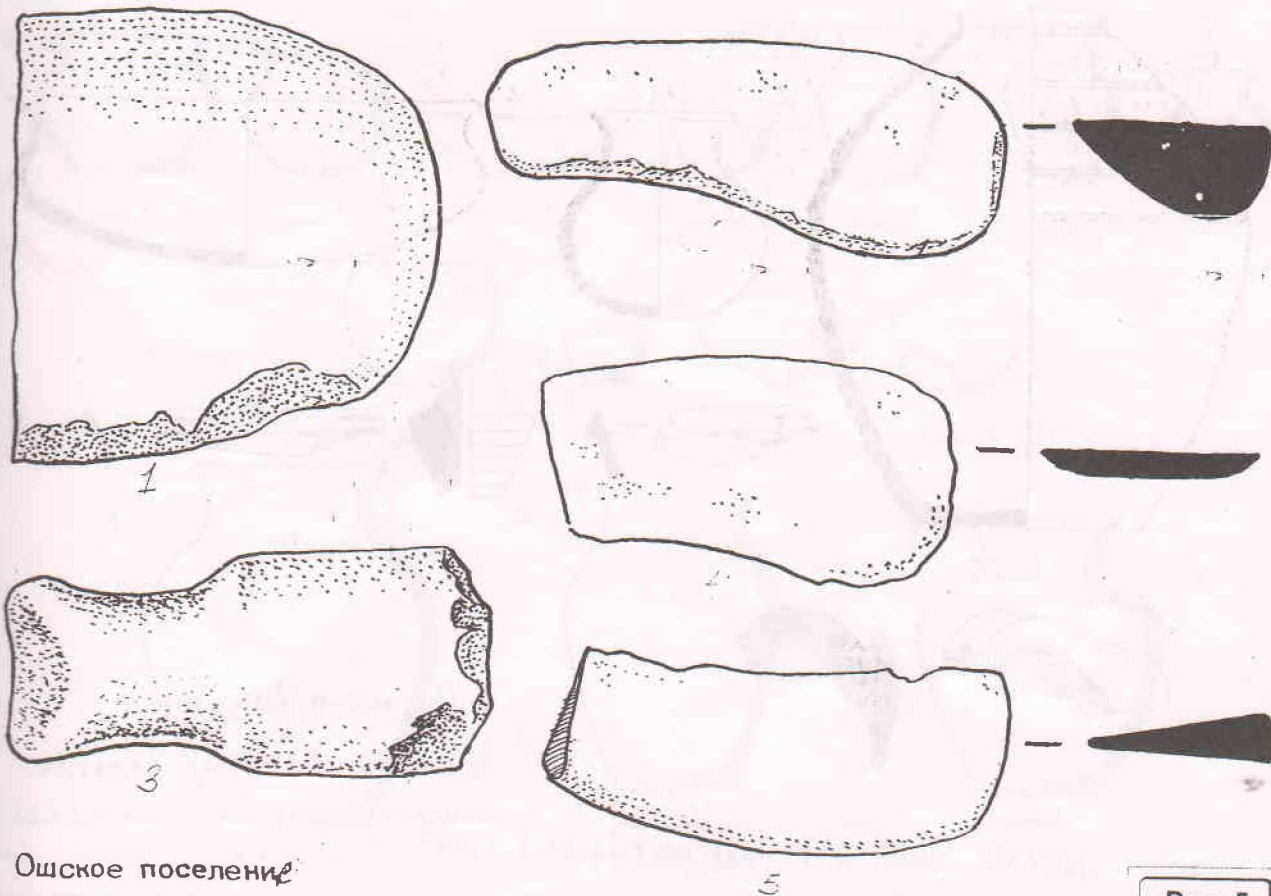
Ошское поселение.

Рис. 3

Ошское поселение.

Рис. 4

Ошское поселение

Рис. 5

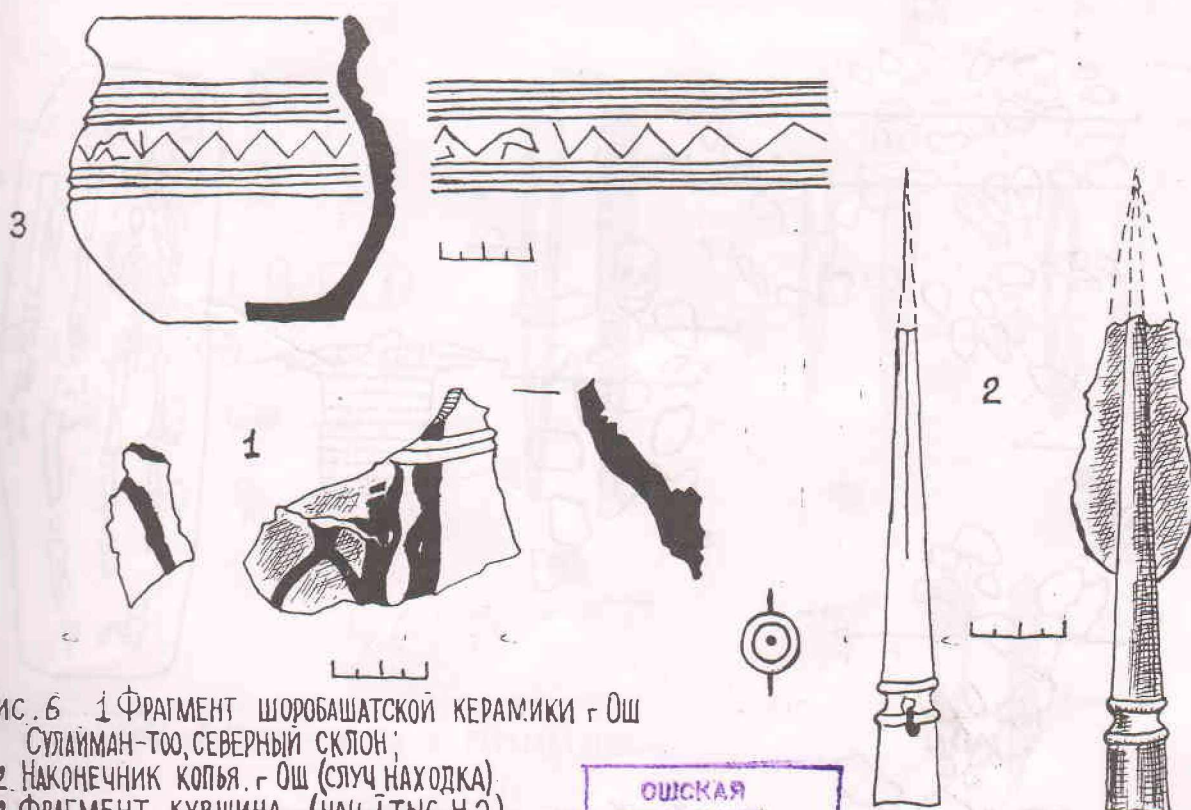
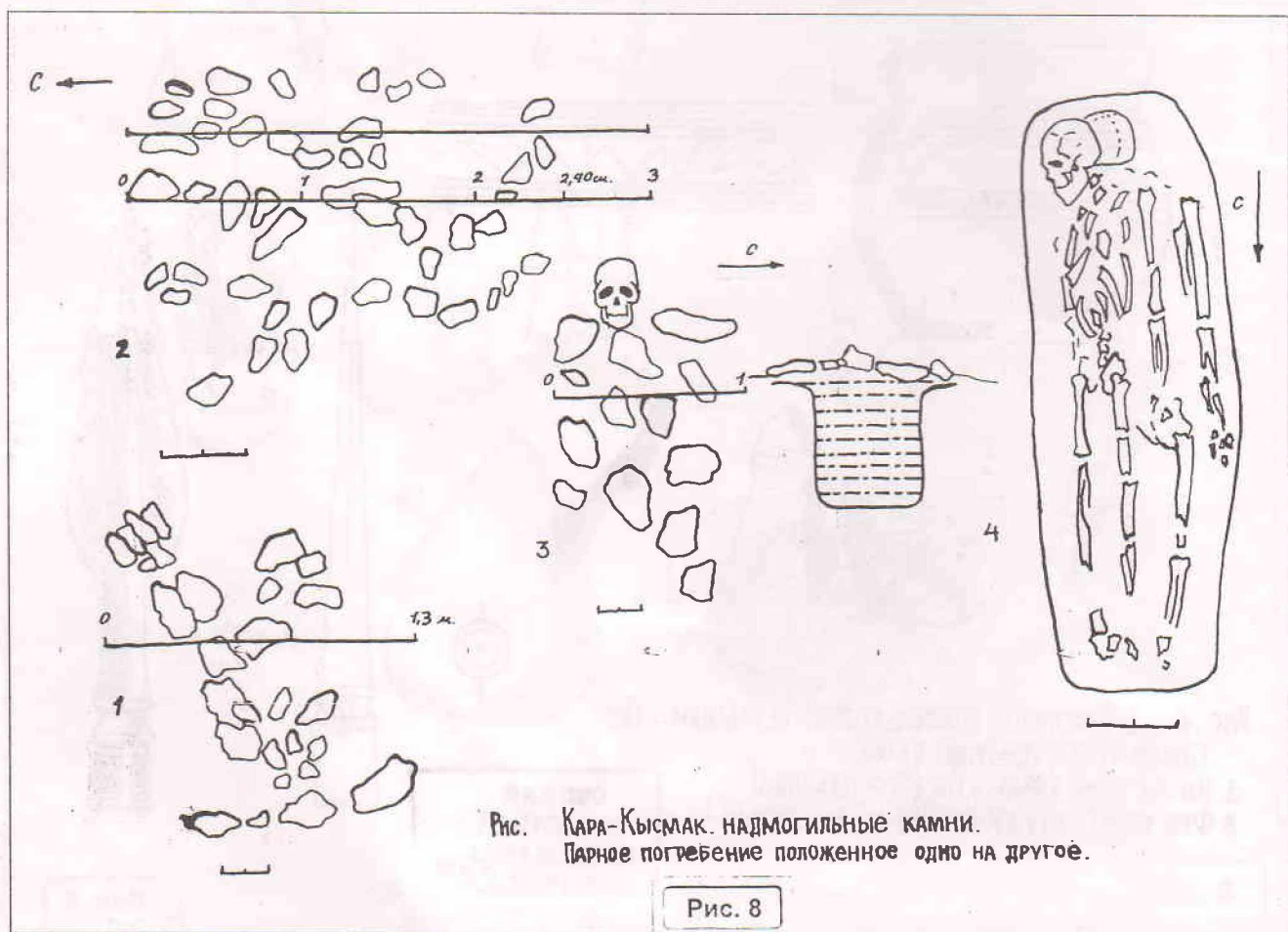
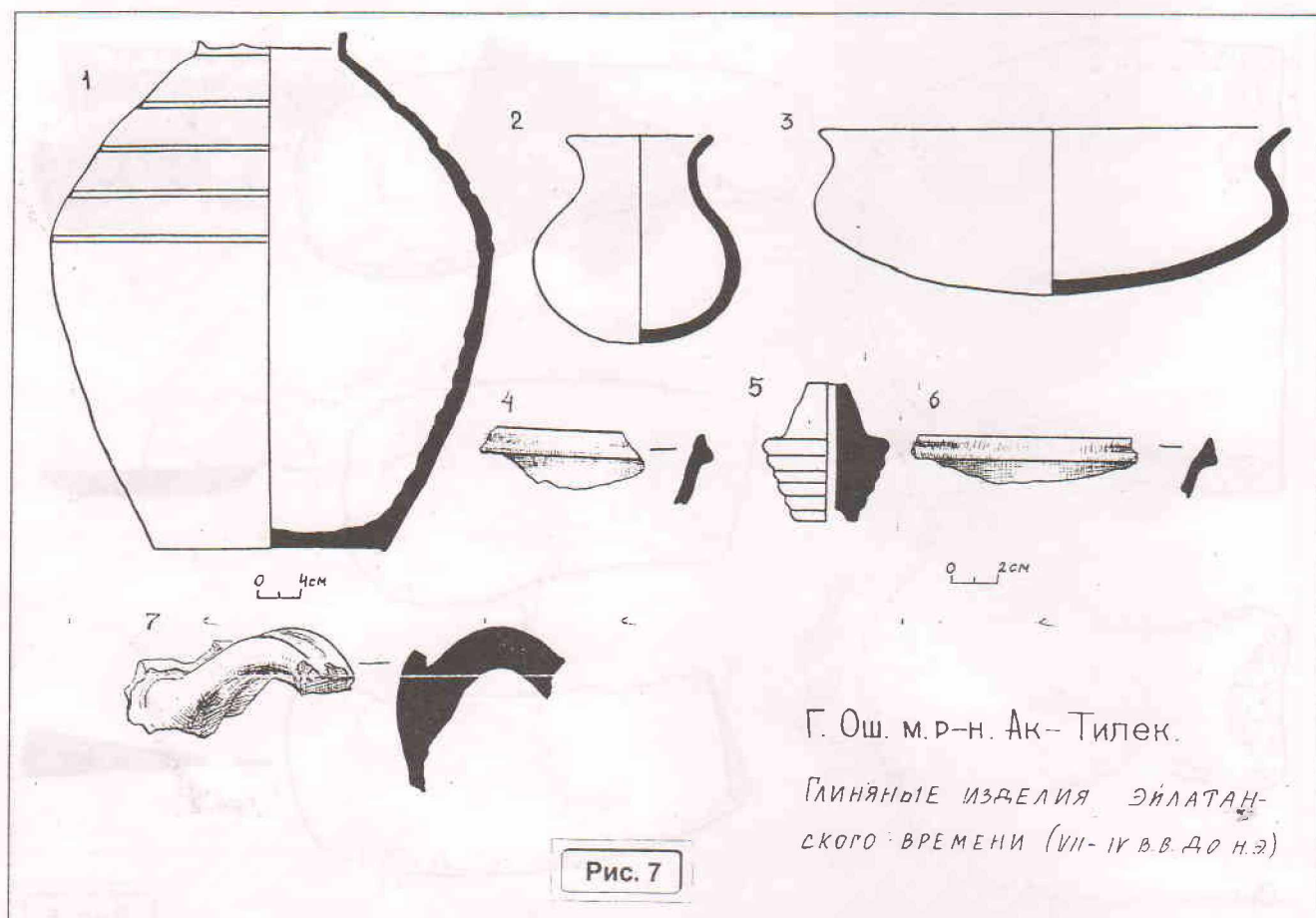
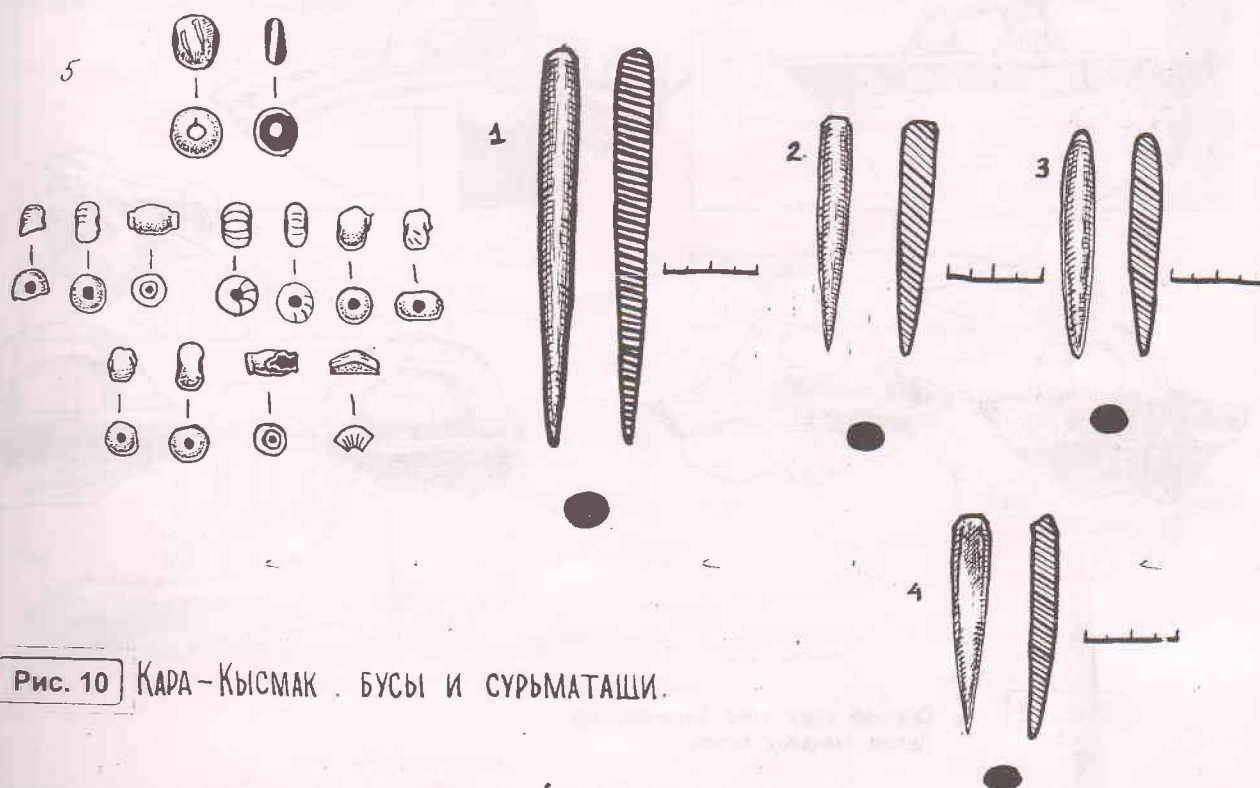
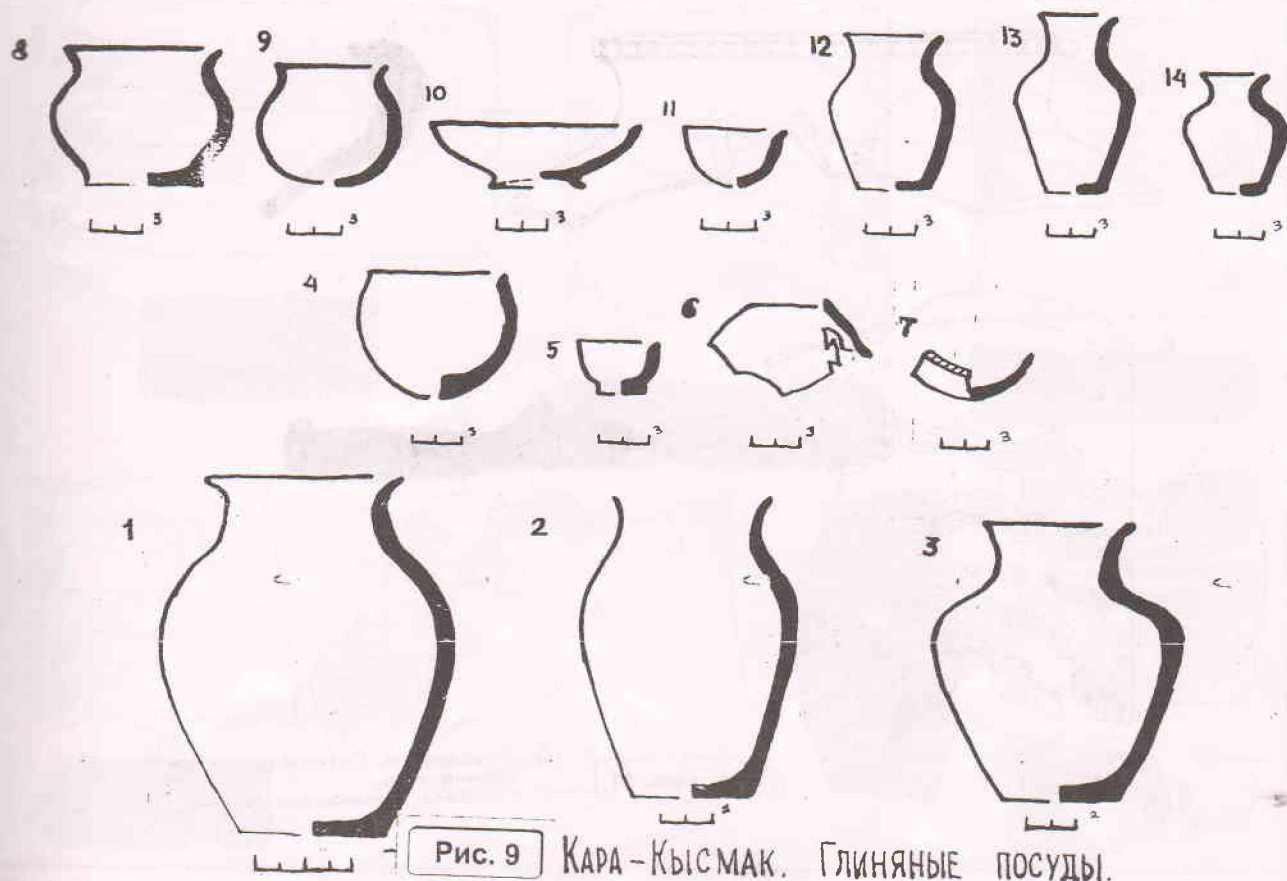

Рис. 6 1. Фрагмент шоробашатской керамики г. Ош
Сулайман-тоо, северный склон;
2. Наконечник копья. г. Ош (случ. находка)
3. Фрагмент кувшина (нач. I тыс. н.э.)

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 465 350

Рис. 6

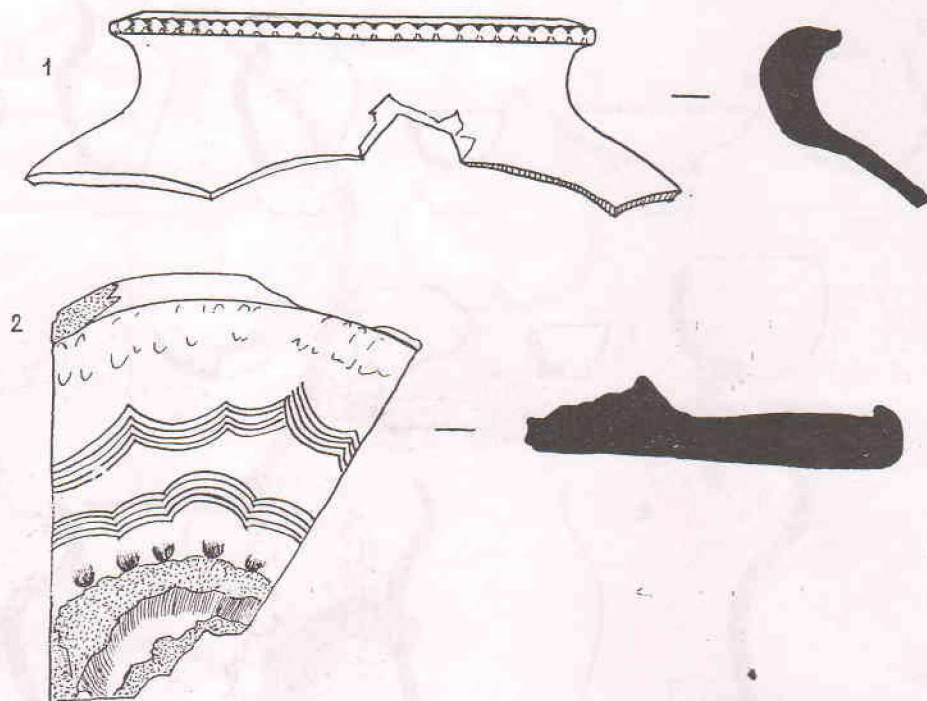

Рис. 11

г.Ош. Сулайман-тоо. Северный склон.
1. Венчик хума.
2. Фрагмент керамической крышки.

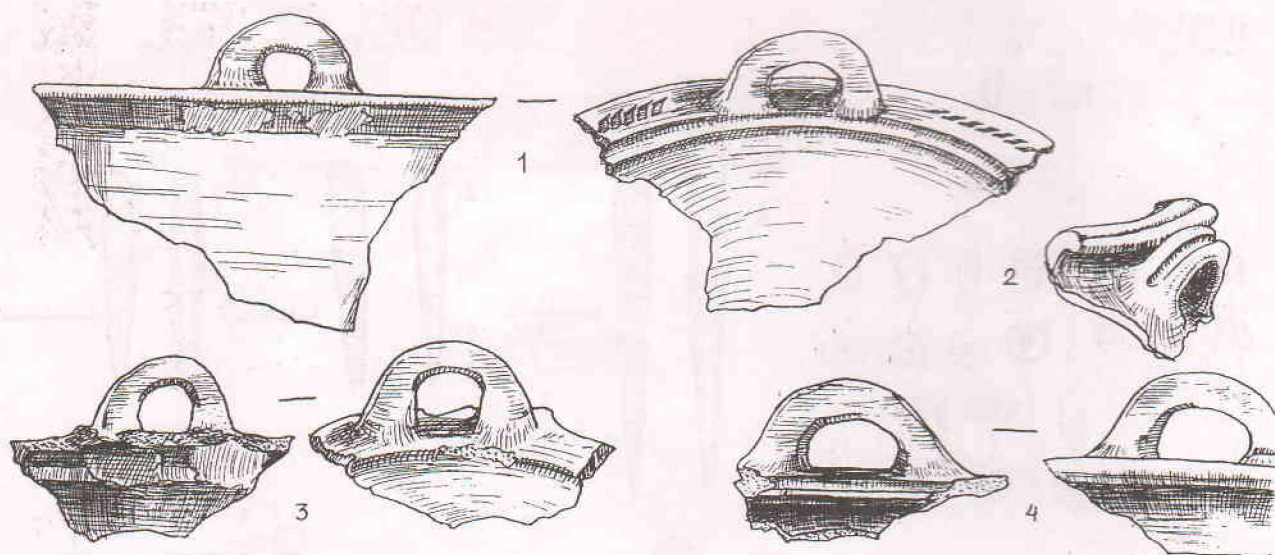

Рис. 12

г.Ош. Северный склон горы Сулайман-тоо.
Детали глиняных котлов.

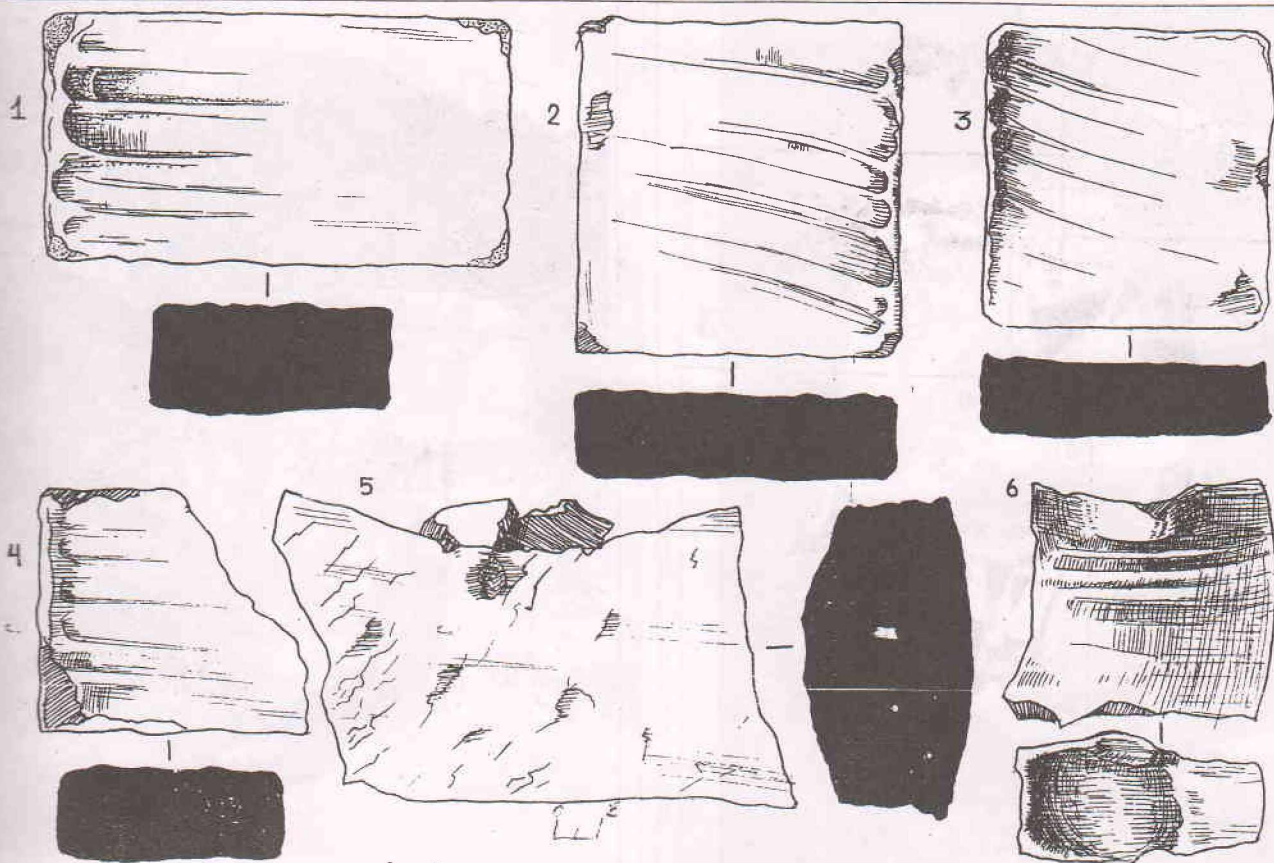

Рис. 13

г. Ош Образцы средневековых жженных кирпичей

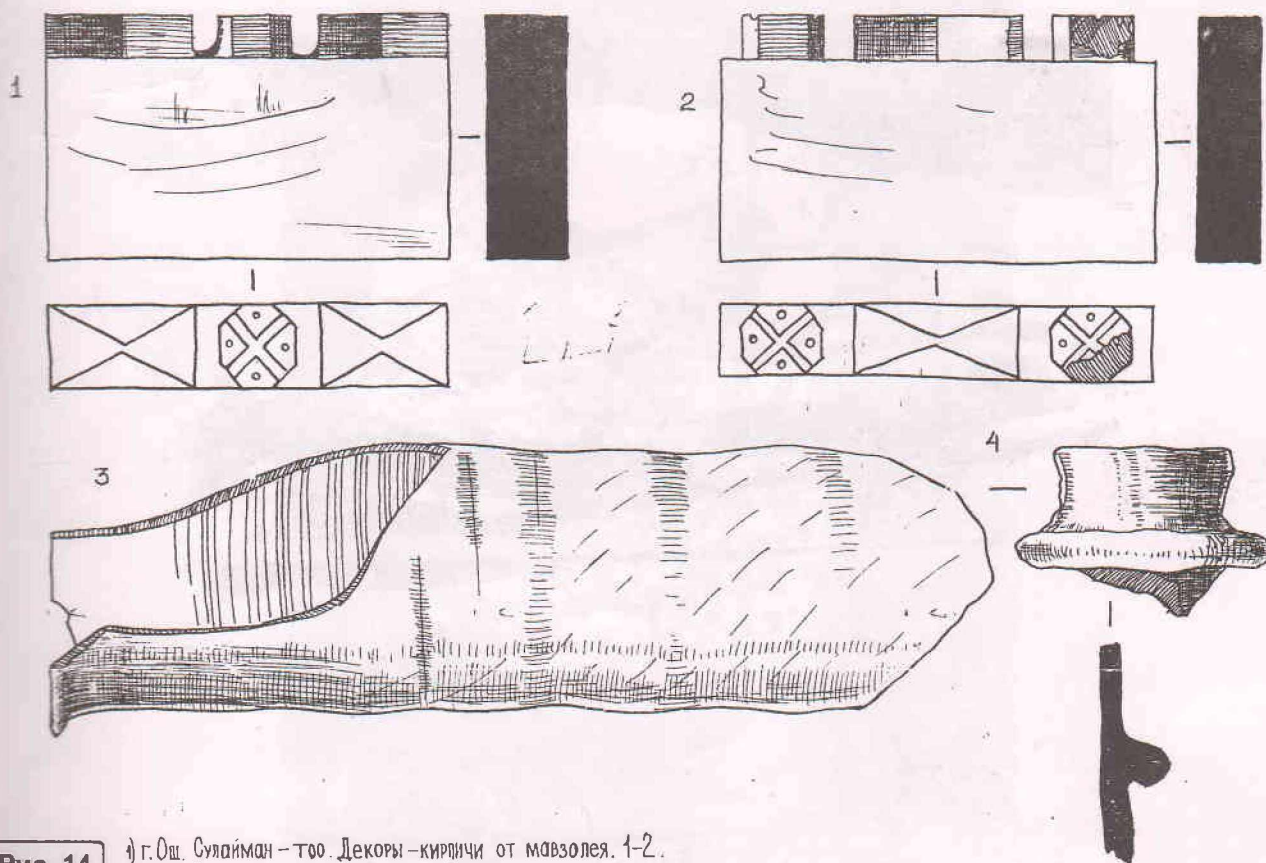
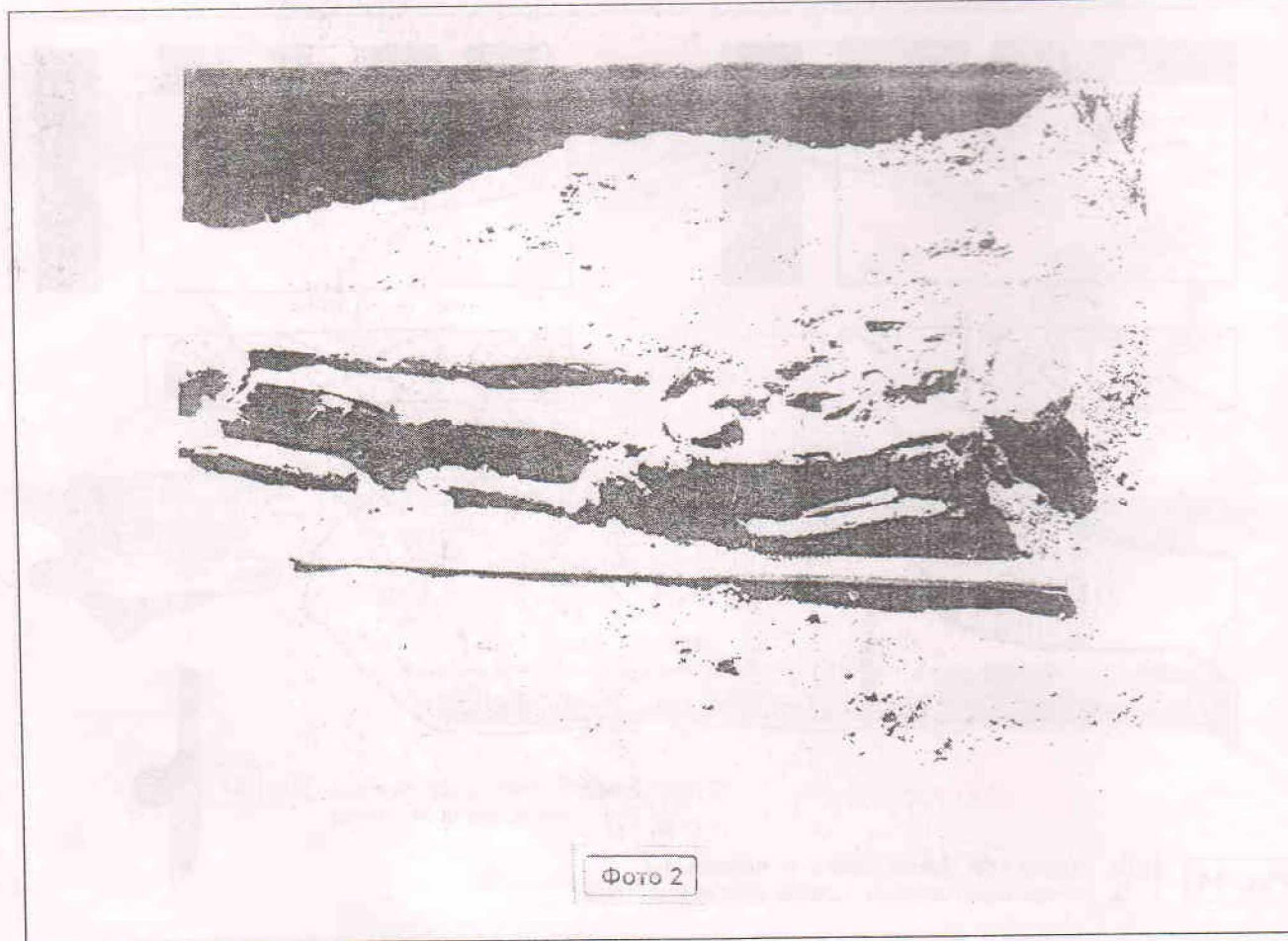
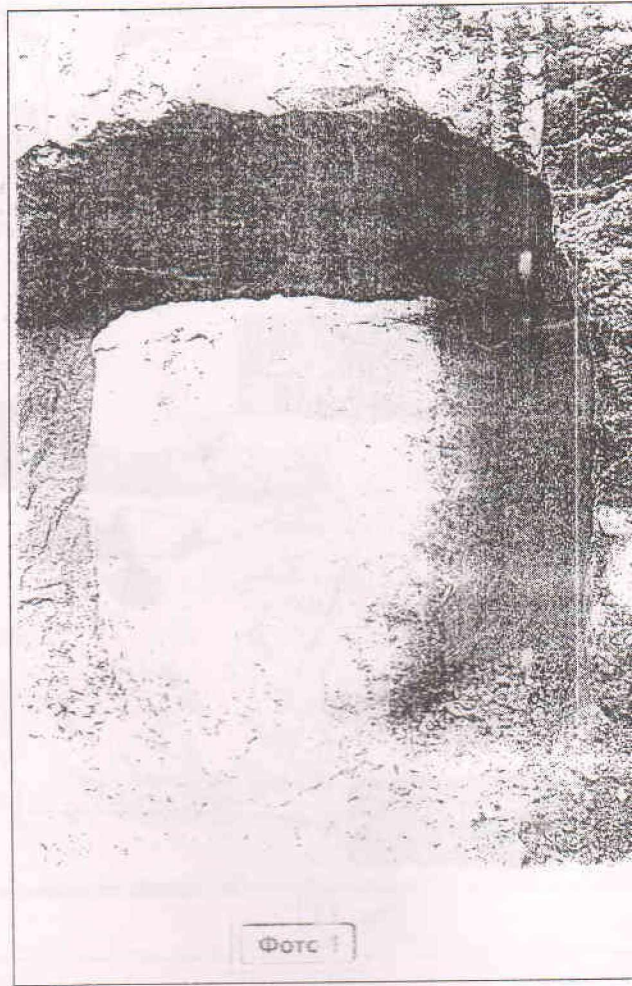
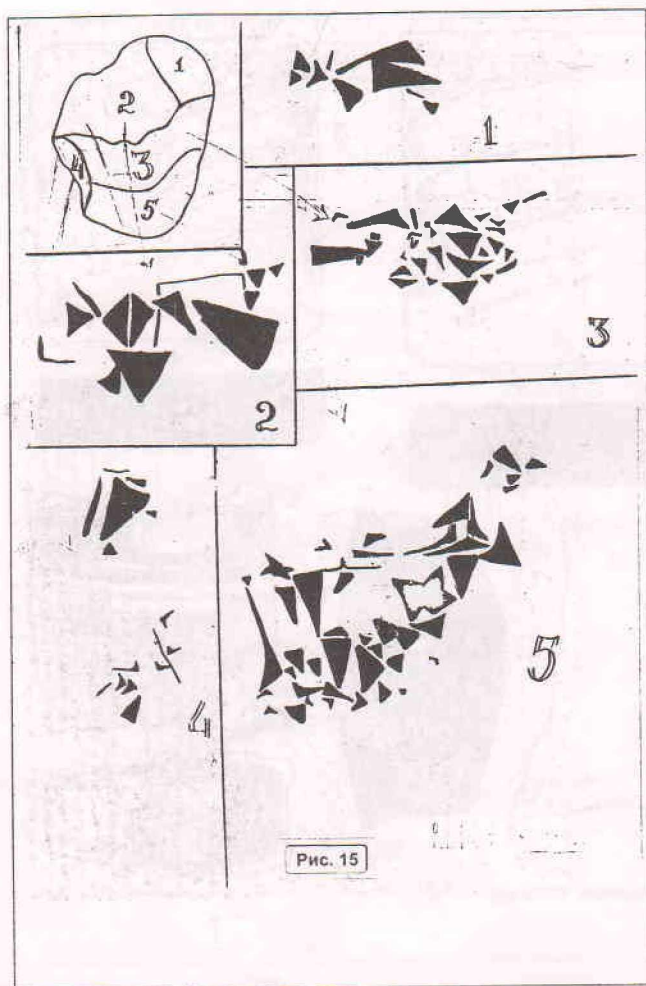
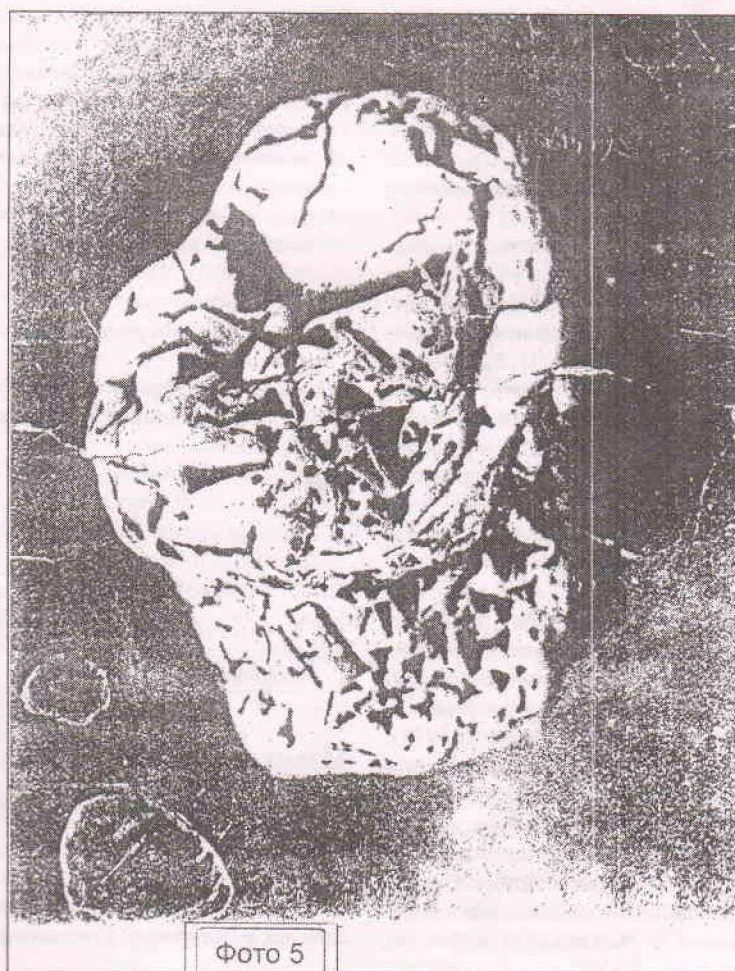

Рис. 14

1) г. Ош. Сулайман-тоо. Декоры-кирпичи от мавзолея. 1-2.
2) г. Ош. Котлован радиотелецентра. Глиняная водопроводная труба.

В музее хранятся фрагменты расписной посуды шоробашатского времени, обнаруженные мною в 1996 г. на кладбище северного склона Сулайман-Тоо (рис. 6, 1). Вместе с ними найдены и фрагменты красноангобированных сосудов. Значение этих находок заключается в том, что они указывают на обживание населением территории г.Ош в шоробашатское время.

В 1998 г. во время рытья котлована областного радиотелецентра в центре г. Ош, в 6-метровой глубине от дневной поверхности земли найден хум, высотой около 1,5 м, с характерными наlepными валиками снаружи устьев (фото 1). Такие хумы характерны для шоробашатской культуры.

Особый интерес вызывают вещи, происходящие из села Кара-Кысмак, расположенные в 10 км к юго-востоку от г.Ош, на левом берегу реки Ак-Буура. Характер памятника показывает, что здесь находилось погребение, постепенно разрушенное в ходе сельскохозяйственных и строительных работ. Выявлены отдельные надмогильные насыпи и камни-выкладки (рис. 8, 1-3), удалось проследить одну из могильных ям с парным погребением, где костяки положены один на другой (рис. 8, 4; фото 2).

Парное погребение встречалось в катакомбах знаменитого Кенкола эпохи «Великого переселения народов» (Бернштам А.Н. 1997. III. 1. С. 25, 27), в наусе, Дальверзина (Бактрия), относящиеся предкушанскому и раннекушанскому времени (II-I вв. до н.э.; Сагдуллаев А., Ртвеладзе Э. В стране золотого огня Т. 1983 - с. 76-77).

Могильные ямы Кара-Кысмака дали богатый керамический материал. Найдены целых три кувшина среднего размера (рис. 9, 1-3), маленькие, почти миниатюрные кувшинчики (рис. 9, 12-14), вероятно, служившие для косметических целей, т.к. они найдены в женском погребении, где лежали три костяка и где обнаружены еще три палочки-сурьматши (рис. 10, 2-4), служившие для сурьмления брови. В этой же яме найден фиал (рис. 9, 10), на который были положены предплечевые кости барана (овцы?), особый интерес представляют миниатюрные чашки (рис. 9, 4-5, 11) со следами графита - черной краски для сурьмления брови.

Здесь же, случайно обнаружен сурьматаш изысканной формы (рис. 10, 1). Анализ сурьматши сделан Н.Г.Горбуновой, Б.А. Литвинским. И. Кожомбердиевым, и мы из-за неимения времени читателям предлагали их работы (Горбунова Н.Г. 1981 и др.; Литвинский Б.А. 1978 и др.; Кожомбердиев И.К. 1975, с. 576; 1968, с. 359 и др.).

Здесь же найдены бусы различных форм, изготовленные из пасты, возможно фянса (рис. 10, 5).

В музее хранятся и некоторые керамические изделия средневековья.

На северном склоне горы Сулайман-Тоо обнаружен венчик хумчи, устья которого снаружи украшены наlepами «защипами» (рис. 11, 1), часть глиняной крышки (рис. 11, 2). Здесь же собраны фрагменты устьев глиняного котла с вертикальными наlepными ручками (рис. 12, 1-4). Хумы с наlepными «защипами» (рис. 11, 1) и фрагменты с вертикальными наlepными ручками (Заднепровский Ю. А. 1996. Рис. 14, 32), найденные в Оше относятся к самонидскому времени.

В центральной части города случайно обнаружены средневековые кирпичи (рис. 13, 1-4) и их забракованные экземпляры (рис. 13, 5-6).

Интерес представляют жженые кирпичи-мавзолейные декоры, с наlepными битреугольными фигурами и розетками (рис. 14, 1, 2). Они найдены на южном кладбище Сулайман-Тоо, при рытии котлована для фундамента мавзолея Р.Абдыкадырова.

В музее хранится камень со знаками, найденный в 1979 г. в селе Керкидон Араванского района. На лицевой части мрамористого известняка, напоминающего человеческий кулак с полусжатými пальцами (фото 3-5) и разделенный на зоны, на которые нанесены клинообразные знаки. Цель публикации - обратить внимание специалистов загадочному камню, который по нашему предположению, с клинообразными знаками. Знаки вырезаны острым предметом, и имеют пирамидальную конфигура-

цию, а в прорисовке форму клиньев.

Таким образом, в историческом музее исторического факультета ОшГУ хранятся интересные археологические находки, характеризующие историю и культуру г. Ош и южного Кыргызстана в целом, начиная от бронзового века до конца развитого средневековья.

Список иллюстраций к статье "Ошские древности по материалам исторического музея ОшГУ"

Рисунки:

1. Ошское поселение бронзового века. Образцы расписной керамики и глиняный сосуд. Раскопки 1999 г.
2. Ошское поселение бронзового века. Образцы расписной керамики и сосудов, изготовленный из песка и облицованный глиной. Раскопки 1999 г.
3. Ошское поселение бронзового века. Образцы расписной керамики (1-2), сосуд, изготовленный из песка и глиняной облицовкой (3,6) и глиняных поделок (4-5).
4. Ошское поселение бронзового века. Астргалы горного козла (1) мелких домашних животных (2-3) и каменная поделка (4).
5. Ошское поселение бронзового века. Каменные мотыги (1,3) и серпы (2, 4-5).
6. Рисунки вещей, найденных в г.Ош. 1. Фрагменты расписной керамики шоробашатского времени. Сулайман-Тоо Северный склон (кладбище). 2. Бронзовый наконечник копья (II-I тыс. до н.э.).
7. Вещи из микрорайона "Ак-Тилек" г.Ош. Эйлатанское время (VII-IV вв. до н.э.).
8. Каракысмак. Надмогильные камни и могильная яма (1-3); парное погребение (4).
9. Каракысмак. Глиняные посуды.
10. Каракысмак. Бусы и сурьматши.
11. г.Ош. Глиняные изделия. Северный склон Сулайман-Тоо (кладбище).
12. г.Ош. Северный склон Сулайман-Тоо (кладбище). Фрагменты глиняных котлов.
13. г.Ош. Образцы средневековых жженных кирпичей.
14. г.Ош. Кладбище на южном склоне Сулайман-Тоо. Декоры кирпичи от средневекового мавзолея (1-2). Глиняная водопроводная труба и муфта к ней (котлован радиотелецентра).
15. Прорисовка знаков из камня со знаками из с.Керкидон Араванского района Ошской области.

Фото:

1. г.Ош. Котлован радиотелецентра. Хум шоробашатского времени.
2. Каракысмак. Парное погребение.
3. Камень со знаками из с.Керкидон Араванского района Ошской области.

Б.Э. Аманбаева

(Бишкек)

Е.Г. Дэвлет

(Москва)

ИЗУЧЕНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ СУЛАЙМАН-ТОО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В последней трети XX в. внимание к наскальному искусству как культурному феномену неуклонно возрастало во все

мире. Этот процесс связан с усилением интереса народов мира к истокам своих культур, с поиском исторических корней современных цивилизаций, с постижением архетипов, вплоть до сегодняшнего дня проявляющихся в мировоззрении каждого. Наскальное искусство языком конкретных образов доносит до нас интереснейшую информацию о жизни предков.

Каково же общее число местонахождений наскального искусства, известных в настоящее время? Единственная попытка подобного подсчета была предпринята еще в 1984 г. известным исследователем наскального искусства Эммануэлем Анати. По представленным им в ЮНЕСКО данным, общее число сохранившихся наскальных изображений составляет около 50 миллионов, расположенных в 780 зонах. (Зоны выделялись по географическим особенностям — это долины, горные системы, плато и др.). К 1984 г. под руководством исследователя была дана характеристика 144 важнейших зон, в которых насчитывается около 10 тысяч изображений. Эти зоны распределены следующим образом: 38 расположены в 14 азиатских странах, 34 на американском континенте в 14 странах, 31 зона в Африке на территории 23 стран, 29 насчитывается в 17 европейских странах, 12 зон — в 9 странах Океании. Надо сказать, что учет и подсчет зон наскального искусства продолжает осуществляться в рамках деятельности Международного комитета по наскальному искусству при Международном совете по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Так, в 1997 г. число выделенных зон увеличилось с 780 до 1000 (Clottes J., 1997, p.3-4).

Расширение фонда наскальных изображений продолжалось и в странах Средней Азии. На памятниках наскального искусства Кыргызстана, в том числе на всемирно известном Саймалы-Таше, велись полевые работы, появился ряд исследований, вводящих в научный оборот новые материалы.

В августе 1989 г. в южном Кыргызстане работы на памятниках наскального искусства проводились южно-киргизским археологическим отрядом под руководством Б.Э. Аманбаевой по заданию Научно-исследовательского проектного бюро, объединения «Киргизреставрация». Дополнительные обследования осуществлялись в последующие годы. Основным объектом изучения стали наскальные изображения горы Сулайман-Тоо. На горе, преимущественно на ее восточной вершине, помимо петроглифов имеется множество культовых мест, приуроченных к природным специфическим формам рельефа, в том числе карстовым образованиям. Среди них выбитые в камне чашечные углубления, желоба на наклонных плоскостях и др., которые местное население традиционно использовало при лечении болезней, бесплодия и в других целях. Наскальные изображения Сулайман-Тоо стали наиболее зримыми свидетельствами истории почитания горы необычной формы, возвышающейся посреди равнины.

Все известные в мире памятники наскального искусства принято делить на пещерные и на местонахождения, расположенные под открытым небом. Помимо настоящих пещер с длинными темными переходами, с расположенными на разных ярусах таинственными залами, в разных частях света зачастую наскальные изображения находятся в гротах и под навесами. Это связано не только с предпочтением, которое отдавали люди этим укромным местам, но и условиям, в которых изображения сохранялись на протяжении столетий и тысячелетий. Как известно, на плоскостях с отрицательным уклоном или защищенных от прямого попадания осадков навесами, козырьками, капельными линиями наскальные изображения, в особенности выполненные пигментами, сохраняются не в пример лучше, чем на открытых поверхностях, ничем не защищенных от природного воздействия.

В 1989 г. сотрудниками южно-киргизского археологического отряда наряду с проведением работ на горе Сулайман-Тоо было осмотрено разрушающееся местонахождение наскальных изображений Чилисай. Петроглифы, расположенные на высоте около 4 м, без специального оборудования скопировать не удалось. Среди зарисованных нами фигур преобладают так

называемые «солнцеголовые» персонажи. У выбитых небольших по размеру фигур туловища схематичные, рудиментарные. На голове или на ее месте выполнен полукруг с геометрической проработкой заполнения, например, в виде лучей. Изображения «солнцеголовых» персонажей распространены в наскальном искусстве бронзового века в Казахстане и на Алтае, однако чилисайские антропоморфные персонажи своеобразны, они отличаются специфическими пропорциями, геометрической проработкой.

Наскальные изображения традиционно делят на петроглифы (выбитые, шлифованные, прорезанные, процарапанные фигуры) и росписи (изображения, нанесенные сухим пигментом или пигментом с добавлением связующего, воды и др.). Среди изученных нами наскальных изображений южного Кыргызстана все изображения относятся к петроглифам, они выполнены орудием, оставившим четкие следы на поверхности известняка.

Петроглифы, выполненные на горизонтальных поверхностях горы Сулайман-Тоо и часть изображений, нанесенных на вертикальные плоскости, покрыты интенсивным скальным загаром. В то же время многие петроглифы, выбитые на скалах с вертикальной экспозицией, имеют весьма слабую степень латинизации, однако это обстоятельство вряд ли связано с хронологическим разрывом в их создании.

Хотя у широкой публики наскальное искусство до сих пор обычно ассоциируется с пещерными росписями, в целом памятники под открытым небом безусловно численно преобладают. Большинство осмотренных нами на горе Сулайман-Тоо плоскостей расположены под открытым небом на вертикальных (иногда с небольшим уклоном) или горизонтальных плоскостях (рис. 1-9), отдельные знаки выявлены в привходовой части пещер и под навесами.

Характеризуя наскальное искусство горы Сулайман-Тоо, следует отметить его уникальный, неповторимый облик, что ставит этот памятник особняком среди местонахождений наскального искусства Северной, Средней и Центральной Азии. Преобладают знаки геометрических очертаний, однако представлены и фигуративные изображения. Среди знаков встречаются изображения отпечатков стоп, часто парных, скобки, «запятые», древовидные и подпрямоугольные с рассечением заполнением фигуры, короткие параллельные линии, солярные знаки. Среди фигуративных изображений — животные (козлы?), змеи, кони. К уникальным петроглифам относится лабиринт. Нет уверенности в том, что расположенную рядом с ним, плохо сохранившуюся фигуру меньшего размера также следует идентифицировать в качестве лабиринта, она может относиться к другим вариантам изображений, выполненных на основе повторяющихся окружностей или полукругов (см. например: Beckensall S., 1999). Возможно также, что эта фигура более упрощенно представляет лабиринт. При всей уникальности лабиринта Сулайман-Тоо не следует считать его единственным в своем роде. Мы уже перечисляли местонахождения, на которых были выявлены изображения лабиринтов, выбитых на скалах или высеченных на камнях, включенных в качестве элементов в архитектурные сооружения (Аманбаева Б.Э., Дэвлет Е.Г. 1999). Фонд подобных загадочных фигур неуклонно возрастает (Хан-Магомедов С.О., 2000; Costas Goberna F.J., Pena Santos A. de la, 2000). Особого упоминания заслуживают петроглифы, напоминающие изображения личин, однако мы не склонны говорить о чем-то большем, чем простое сходство, и относить их к какому-либо из известных в наскальном искусстве типов личин.

В качестве специфических особенностей наскального искусства Сулайман-Тоо следует отметить:

- редкий набор образов;
- наличие многофигурных композиций с повторяющимися сюжетами;
- постоянный набор знаков, приуроченных, соответственно, к горизонтальным и вертикальным плоскостям;
- отсутствие близких аналогий;

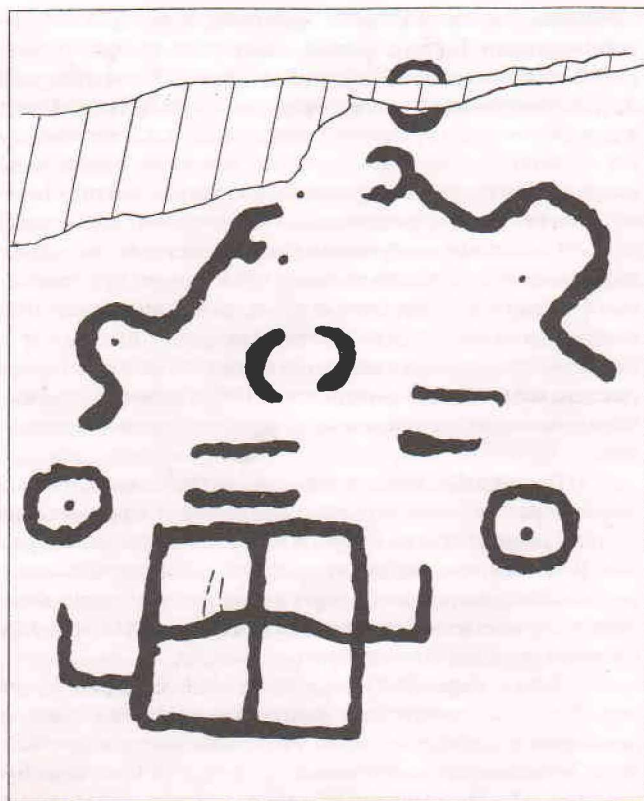

Рис. 1

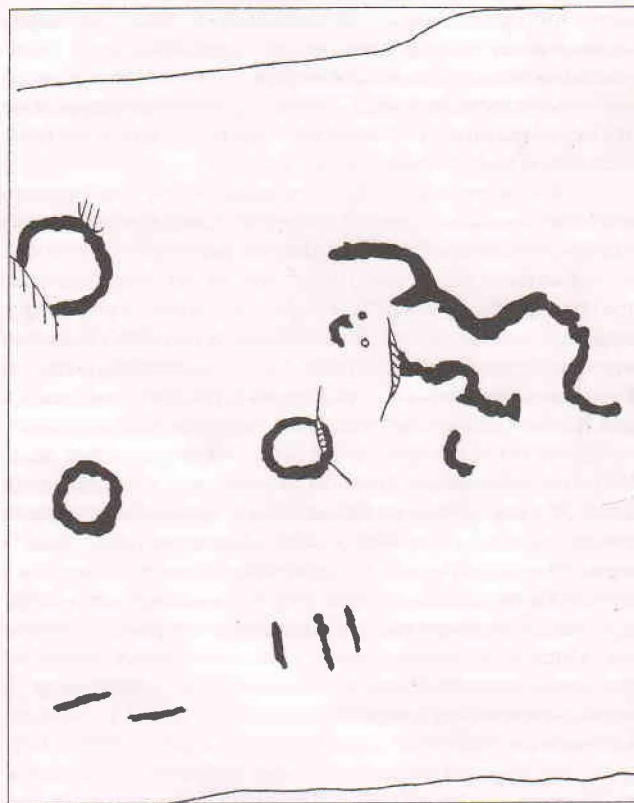

Рис. 2

Рис. 3

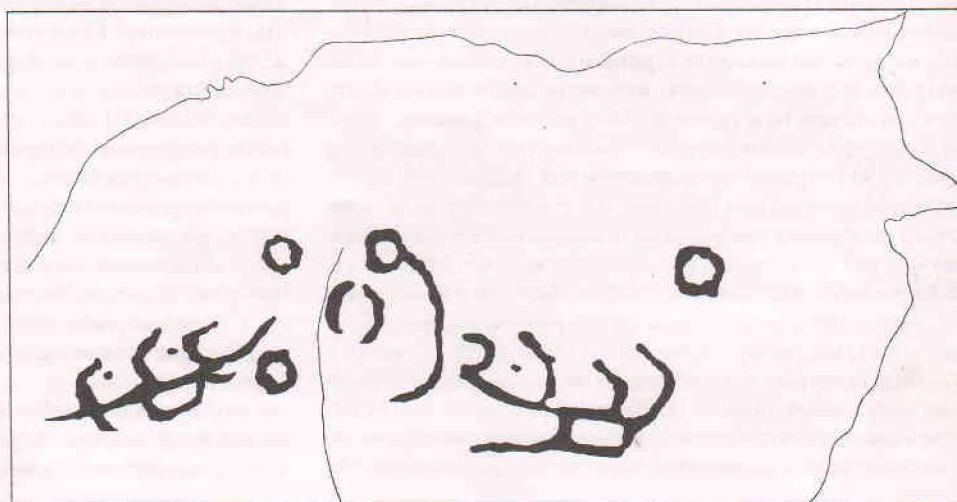

Рис. 4

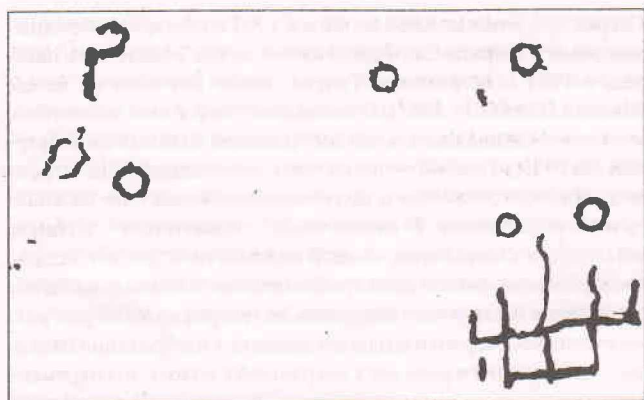

Рис. 5

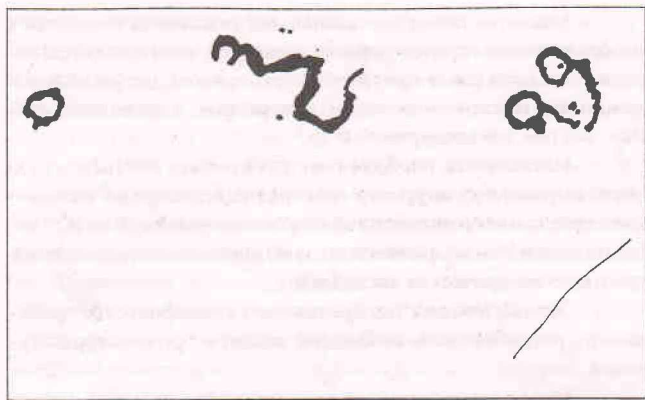

Рис. 6

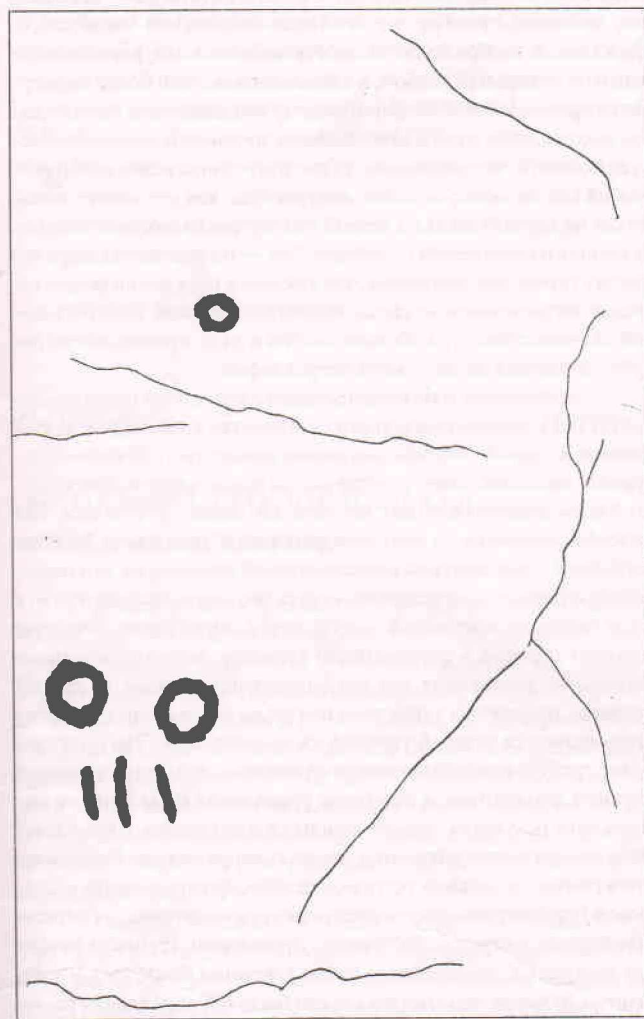

Рис. 7

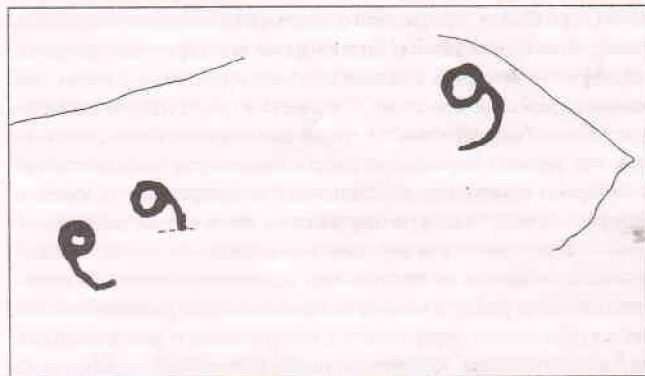

Рис. 8

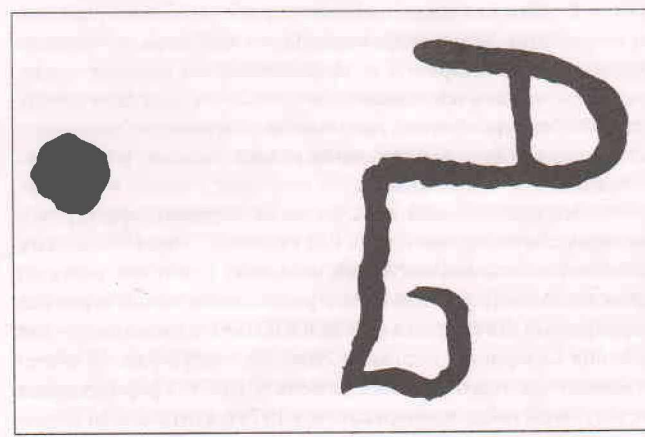

Рис. 9

Рис. 1-9. Наскальные изображения на горе Сулайман-Тоо.

• наличие перед вертикальными скальными выходами с изображениями горизонтальных площадок, пригодных для совершения обрядов и приуроченность многих петроглифов к культовым местам — желобам, отверстиям, жертвенным камням, местам для возжиганий и др.¹

Наскальные изображения составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия и, безусловно, заслуживают пристального внимания со стороны широкой публики. Они являются частью складывающихся на протяжении тысячелетий природно-исторических ансамблей.

Это обстоятельство предъявляет специфические требования к разработчикам концепций показа и организаторам туризма.

Методы копирования и анализа, а, следовательно, и формулировка концепций сохранения памятников наскального искусства, находились, как правило, в зависимости от общего направления гуманитарных и естественнонаучных исследований. Так, 1970-е гг. отмечены увлечением новыми материалами для копирования наскальных изображений (заливка различными пластиками и др.). В эти годы основной идеей консервационных проектов стал поиск прозрачного покрытия, способного оградить поверхность от прямого воздействия атмосферных явлений. Обострение интереса к экологическим проблемам в наши дни нашло отражение в методах управления памятниками наскального искусства: наблюдается тенденция к предпочтению косвенных мер защиты, стремление свести к минимуму вмешательство в материал памятника, восстановить те природные условия, в которых он сохранялся на протяжении веков и тысячелетий.

Возможность в перспективе применять новые методы прямого датирования предъявляет жесткие требования к методике полевых работ и музеефикационным программам. Это касается подготовки поверхности к копированию и фотофиксации, выбора материалов, консервационных и охранных мероприятий и др. Рекомендуется максимально избегать соприкосновения с поверхностью, не использовать материалы и соединения, которые могут оказать воздействие на отложения на поверхности изображений, и вообще предпочесть контактным методам работы бесконтактные. Отмечалось, что даже одноразовое снятие копии-протирки может изменить состав отложений на поверхности изображения.

Реализация первых крупных проектов по консервации и музеефикации памятников наскального искусства, публикация результатов мониторинга за эффективностью вмешательства, дает возможность исследователям учитывать долговременные последствия мероприятий, направленных на решение различных конкретных задач с привлечением разных методик, и не прибегать к заведомо непригодным.

На сегодняшний день в список мирового культурного наследия, составленный ЮНЕСКО, включено лишь одиннадцать районов наскального искусства, поскольку для этого требуется проведение заинтересованными странами масштабных охранных мероприятий. До сих пор в список ЮНЕСКО не попал ни один из районов Северной Америки и Азии, не говоря уже об отечественных местонахождениях. Список ЮНЕСКО формировался в следующей последовательности: в 1979 г. в него вошли знаменитые пещеры с палеолитическими росписями в долине Везере во Франции и петроглифы Вал Камоники, Италия; с 1981 г. поэтапно (затем в 1987 и 1992 гг.) включаются наскальные изображения Национального парка Какаду на севере Австралии; в 1982 г. добавился хорошо известный памятник Тассили, расположенный в Алжире. А в 1985 г. целых три района: первая для Европы пещера с наскальными росписями эпохи палеолита Альтамира в Испании, местонахождение Тадрар Акакюс в Ливии и Альта на севере Норвегии. В 1991 г. эта тенденция перекинулась и на Новый свет и в список вошли памятники национального парка

Сьерра де Капивара в Бразилии, а в 1993 г. обширные местонахождения Сьерра де Сан Франциско на западе Мексики. И, наконец, в 1994 г. петроглифы Танума, район Богуслен на западе Швеции (Clottes J., 1997). В последние годы к ним добавились местонахождения наскальных изображений долины Коа в северной части Португалии — памятники, спасенные в зоне строительства водохранилища и получившие впоследствии палеолитическую датировку. В целом число памятников в списке ЮНЕСКО в дальнейшем, по всей видимости, будет возрастать, принимая во внимание даже приблизительное общее количество памятников наскального искусства, их географический разброс, хронологические рамки традиции нанесения изображений на скалы. Эта традиция в ряде мест сохранилась вплоть до современности, некоторые священные скалы продолжают почитаться вплоть до наших дней, примером чего служит гора Сулайман-Тоо.

Если в 50-е гг. исследователи активно искали новые памятники, расширяя хронологические и географические границы феномена наскального искусства, то начиная с 70-х гг. и в особенности в последнее десятилетие акцент сместился — все большее значение приобретает проблема сохранения найденного. Наскальные изображения являются памятниками, расположенными под открытым небом, а следовательно, они более подвержены природному и антропогенному воздействию, чем объекты, находящиеся в шадящих условиях музейного хранения. Следует помнить, что дошедшие до нас из глубины веков изображения на скалах вовсе не столь долговечны, как это может показаться на первый взгляд. Особый фактор риска сохранности наскальных изображений Сулайман-Тоо — их расположение в условиях городской застройки, что связано с неуклонно возрастающим загрязнением воздуха, неконтролируемой посетительской активностью. Эти обстоятельства в ряду прочих могут пагубно сказаться на состоянии петроглифов.

Отношение к музеефикации памятников наскального искусства у мирового научного сообщества в настоящее время двоякое. С одной стороны, осознание ценности этой части культурного наследия может прийти только после длительного и масштабного знакомства с ним, которое не может состояться без музеефикационных и популяризационных программ. Между научным сообществом исследователей признается, что повышение интереса к наскальному искусству, широкое знакомство с этим видом человеческой деятельности, интеграция зачастую забытых образов в современную культуру должны дать положительные результаты для сохранения памятников. С другой стороны, посещения туристами не только наносят вред, но зачастую являются главной угрозой их сохранности. Это противоречие требует особого внимания со стороны лиц, занимающихся охраной памятников, а проблема управления памятниками наскального искусства должна решаться комплексно, с привлечением специалистов различных научных направлений. Возможно, что в рамках отдельных регионов целесообразно оценить состояние и перспективы сохранности каждого памятника, в соответствии с чем и строить программу управления. Из числа наиболее доступных, посещаемых, расположенных близ трасс и населенных пунктов памятников можно было бы определить те, которые, подобно наскальным изображениям горы Сулайман-Тоо, пригодны для музеефикации и организованного посещения.

Включая наскальные изображения в зоны туристического посещения, с одной стороны, мы усиливаем антропогенное воздействие на памятник, с другой — только знакомство воочию с произведениями далекого прошлого может приблизить понимание их реального исторического и культурного значения, способствовать интегрированию образов наскального искусства в современную культуру. Эти цели могут быть достигнуты лишь при взвешенном подходе к показу конкретного объекта. Следует в максимально доступной форме, не лишеной, однако, строгой научной основы, объяснять значение отдельных знаков и композиций, побудительные причины их создания, пытаться «по-

¹ Расположение культовых мест у скал с изображениями отмечено и в других районах Ферганы (см.: Брыкина Г.А., 1998).

реводить» язык древних образов на современный, реконструировать мировоззрение, обычаи и обряды их создателей. Необходимо полноценно использовать наскальные изображения как источник для исторических реконструкций и доносить до зрителя результаты этих исследований.

Чтобы иметь возможность своевременно принять превентивные меры и не допустить необратимых изменений в рамках охранных мероприятий в отношении петроглифов горы Сулайман-Тоо, требуется постоянный мониторинг за состоянием памятника, за результатами консервационного вмешательства, за склонами и подходами к плоскостям с наскальными изображениями.

Литература:

1. Аманбаева Б.Э., Дэвлет Е.Г. 1999. Петроглифы Сулайман-Тоо // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. Бишкек, с.6-14.
2. Брыкина Г.А. 1998. Культы и культовые места в Фергане // *Приаралье в древности и средневековье*. М., с.96-115.
3. Хан-Магомедов С.О. 2000. *Дажестанские лабиринты*. М.
4. Beckensall S. 1999. *British prehistoric rock art*. Charleston.
5. Clottes J. 1997. *L'art Rupestre — Rock Art*. Paris.
6. Costas Goberna F.J., Pena Santos A. de la. 2000. *A general view of Galician rock engravings (Spain)* // *International Newsletter on Rock Art* (Ed. by Clottes J.) № 26, p. 12-20.

В.Плоских

(Бишкек)

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОША: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Речь пойдет о старинных рукописных и печатных книгах, письменных документах и записях исторического и фольклорного характера, т.е. памятниках духовного наследия, их поисках и сборе на территории Кыргызстана и, в данном случае, конкретно г. Ош. С организации в 1976 г. академией наук республики специальной полевой экспедиции, как бы началось археографическое открытие Кыргызстана. Автору посчастливилось возглавить работу экспедиции по выявлению, сбору, первичной обработке и коллекционированию материалов, которые до этого времени не собирались и не изучались, предавались забвению и игнорировались.

Нигилистическое отношение к таким памятникам духовной культуры было вызвано тем, что считалось, будто кыргызский народ был до революции бесписьменным. Тезис этот являлся скорее политическим, чем научным, что тормозило изу-

чение дореволюционной кыргызской письменности, языка и литературы¹. Сбор памятников старинного письма не проводился, все старинные книги огульно причислялись к исламским, а не светским книгам, считались принадлежавшими не кыргызскому, а другим народам и не заслуживавшим внимания.

В 1976 г. нами были разработаны и предложены план и программа первых разведочных палеоархеографических работ на территории Кыргызстана, и республиканская академия наук снаряжает экспедицию. Поскольку своих квалифицированных востоковедов не имелось, для работы в археографической экспедиции был приглашен научным консультантом опытный востоковед-арабист из Ленинграда А.Б.Халидов, знавший также таджикский язык, для которого тюркский являлся родным. Позже с нами работали также другие известные ленинградские ученые - содиревел В.А.Лившиц, тюрколог С.Г.Кляшторный, московские арабисты С.Г.Агаджанов и В.Н.Настич, и - тогда молодые кыргызские ученые: тюрколог Ч.Джумагулов, иранист А.Мокеев, историки Д.Нурматов, А.Ормушев, Д.Сапаралиев, этнограф И.Молдобаев и др.

С такими научными силами можно было квалифицированно уже на месте просматривать и оценивать любые рукописи на арабском языке, тюрки и фарси, и делать их отбор. За десять лет полевых экспедиций мы обследовали многие районы Ферганы, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля. Надо сказать: оригинальный улов принес город Ош, в котором хранителями рукописей были не только, даже не столько кыргызы, сколько узбеки - носители древней рукописной традиции Средней Азии. Участники экспедиций встречались и беседовали с десятками кыргызских и узбекских аксакалов, молдо, мулл, получивших в свое время традиционное мусульманское образование, либо с их наследниками, владевшими старинными книгами и рукописными материалами.

Постепенно открывались заветные шкафчики и сундуки, извлекались кожаные курджумы и полотняные мешочки: личные "библиотеки" обещали немало интересных находок.

После того, как ученые "рассекречивали" одних владельцев книжных богатств, тут же становились известны новые имена. Правда, то и дело заходили разговоры о том, что прежде - четыре десятилетия, полвека назад - таких книг было гораздо больше. Но естественный износ бумаги при далеко не лучшем хранении: стихийные бедствия, обычай захоронения книг в могилах и мазарах сделали свое роковое дело.²

Была у нас и заветная мечта: обнаружить библиотеку знаменитой алайской царицы Курманджан датки.

Когда-то много лет назад профессор Кыргызского государственного университета Борис Михайлович Зима рассказывал нам на лекциях, что перед Великой Отечественной войной во время экспедиции на юг Кыргызстана, он в Оше видел рукопись по истории клана Курманджан с описанием событий в Кокандском ханстве, Оше и Алае. Он даже присылал из Оша во Фрунзе киргизскому правительству телеграмму с предложением выкупить рукопись и просьбой выслать на это денег. Но денег не оказалось, а позже все забылось.

Во время моих первых археологических экспедиций на Алай (с 1961 года) я неожиданно для себя встречался с праправнучкой алайской царицы и неоднократно слышал, что Курманджан сама была грамотной и вела интенсивную переписку с военным губернатором Ферганской области генералом Ионовым, соратником завоевателя Кокандского ханства М.Д.Скобелева. Что она писала стихи, собирала и хранила рукописи и книги, эту ее "библиотеку в сундуке" вместе с архивом Худояр-хана видел знаменитый самаркандский археолог В.Л. Вяткин (первооткрыватель обсерватории Улугбека), а каталог с описанием книг составил его друг - местный каллиграф Абу Саид Марзум.³

Позже следы заветного сундука затерялись.⁴ Не увенчались успехом поиски библиотеки Курманджан в архивах Оша, Коканда и Маргелана (где они по логике вещей могли бы отложиться). Не обнаружил я ее переписку с генералом и в санкт-

¹Плоских В. К вопросу о дореволюционной кыргызской письменности, - "Тюркология - 88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции". Фрунзе, 1988, с. 8-11; Текишев Э. Древнекыргызский язык, Бишкек, 1997, с. 37-47; Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. Бишкек, 1999, с. 95-96 и др.

²По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1982, с. 136.

³Новоселова К. Звезда Альтаир. Ташкент, 1983, с. 51-52.

⁴См.: Мамытов С. Тайны исчезнувших рукописей: "Наша газета", 11.11.1997.

петербургской библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, где сохранялись личные архивы некоторых завоевателей Туркестана.

И здесь зародились сомнения, не миф ли все это: стихи, переписка, библиотека, все таинственно исчезнувшее? Однако, ведь существовала библиотека Ивана Грозного, которую так до сих пор и не обнаружили! Ведь существовала письменность кыргызов, которую настойчиво замалчивали "ученые" от политики! Да и одно письмо Курманджан датки, адресованное российским властям сохранилось (от 1885 г.). Я в свое время его выявил в узбекском государственном архиве и опубликовал.¹ Поездки В.Л.Вяткина и Абу-Саида Магзума на Алай, их встречи с Курманджан и то, как они увидели у нее библиотеку и канцелярию кокандских ханов, письма ее мужа Алымбека-датки и собственную переписку с соседними правителями и друзьями описала узбекский ученый К.Новоселова в документальном романе "Звезда Альтаир" (Ташкент 1983 г.). А то, что Курманджан под псевдонимом Зыйнат писала стихи, имела два собственных "дивана" (сборника) поведал узбекский востоковед, доктор исторических наук Х. Бабабеков (мне в свое время пришлось оппонировать в Ташкенте его докторскую диссертацию). В том, что алайская царица писала стихи и имела бесценный сундук с библиотекой убежден и наш кыргызский ученый, кандидат филологических наук Сатыбалды Мамытов - генеральный директор госдирекции "Ош-3000". Он неоднократно в последние годы публиковал статьи на эту тему в республиканской печати.

Правда, есть и не верующие, есть скептики и среди историков. Но это лишь свидетельствует: нужны новые поиски, серьезные исследования, и ... истина проявится.

Мы в свою первую палеоархеографическую экспедицию начинали также в атмосфере скепсиса. Не верил первоначально в ее результативность и директор института истории, член-корр. АН Кирг.ССР К.К.Орозалиев и президент академии академик К.К. Каракеев. Однако, работы разрешили. находки оказались не настолько богатыми (как мы надеялись), тем не менее в целом экспедиция оказалась удачной. Было собрано более тысячи старопечатных и литографических изданий, рукописей и документов, исполненных на тюркском, таджикском и арабском языках. Большинство материалов относилось к XIX или к началу XX вв. Лишь редкие рукописи можно датировать XVIII в. Но имелись копии и более ранних рукописей XII - XVI вв. (как, например, трактат по арабской грамматике знаменитого среднеазиатского ученого и поэта Абдурахмана Джамии, приобретенный нами в Ошской области).

По месту происхождения документы и рукописи связаны со среднеазиатским регионом в целом, некоторые переписаны кыргызскими молдо, хотя судить об этом зачастую приходилось по совокупности внешних признаков.

Печатные книги явно привозились издалека. Об этом красноречиво свидетельствуют названия городов, где находились типографии: Ташкент, Казань, Бухара, Стамбул, Лакхнау, Канпур и др.

По содержанию книги и рукописные материалы отражали те формы, в которых были распространены в Кыргызстане грамотность и образованность, исламское учение и литература. Книги и рукописи собраны как светского содержания, так и духовного - изложение положений ислама в специфическом суфийском варианте, как он был распространен в Средней Азии, особенно в Кыргызстане прошлого столетия.

Источниковедческий обзор археографических находок был сделан участником экспедиции, арабистом и тюркологом из Москвы В.Н.Настичем. Каталог составлен В.П.Настичем, В. Шуховицовым, А. Мокеевым по ежегодным палеоархеологическим отчетам. В полном отчете рукописи книги и каталог находок подготовлен к печати. К сожалению, пока нет средств для завершения работы и издания книги.

В данном кратком сообщении остановимся только на документальных и рукописных находках, которые были сделаны в городе Ош.

Определенную историческую ценность представляют несколько свитков с записанными на них от руки молитвами - мусульманскими по оформлению и удивительно светскими по содержанию. Все они по существу являются «начинкой» местных оберегов, написаны на бумаге среднеазиатского производства, язык молитв - таджикский и тюрки (близкий к староузбекской литературной форме, но с заметным влиянием живых разговорных элементов). Некоторые молитвы явно переписаны из распространенных по всей Средней Азии в XIX - начале XX вв. суфийских "рисоля".

В одном из них два текста "Молитв из возвеличенной книги о тварях (божьих)". Второй свиток наиболее интересен по содержанию, но намного дефектнее в начале. В нем после обычного зачина молитвы (по-арабски) следует притча на тюркском языке о том, как "во времена сынов Ибраила" некий падишах повелел казнить своего казначея, но ни меч, ни стрела с копьем, ни виселица, на которой он висел три дня, его не убили: тогда его бросили в пустыне без воды и пищи, потом на съедение льву, волкам и другим животным, топили его в воде, жгли в огне и пр. отовсюду он вышел живым и невредимым.

Затем идет длинное изложение беседы падишаха с этим казначеем, из которого вкратце следует, что спасся он благодаря тому, что у него была спрятана написанная на бумаге молитва; почему Аллах всевышний постоянно его и оберегал.

Далее на этом же свитке в несколько строк выписаны суфийские повторы для зикра, а ниже - еще одна молитва, названная "большой" или "великой" (бузург).

Третий свиток содержит молитву на таджикском языке приблизительно того же содержания: "от болезней - кто при себе с чистыми помыслами имеет (эту молитву), то все равно, что он совершил бы тысячу хаджей, или прочел тысячу раз Коран, или освободил тысячу рабов, или насытил тысячу голодных и т.п."

Помимо того, что эти и подобные им молитвы-обереги, строго говоря, являются таким же продуктом народного творчества, как и образцы любого жанра художественных произведений, они уже поэтому заслуживают внимания специалистов-литературоведов, языковедов, диалектологов и фольклористов.

Одним из интересных приобретений экспедиции можно считать почти целый, в хорошей сохранности экземпляр рукописи, полученный от жителя г. Ош С. Исакова. Впервые с этим экземпляром нам довелось ознакомиться "заочно" - по фотоснимкам титульных листов и колофонов, присланных владельцем в академию зимой 1981 г. В предварительном заключении на эту рукопись, составленном 3 марта 1982 г. по этим фотоснимкам, мы определили ее двусоставность, тематику (схоластическая логика и риторика), время и исполнителя переписки одного из вошедших в нее трактатов.

При непосредственном ознакомлении с рукописью в сентябре 1984 г. предварительные данные в целом подтвердились. Но в составе "сборника" оказалось не два, а четыре различных сочинения, объединенных общей тематикой. К большому сожалению, ни для одного из них мы не нашли упоминания названий и имен авторов.

Приведем краткое описание ошского списка по отчету, составленному В.Н.Настичем.

Тексты этих трактатов принадлежат (или могут принадлежать, т.к. многие из них воспроизводились без названия и указания авторов) известному богослову из Самарканда Абу Хафсу 'Омару ан-насафи (1068-1142 гг.) и многочисленным комментаторам его сочинений.

Сохранность рукописи удовлетворительная, но отсутствует конец последнего трактата. Книга слегка подпорчена сыростью, форзацный и титульные листы оторваны от блока и обтрепаны по краям. На форзацном листе - разные записи (персидские стихи суфийского содержания и др.), в одном из них

¹ См.: Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. Очерк истории. Фрунзе, 1987, с. 55-57.

указана дата переписки - 16 рамадана 1252 г. хиджры, т.е. 25 декабря 1836 г. европейского летоисчисления. Бумага среднеазиатская, текст выполнен черными чернилами, вставки и подчеркивания - киноварью. Пагинация восточная (кустыды). Текст обведен двойной тонкой рамкой киноварью, выделены маргиналии. Почерк - убогий стиль среднеазиатский наста'лик. В рукописи содержится 278 листов. Переплет дефектный (сохранилась только верхняя крышка), с кожаным корешком, обложка с традиционным симметричным тиснением из трех розеток.

Составность рукописи: четыре различных текста, все на арабском языке, содержат трактаты по схоластической логике и комментарии на них.

Большой научной ценности содержание сборника в общем-то не имеет, тем более, что все приведенные в нем трактаты и комментарии безымянны. Определенный интерес представляет рукописная книга как таковая, наличие в ней имени переписчика, дата, а также особенности каллиграфии и переплета.

Так или иначе, экземпляр представляет собой образец книжного дела в Средней Азии первой половины XIX в. и, что не менее важно, свидетельствует о бытовании в южной Киргизии традиционной мусульманской грамотности на арабском языке.

У другого жителя Оша - А. Сабирова приобретено несколько так называемых шариатских книг - по мусульманскому праву - фикху. Одна из них - известная и широко распространенная по всей Средней Азии сохранившееся изложение комментариев на знаменитую "ал-Хилайя" Бурхан ад-дине ал-Маргинани (Ум. 593/1197г.). Подобных копийных комментариев нами было приобретено несколько, в самых разных уголках Кыргызстана. Но ошский экземпляр интересен тем, что в нем оригинальный арабский текст "Мухтасара" сопровождается тюркским построчным переводом и обширными комментариями в стихах, также по-тюркски, принадлежащими ташкентскому ишану Рахим-хадже. Несмотря на то, что сочинений по фикху, подобных "Мухтасару" известно множество в Средней Азии, данный ошский замечательный экземпляр будет интересен языковедам-иранистам и тюркологам, как образец практического книжного перевода XIX - нач. XX в.

Второй экземпляр - "Маджму'а раса'ил Ибн Абин" - "Собрание трактатов Ибн Абин" - сборник богословских и правоведческих сочинений известного сирийского факиха (ханифиитского толка) сейида Мухаммада Амина (1784-1836). В сборнике представлено 25 различных трактатов Ибн Абидана, посвященных вопросам теоретического и практического мусульманского правоведения, т.е. практически всеобъемлющий кодекс и регулятор всех без исключения сторон жизни и деятельности мусульман. В 1980 г. приобретен сборник из трех сочинений проаннотированных А. Мюкеевым:

1. Отрывок перевода на тюрки с персидского языка известного исторического (по большей части легендарного) сочинения "Ош-наме" - "Книга о (истории) Оша".

2. Список "Дивана-йи Ша-Машраб" - житие суфийского отшельника XVII в. родом из Намангана.

3. Сочинение на арабском языке другого известного шейха Ходжа Ахмад Ясаи, переписанное в 1280/1836 г.

Экспедицией было приобретено в Оше и несколько актов и вакорных документов на выделение земель. Так, один документ от 1281-1864 г. - купчая (васика) на усадьбу и несколько пехотных участков земли в районе города Ош - представляет с точки зрения формулы традиционный шариатский документ с обилием имен, кварталов, каналов, важных для исторической топонимики Оша, для исследования хозяйственной терминологии вопросов землепользования и его правового оформления.

Вахарные документы позволяют раскрыть юридическую и хозяйственную деятельность таких крупных мусульманских учреждений в Оше как, например, медрес кыргызского феодала Алымбека Датки, кыргыз-кыпчака Алыткула и др. феодальной знати.

Характеризуя весь археографический комплекс в целом, можно отметить, что несмотря на его удивительно скромный объем, в нем имеются достаточно ценные и интересные для науки экземпляры. Даже описанный выше свиток с полутрактатными молитвами на тюркском языке, на первый взгляд, лишенный какого-либо познавательного значения, тоже может внести свой вклад в изучение социальной, индивидуальной, исторической психологии населения в досоветский период, в значительной мере истоками своими уходящей далеко в глубь столетий и в таком качестве, отражающей и весьма древние представления и верования, несмотря на позднее происхождение самих молитв.

Рукописные и печатные книги по богословию и правоведению, не будучи прямыми первоисточниками исторического круга, тоже зачастую содержат фактографический материал о "делах давно минувших дней" и при аналитическом подходе могли бы служить немаловажным подспорьем для востоковедов-историков, тюркологов, философов и правоведов.

Итак, подведем краткие итоги.

Что показал обзор в целом коллекции книг первой археографической экспедиции?

Во-первых, все книги и рукописи прошлого являются памятниками духовной культуры, представляют собой бесценный фонд наследия, завещанный нам предками. Они сами по себе - памятники культуры.

Во-вторых, они дают понятие о круге интересов кыргызских читателей в прошлые века.

В-третьих, география и хронология написания и издания книг свидетельствует о широких торгово-экономических и культурных связях кыргызского народа и его предков в многовековом диапазоне.

Наконец, в-четвертых, научное значение таких книжных коллекций, их лингвистическая, литературоведческая и источниковедческая ценность. Это богатейший материал по истории, философии, этике, языкознанию, литературе кыргызского народа и его соседей. В совокупности с другими материалами, в частности, с книгами Молдо Нияза, Молдо Кылыча и Осмоналы Сыдыкова, письмами кыргызов они свидетельствуют, что кыргызы и до революции имели письменность, свои художественные и исторические сочинения, читали и писали на арабском и таджикском языках, имели в своих семьях Коран. Преувеличивать, однако, ни грамотность кыргызского населения, ни читательские возможности, ни религиозность в прошлые столетия нет никаких оснований. Но и пренебрегать этими фактами и подходить к ним полностью нигилистически тоже нет необходимости.

Обнаруженные экспедицией книги - это обычные для среднеазиатско-казахстанского региона образцы не только религиозной литературы, но и правоведения, классической, восточной филологии, а также произведений развлекательно-беллетристического жанра и поэзии на местных персидско-таджикских и тюркских (в том числе кыргызских) языках. Репертуар книг показывает, чем занимались и что читали грамотные люди из местного населения, какой тематический спектр письменной информации доходил до широких слоев народа и в каком идеологическом ключе эта информация подавалась.

Важно также, с какими культурными центрами Средней Азии, Казахстана, Поволжья, других зарубежных стран устанавливали свои контакты кыргызские муллы и молдо. Ведь ни одна конкретная культура, как материальная так и духовная, коль скоро она развивается не в изоляции от соседних этнокультурных общностей, не может впитывать в себя новые элементы и явления, так сказать из воздуха. К тому же известно, что за каждым, даже самым незначительным на первый взгляд фактом культурной истории так или иначе стоят экономические интересы определенных слоев общества, духовно-идеологические взаимосвязи. Даже отдельно взятые эти факты сами по себе важны для истории, в совокупности же с другими данными они позволяют вписать еще несколько новых страниц в летопись трехтысячелетней кыргызской истории.

Ученые единодушны в мнении¹, что необходимо продолжить регулярное собирание первоисточников литературного кыргызского языка: рукописей, старопечатных книг, отдельных писем и документов. Надо наладить их кодификацию и описание, научное издание и исследование. Тем самым установится реальная связь между культурой кыргызского народа в прошлом и настоящем, определяются истоки и появляются новые перспективы исторической тюрко-кыргызской лингвистики и литературоведения, философии и правоведения, кыргызской историографии и исламоведения.

И здесь нельзя не согласиться с мнением С. Мамытова, что изучение дооктябрьской истории кыргызской книги только начато. Исследование проблемы откроет новые интересные факты о ее развитии в системе многообразных межнациональных связей. Особую актуальность этот вопрос имеет, - подчеркивает гендиректор госдирекции "Ош-3000" С. Мамытов, - в период юбилейных мероприятий древнего Оша².

Что же касается рукописей и библиотеки сундука алайской царицы, то их поиски следует продолжить. Удача улыбается настойчивым и верующим.

Я верю в это.

Нурридинова Т.С.

(Ош)

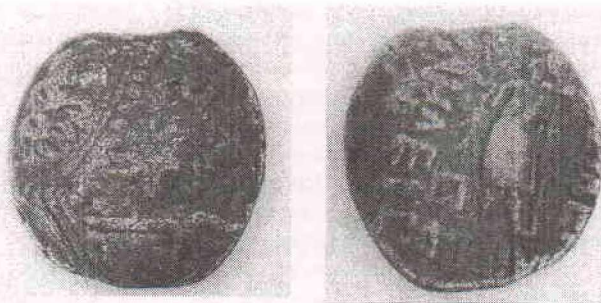
НОВЫЕ ДАННЫЕ К НУМИЗМАТИКЕ ГОРОДА ОШ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

В 1999 году житель города Ош преподаватель КУУ предоставил мне медную монету, которую дали ему ошские школьники в 1975 году. Эта уникальная находка, найденная в городе Ош оказалась выпущенной в подражание монетам последнего греко-бактрийского царя Гелиокла.

На ее лицевой стороне погрудное изображение правителя вправо в круге из чередующихся точек и тире. Волосы повязаны двойной диадемой, развевающиеся концы которой видны из-за головы. Выше диадемы волосы собраны в отдельные пряди, имеющие петлеобразную форму, ниже - ниспадают завитками, закрывая лоб. Массивная голова с выпуклой полной щекой и коротким, сильно выдвинутым вперед носом, начинающимся от лба, с четко выраженной горбинкой, переносица почти незаметна, губы полные, подбородок выступает вперед, шея короткая и толстая. Правое плечо закутано в плащ, образующий складки, причем одна из складок выдвинута вперед.

На оборотной стороне монеты изображена фигура слегка изогнутого в талии стоящего божества. Вокруг головы - нимб из точек, левая рука опирается на жезл. В правой руке связка молний. На ногах сапожки с отворотами. Надпись справа: $\text{VIA}|\text{AE}\Omega\epsilon$ слева $\Lambda|\text{AE}[V]$ внизу $\Delta|\Delta[V]$ монограмма [S] . Кругок монеты с края обломан.

Аналогичные монеты давно известны в науке и имеются много специальных научных исследований, где дана не только подробная их классификация, но и историческая характеристика¹. До недавнего времени они были известны по музейным со-

брациям, а в последующем их неоднократно зафиксировали при археологических раскопках в основном в Северной Бактрии - в разных ее городищах и поселениях. За пределами указанного региона зарегистрированы единичные находки таких монет, так в Маргиане (Койне-Кишман),² в Фергане (Кайнава),³ и в городе Ош. Пока ни одной находки таких монет на юге Бактрии не отмечено, что впрочем не исключает возможности их обращения здесь.

Таким образом, основной ареал их распространения падает на Северную Бактрию, где расположена ныне Сурхандарьинская область Республики Узбекистан. Исследователи Э.В. Ртвеладзе, Ш.П. Пидаяев, специально изучавшие такие монеты, найденные в указанном регионе считают, что вероятно они выпускались в одном или в нескольких городах - таких как Термез, Дальверзин-тепе и Шахринав, где могли находиться монетные дворы для выпуска их с разными монограммами: [A] , [Δ] , [Λ] , [Π] . Ими выделены четыре вида таких монограмм. Ртвеладзе Э.В. монеты с монограммой [A] по их характерным иконографическим и эпиграфическим деталям относит к наиболее ранним. Они найдены только в Термезе, Айргаме, Шерали-тепе, Шор-тепе, а монеты с монограммой [Π] найдены по всей территории Сурхандарьинской области и относятся к более поздним подражаниям. Он в этих монограммах видит династические знаки юэчжийских правителей Северной Бактрии, и сравнивает их со знаками Кушанских царей.

На ошской монете монограмма [S] другая, среди опубликованных монет их пока нет. Специально изучавший такие монеты известный ученый В.М. Массон датировал их концом II и первой половины I в. до н.э., а затем пересмотрев отнес их выпуск ко времени до прихода к власти кушанского царя Кадфиза I и даже Кадфиза II. Эту точку зрения В.М. Массона сейчас исследователи считают наиболее приемлемой, хотя есть другие предположения и суждения.

В 1980 году преподаватель ОшГУ Л.Ж. Жусупакматов передал клад посеребренных монет караханидов, которые отдельно готовятся к изданию. Таким образом ценные монетные находки дополняют картину денежного обращения юга Кыргызстана.

Литература:

1. Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла - ЭВ., XI, М.-Л. 1956 г. стр 63-76; Он же, к вопросу о чекане юэчжийской Бактрии. - ИООН АН Таджикской ССР. вып. 14. Сталинабад 1957. Стр. 109-114.
2. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. - Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966 г. стр. 96.
3. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаяев. Каталог древних монет южного Узбекистана. Ташкент, 1981. стр. 28-33.
4. Пугаченкова Г.А. К дискуссии "о Сотере и Мезосе". - Труды ТашГУ. Археология Средней Азии. Выпуск VII. Ташкент, 1966. Стр. 15-26.

¹ По следам памятников истории и культуры Кыргызстана, с. 140-146; Тенишев Э. Древнекыргызский язык, с. 47; Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы, Бишкек, 1991, с. 95-95, 121-146.

² Мамытов С. Тайны исчезнувших рукописей. - "Наша газета", 11.11.1997.

Раскопки городища Ооз-Дебе в 2000 г.

В полевой сезон 2000г. ошская археологическая экспедиция, преобразованная в ошскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию в связи с кончиной Ю.А. Заднепровского, продолжила исследование холма Ооз-Дебе, начатого в 1999г. Ю.А.Заднепровским, и продолженного К.Ж. Малтаевым, назначенного начальником археологического отряда Ооз-Дебе.

Начальником ОКАЭЭ. на 2000г. был назначен д.и.н., проф., зав.отделом археологии и этнологии Института истории НАН КР И.Б.Молдобаев, начальником археологического отряда Ооз-Дебе и Коргошун-Дебе - зав.сектором археологии ИОНИО НАН КР, ст. пр. кафедры археологии и этнологии ОшГУ К.Ж. Малтаев. В раскопках - 2000г. также принимали участие Э.Ж.Сулайманов, к.и.н., профессор, зав. каф. археологии и этнологии ОшГУ - ст. научн. сотр; Т. А.Насиров, научн. сотр. ИОНИО НАН КР - старший лаборант; архитектор Баетов Н.Б., художник Сатибаев У. - студент 5 курса факультета искусств ОшГУ и геодезист Рахматуллаев С., а также студенты-практиканты 1-2 курсов истфака ОшГУ.

Ооз-Дебе представляет из себя холм, ориентированный по странам света, слегка вытянутый по направлению В-З, с незначительным уклоном СВ-ЮЗ. Окружность холма у подножия составляет 165м., высота 11,5м., т.е. по данным нивелировки 110,30-91,40. Основной репер 90,00. Холм Ооз-Дебе является одним из оставшихся трех маленьких частей городища Ооз-Дебе, который до проведения сельскохозяйственных нивелировочных работ занимал большую площадь-около 20га(450X430м.)¹.

Стратиграфическое наблюдение и материалы раскопок 1999г. показали (рис.4), что холм Ооз-Дебе состоит из трех стратиграфических горизонтов и представлял из себя святилище, храмовую часть городища шоробашатского (античного) времени, предположительно датируемого IV-I в. до н.э.²

С целью уточнения стратиграфической хронологии памятника, в 2000г., вскрыли всю поверхность вершины холма (рис.5) и разделили на 4 раскопа -участка, при этом надо отметить, что раскоп 3 был заложен в 1999г. и в этом году здесь вскрытие не производилось. На юго-востоке раскопа 4, т.е. на юго-западном скате холма был заложен раскоп 5 (рис.5, V; рис.12). Продолжена зачистка жертвенной ямы (рис.13), вскрытие которой началось в прошлый полевой сезон и получен богатый материал³.

Вскрытые работы производились слоями, глубина каждого слоя составляла 50см., и глубина раскопа 4 доведена более 2-метровой отметки от дневной поверхности вершины холма.

Раскоп 1. Заложено в восточной конечности вершины холма, длина 5м., максимальная ширина -6,5-7м., ширина в месте сужения 4,5-5 м. и ширина дугообразной восточной конечности раскопа составляет 2м. и высота - 50см.

После снятия останца высотой 25-30 см., и ниже, в разных частях раскопа были обнаружены обломки сырцовых кирпичей размером 35X27X8,5см. (среднего размера среди кирпичей Ооз-Дебе) и их бесформенные остатки, следы золы и слегка обгорелой земли, золы с включением древесных угольков. К югу от центра раскопа, в глубине 40см. от дневной поверхности вершины холма была обнаружена зернотерка ладьевидной формы (рис.6.2; рис.21,1), выше которой и вокруг нее было обнаружено небольшое количество фрагментов глиняных сосудов различной толщины и изготовления, в том числе из черной плотной огнеупорной глины (рис.34, 4). Большой интерес представляет три черепка глиняного сосуда, лепного изготовления из хорошо

отмученной плотной глины, стенки черепков очень твердые, серовато светлого цвета с лошением и украшенного горизонтальными глубоко и широко прорезанными волнистыми линиями, разделенными на три полосы (рис.22, 1-3). Такая орнаментация характерна для некоторых глиняных сосудов среднего этапа (I-IV в. в.н.э.) кугайско-карабулакской культуры Ферганской долины (рис.2. 45, 53, 59)⁴.

Как известно, памятники оседлоземледельческих племен восточной Ферганы I-IV в.в.н.э. относятся к мархаматскому периоду. Поэтому, среди процарапанных орнаментов мархаматского комплекса встречаются прорезанные, вертикальные и горизонтально расположенные волнистые зигзагообразные линии (табл. CLI, 5, 9, 15, 16, 20; табл. CLII, 8, 9, 21, 23-25)⁵. Любопытно также, указанные орнаменты - волнистые линии - заполняют тела животных и птиц на процарапанных рисунках керамики (табл. CLI 12-13, 17, 22)⁶. Процарапанные тонкие волнистые, но с резкими изгибами, линии-орнаменты встречаются и на сосудах могильника Темир-Коруг⁷, который датируется комплексом различных методов II в. до н.э. I в.н.э.⁸. Такие орнаменты характерны и для некоторых кувшинов из могильника Тура-Таш, датируемый рубежом первого века н.э. и принадлежавшим кочевникам юго-западной Ферганы указанного времени (табл.Ш, 1,6, табл. V, 1-4)⁹ и некоторым сосудам могильника Кайрагач Лялякского района (Рис. 1,2,3, 29-30).¹⁰ Подобные процарапанные орнаменты-волнистые линии прорезаны на тулове кувшинов из катакомбных погребений Таласской долины, датируемые эпохой "Великого переселения народов" (Рис.8,1,3; 12, 3,5; рис.16, 1-2)¹¹. Такое совпадение, вероятно, объясняется экономическими и культурными контактами земледельцев Ферганы и кочевников.

Указанный орнаментальный мотив в восточной Фергане сохранился до более позднего, саманидского времени, и об этом можно судить по керамике Узгенда (рис.22, 7,8)¹².

На этом же раскопе, в глубине 40-45 см. найдены несколько ручек глиняных сосудов, определенный интерес из них представляют три экземпляра (рис.29, 6-7), одна из них украшена прорезанными перевитыми линиями, а две другие имеют прорезанные фигуры креста. Одна такая ручка, с прорезанным крестом, была обнаружена в 1999г. в раскопе 3. Ручки с прорезанными орнаментами были обнаружены в Узгенде и А.Н.Бернштам их отнес к саманидскому времени (рис.22, 14-15)¹³. Указанные аналогии могут свидетельствовать о жизни людей на Ооз-Дебе в конце мархаматского - начале раннего средневековья. Раскоп 2 заложен как продолжение раскопа 1 в сторону запада. Длина раскопа 6 м, наибольшая ширина 8,5 м, в сторону востока - 6,5 м, высота 50 см (рис. 7.)

Вскрытие раскопа до полуметровой глубины дало незначительное количество материалов: в центральной части раскопа, в глубине 30 - 35 см зачищены сырцовые кирпичи (размеры - 35X27X8-8,5 см), черепки тонкостенной крашеной и расписной керамики, небольшие куски толстостенных глиняных сосудов - хумов и хумчи, фрагмент устья кувшина с ручкой (рис. 29,2.) и др. Исключительный интерес представляет обнаруженная в глубине 40 см от дневной поверхности вершины холма, большой части верхнего камня жерновы, изготовленной возможно из кварца (рис. 7. 1; рис. 21,4). Насколько известно, это первая находка жерновы в античных и раннесредневековых памятниках земледельцев восточной Ферганы. По утверждению специалистов, жернова в этом регионе появляются в эпоху раннего средневековья. Ю. А. Заднепровский в связи с этим отмечает: "На одном из поселений, зафиксированных на трассе большого Ферганского канала. было сделано важное наблюдение: в нижних слоях находились зернотерки, а в верхних наряду с зернотерками встречались и обломки жерновов."¹⁴. Целый верхний камень жерновы обнаружен в средневековом городище Карабулак юго-западной Ферганы (рис. 64, 3).

Раскоп 3. Здесь в этом году раскопки не производились.

Раскоп 4. Раскоп был заложен в западной оконечности

вершины холма и является западным продолжением раскопа 3.

Вскрытие производилось слоями, и высота каждого слоя составляла 50 см.

Слой 1. Длина 4м., ширина на востоке 10 м, западной оконечности - 3м.

После снятия останца, толщиной 15-20 см, стали попадаться обломки толстостенных сосудов-хумов, хумчи, крашеной тонкостенной и расписной посуды, кости домашних мелких животных. Ниже, в юго-восточном углу раскопа, в глубине 30-40 см, от дневной поверхности раскопа, были обнаружены глиняные пряслицы, кости и астрагалы барана (рис. 8, 2; рис. 38, 5-6). В юго западном углу раскопа, в глубине 20-25см. от дневной поверхности вершины холма стали встречаться глиняные блоки и кирпичи (рис. 8,1), здесь же были найдены обломки крашеной керамики и мелкие обломки толстостенных глиняных сосудов.

Слой 2. Длина 5 м., ширина восточной части 11м., оконечности на западе — 3,5м., высота 50см. При расчистке юго-восточного угла, под пряслицами и астрагалами, в глубине 75-80см. от дневной поверхности вершины холма, были обнаружены обломки толстостенной глиняной тарной посуды, некоторые из них имеют орнаменты, оттиснутые веревкой (рис. 33, 5,7), попадались фрагменты крашеной керамики, некоторые из них имели процарапанный орнамент, нанесенный над ангобом. Исключительный интерес вызывают обнаруженные здесь же железные предметы: пряжка овальной формы с язычком, два-три обломка железа с заклепками (?) и другие мелкие кусочки (рис. 9,4 22, 8-12). К западу от них, в глубине 70см. от дневной поверхности, обнаружена половина кувшина, заполненная золой и рядом лежала раздавленная часть этого сосуда с горизонтальной петлевидной ручкой (рис. 9,5; 20). Ниже железных предметов и обломками кувшина с золой, в глубине 80см. от дневной поверхности вершины холма была расчищена верхняя часть стены (?), на южной половине состоящей из пахси, а северная половина - из сырцовых кирпичей неправильной формы. Ширина стены в направлении В-З 2м.

Слой 3. Длина 6,5м., ширина постоянной части 12,5 м. и западной оконечности 5м. высота 50см.

Зачистка слоя позволила обнаружить слон пахси длиной 8м. по направлению Ю.-С. и шириной 3,75м. по направлению В-З, а в северной половине раскопа обнаружена кирпичная стена и пол к югу от этой стены, выложенного из бесформенных кирпичей (рис. 10, 3; 4,1). Пол расположен в глубине 90см. от дневной поверхности вершины холма. Здесь же обнаружены обломки разнообразных глиняных сосудов, астрагалы мелких домашних животных (рис. 38,4, 8-9).

Слой 4. Длина 8м., ширина восточной части 14м., западной оконечности -7,5м. высота 50-75см.

В центре южной части раскопа, в глубине 1,5 м. от дневной поверхности вершины холма был обнаружен круг из камней и овальной формы (рис. 14,2), к северу от каменного круга беспорядочно лежат камни различных величин, среди них представляет интерес срединный обломок толстой зернотерки (рис. 14,3). Зачистка, проведенная в западную сторону, позволила выявить пол, лежащий от каменного круга-выкладки на 20-25см. ниже, и выше пола среди битых кирпичей и земли встречались обломки крашеной и толстостенных глиняных сосудов, кости мелких домашних животных. Расчистка вокруг каменной выкладки показала, что каменный круг расположен на суфе из глины. Зачистка суфы в юго-восточную сторону привела к выявлению прямоугольного золохранилища, вытянутого по направлению Ю-С, длиной 66см., шириной 45см., высотой 21см. и заполненного чистой золой до краев бортиков. Сделано золохранилище из хорошо замешанной лессовой глины (рис. 14,4; рис. 16, I, фото №1). Над золой, на юго-восточном углу золохранилища положен фрагмент, небольшой обломок тарной глиняной посуды наружной стенкой вверх, который имеет орнамент, оттиснутый веревкой (рис. 16, I, 4) в виде линий и одна из них четко видна. При выемке золы в различных местах и глубины золохранилища были

найжены фрагменты тонкостенной крашеной станковой посуды (рис. 16, I, 1-3, 5-6). У южной стены золохранилища обнаружен затвердевший слой золы, шириной 21 см. и высотой 7 см. Зола чистая, в ней полностью отсутствуют древесные угольки, цвет серо-голубоватый.

Зачистка в сторону востока от золохранилища показала, что под пахсовой стеной находятся слои золы, горелой глины до красного цвета. Поэтому пришлось разобрать пахсовую стену. Разобрав эту стену, и под ней, на уровне верхних краев бортиков золохранилища, мы обнаружили слой горелой глины (рис. 15,1), в центре которой располагался слой золы прямоугольной формы и вытянутой также по направлению С-Ю, длиной 90 см. и шириной 40 см. (рис. 15,2). По нашему предположению, это было местом, где горел огонь и судя по характеру золы здесь сжигали какие-то травы или ветки деревьев, в подобие арчи, т.к. здесь совершенно отсутствовали древесные угольки от древесины, вокруг очага (вернее-алтаря-К.М.), на трех сторонах кроме южной, располагались горелые глины, имеющие красный цвет. Южная сторона алтаря окружена тремя плитами глины (рис. 15,3;) (платформы?), а на юго-западе, в углу, обнаружен затвердевший слой золы округлой формы (рис. 15,4). После зачистки слоя золы в центре горелой глины обнаружена прокаленная (горелая) глина красного цвета; для выяснения глубины прокаленной глины вырыли квадратную яму ниже прямоугольной золы и выяснили, что эта площадка состоит из нескольких слоев (6-7) горелой глины и золы. Один из слоев золы (третий) отличается от других тем, что зола здесь очень мягкая, имеет ярко голубоватый цвет. Общая длина всей площадки составляет: длина 3,3 м., ширина 2м. Как и золохранилище, расположенное на юго-западной стороне площадки, она расположена на суфе. Вышеуказанная характеристика этой площадки, а также расположение золохранилища рядом с ней, позволяют нам уверенно предположить о том, что здесь находилась платформа (жертвенник) для сжигания священного огня, где огонь горел продолжительное время, о котором могут засвидетельствовать большая площадь прокаленной глины и слои золы. Платформа кроме наслоенной глины и золы имеет и другую сложную структуру, о которой свидетельствуют указанные глиняные платформы (рис. 15,3) и затвердевший слой золы округлой формы (рис. 15,4), а также золохранилище. Пахсовая стена высотой 70-75 см. перекрывающая платформу и золохранилище сверху, служила забутовкой, и любопытно также то, что именно над этой забутовкой, среди земли и битых кирпичей, глиняных блоков и земли обнаружены астрагалы мелких домашних животных, пряслицы и битая керамика, чуть ниже-железные предметы. Вышеуказанная каменная выкладка-круг из камней (рис. 14,2), золохранилище и платформы располагались ниже пола на 20-25 см.

Раскоп 5. заложен на юго-западном скате холма с целью уточнения стратиграфии второго строительного горизонта, конфигурация раскопа неправильной формы, (северная) часть проходит вдоль южной конечности раскопа 4. Длина северной части по линии В - 3 - 9м., южной части, упирающаяся на пол второго строительного горизонта - 12 м. ширина (высота-7,5 м.) (рис. 12).

После снятия останца высотой 25-30 см., в западной части раскопа выявлены глиняные блоки, а в восточной- бесформенные кирпичи, лежащие панциреобразно. Среди земли и кирпичей, в глубине 20-30 см. найдены обломки крашеной и расписной керамики (рис. 23, 2, 4), многочисленные обломки толстостенной посуды (рис. 32, 33), ручки от них (рис. 31, 1, 2, 3, 5.-6, 30 1-6). При зачистке юго-западного угла раскопа, в глубине 70 см. от дневной поверхности раскопа обнаружен очаг хорошей сохранности (рис. 16, II). Полное отсутствие древесных уголков в золе, черепки, лежащие среди золы, изготовление бортиков из полуобожженной глины до красного цвета, позволяют нам предположить о том, что это сооружение не является бытовым очагом, а имело культовое назначение и является алтарем огня, где, судя по золе, сжигали обрядовый огонь из какой-то травы, или возможно ветки деревьев, в подобие арчи, и как свидетель-

С целью выявления северного конца золохранилища, расположенного над суфой и на полу второго строительного горизонта (выявленного в 1999 году), к юго-востоку от алтаря производили зачистку. В глубине 1,2-1,3 метров от дневной поверхности раскопа, среди земли и глиняных блоков были обнаружены обломки разнообразной керамики, кости домашнего крупнорогатого скота и мелких животных. Ниже, в глубине 1,5 м. от дневной поверхности раскопа, над северо-восточным краем золохранилища обнаружено дно сосуда с частью стенки, изготовленного из черной огнеупорной глины (рис. 34.1) и два фрагмента такого же сосуда (рис. 34. 2-3), но со следами изготовления на гончарном станке. Здесь же обнаружены кости домашнего крупного рогатого и мелких животных, и кости лежали в золе и последняя включала в себя мелкие куски древесных угольков (рис. 12,5).

Была продолжена зачистка жертвенной ямы¹⁷, расположенной на скате юго-западной оконечности холма Ооз-Дебе. При зачистке слоя щебня, южная часть которой упирается к стене из больших кирпичнообразных блоков, были обнаружены сначала кости крупного рогатого скота (рис. 35), а под ними кости барана (рис. 36), положенные на слое золы, включающие в себя древесные угольки. Кости обоих животных положены в целом в анатомическом порядке, но в обоих случаях отсутствует почти половина костей. Среди костей положены обломки разной керамики, в основном стенки хумчи, кухонной посуды. Яма расположена на скате юго-западной оконечности холма и максимальная высота юго-восточной части составляет 5,5 м., юго-восточной - 4,4 м. и ширина по направлению В-З составляет 2,5-метра и С-Ю - 2м. (рис. 13). Необъяснимым пока являются слои щебня в яме, а их три: 1. Тонкий слой щебня 6-7 см. (рис. 13.1) обнаружен в глубине 1,3 метра от дневной поверхности ската и является продолжением слоя щебня, обнаруженного полом помещений второго строительного горизонта, расположенного к востоку от ямы. Ниже этого слоя на глубине 2: 24 м. от вершины ската, под глиной проходит второй слой щебня высотой 16 см. (рис. 13, 2). В 1999 году здесь над этим слоем щебня были обнаружены многие предметы. Ниже этого слоя в 2,93 м. от вершины дневной поверхности ската проходит третий мощный слой щебня. Щебень чистый с высотой 2,32 м. (рис. 13.3).

Как и между первыми и вторыми слоями щебня, между вторым и третьими слоями щебня лежит глина, высота последней - 70 см. В южной половине третьего слоя щебня обнаружены указанные жертвенные кости животных. Характерным для всех слоев щебня является сужение их южной части и приподнятость в эту сторону. Кости животных на третьем слое найдены не на поверхности, а на глубине слоя щебня.

Вышеперечисленные факты указывают на то, что яма играла культовую роль, здесь проводилось жертвоприношение, или, во всяком случае сюда положили жертвенные предметы. Во время раскопки 1999 года над вторым слоем щебня и выше него было обнаружено много разбитой посуды, один из них кувшин с ручкой, разбитым дном лежал вверх, где были положены сушеный кислый сыр-курут в разбитом керамическом бокале и часть зернотерки; разбитый расписной котел, где лежали части костей животных и котел был помещен над зернотеркой и т.д.¹⁸.

В связи с этим, необходимо высказать наше предположение, связанное с остеологическими материалами, обнаруженными на Ооз-Дебе. Кроме жертвенных костей, обнаруженных в жертвенной яме, кости довольно в большом количестве обнаружались во всех раскопах 1999 и 2000г. Они принадлежат, в основном, двум видам домашних животных: крупному рогатому и мелким животным (овцы и козы). Обнаружено значительное количество астрагалов - томпой крупного рогатого скота, их всего - 7, мелкого домашнего животного — около 15, два из них имеют отверстия.

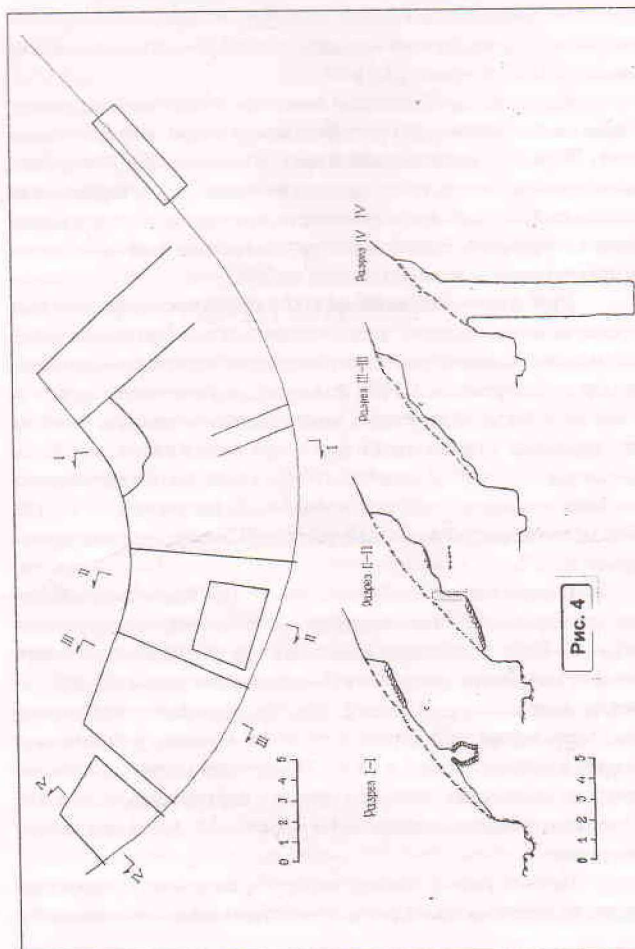
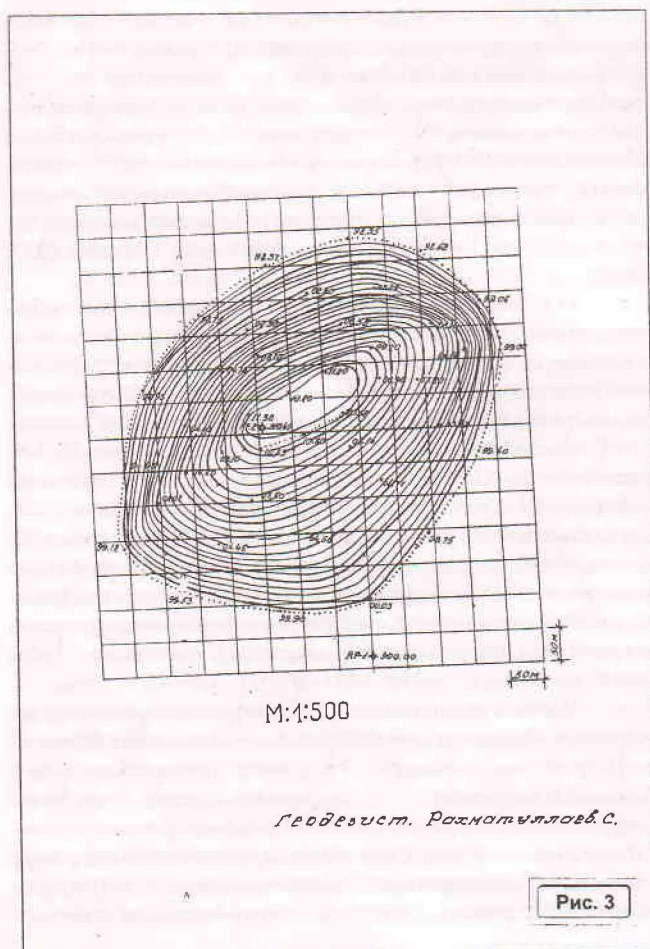
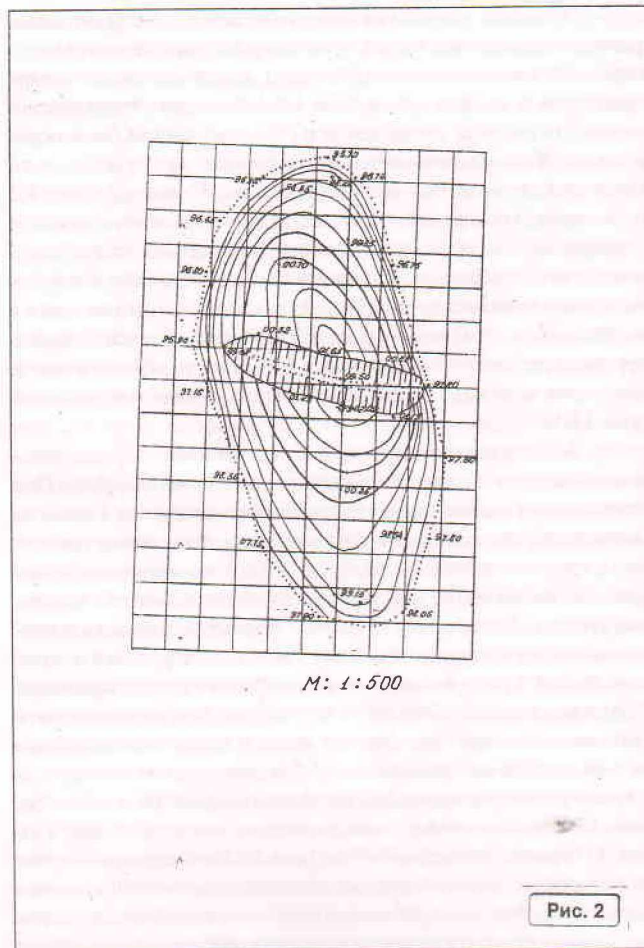
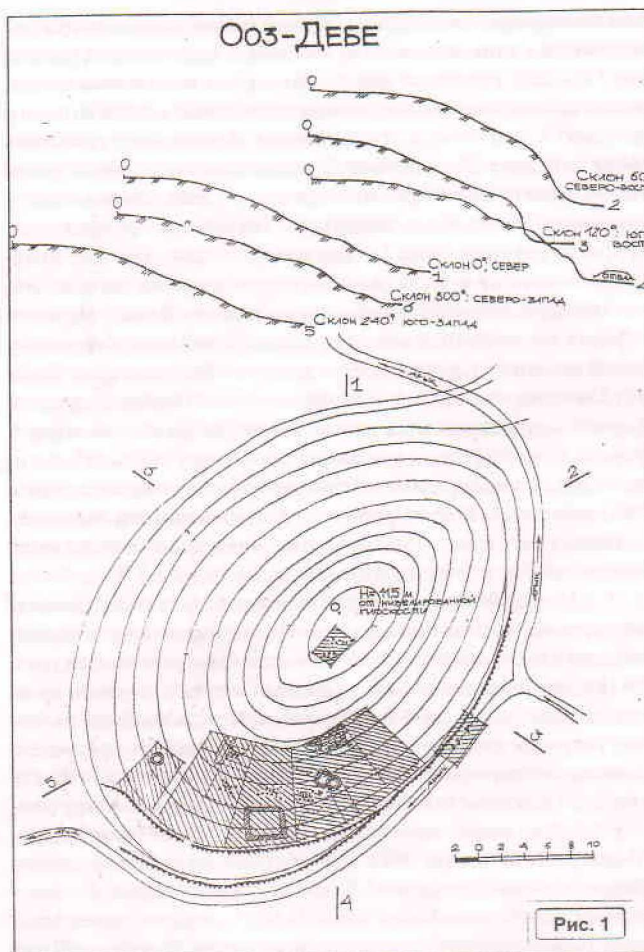
Прежде всего, обилие костей животных указывает на высокую роль скотоводства в хозяйстве населения в шороба-

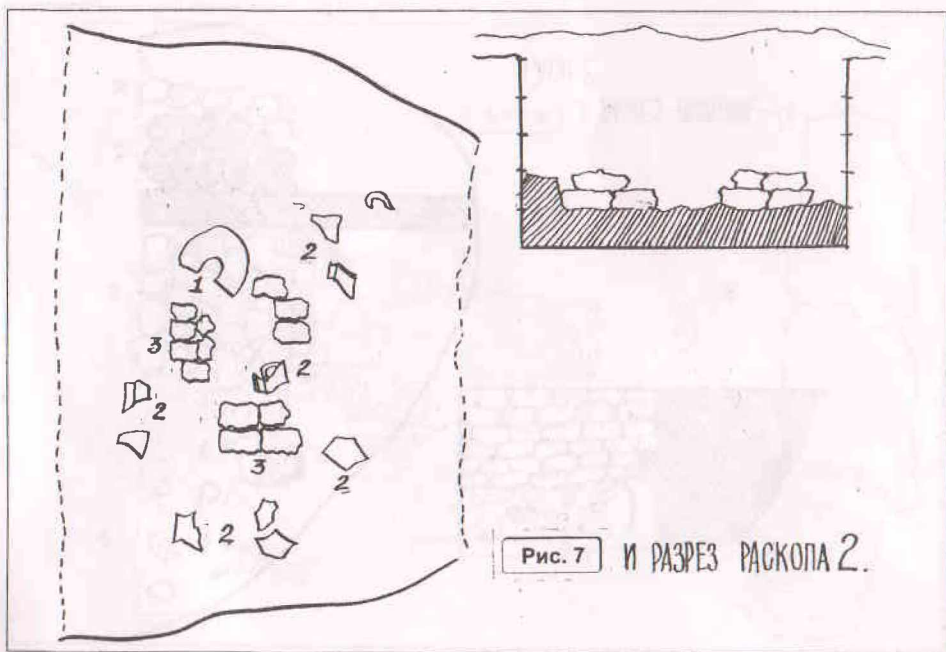
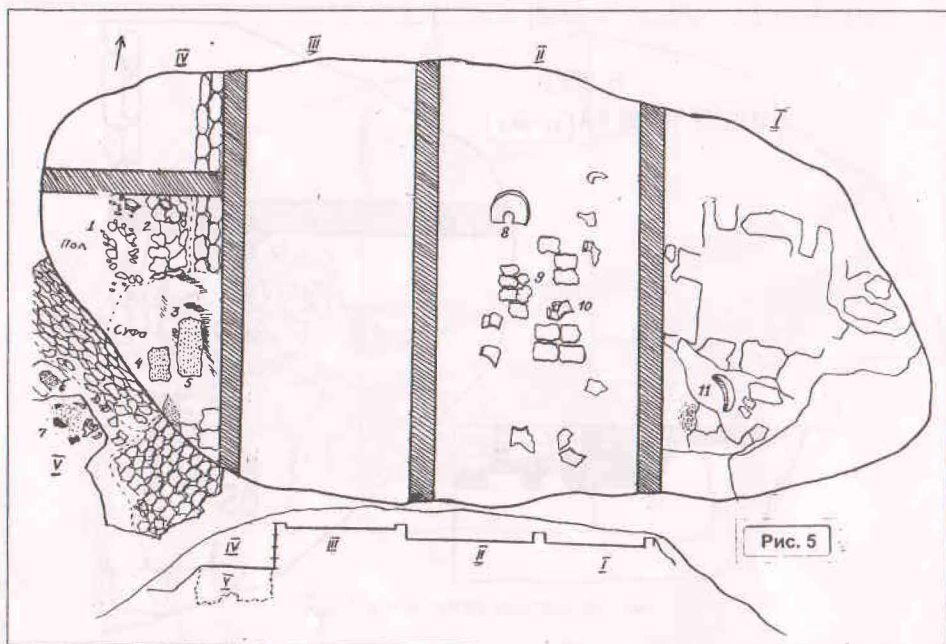
шатско-мархаматское время и в раннем средневековье, судя по материалам, куда относится и Ооз-Дебе. Следовательно, население Ооз-Дебе указанных времен занималось комплексным оседлоземледельческо-скотоводческим хозяйством, истоки которого восходят к чувстскому, в последующем эйлатанскому временам. Возможно, как население Ооз-Дебе, так и всего шоробашатского периода восточной Ферганы, подобно чувстам, занималось отгонным - яйлажным скотоводством. О большой роли продуктов крупного рогатого скота свидетельствуют кроме костных материалов и остатки сушеного сыра - курута и донная часть цедилки, обнаруженная в 1999г. именно в жертвенной яме¹⁹. Цедилки в форме круглодонной миски и кувшинов найдены в средневековом городище Карабулак юго - западной Ферганы, (рис. 24, 2-4²⁰) По этому поводу Г.А. Брыкина пишет: "Наиболее древней формой цедилки является плоскодонный сосуд корчаговидной формы, тулово которых сплошь пронизано круглыми отверстиями. Они использовались кочевыми народами, занимавшимися скотоводством". В этнографической современности бытовали цедилки в виде кувшинов с ручками..., где в таких сосудах отцеживали кислое молоко при изготовлении творога." ²¹

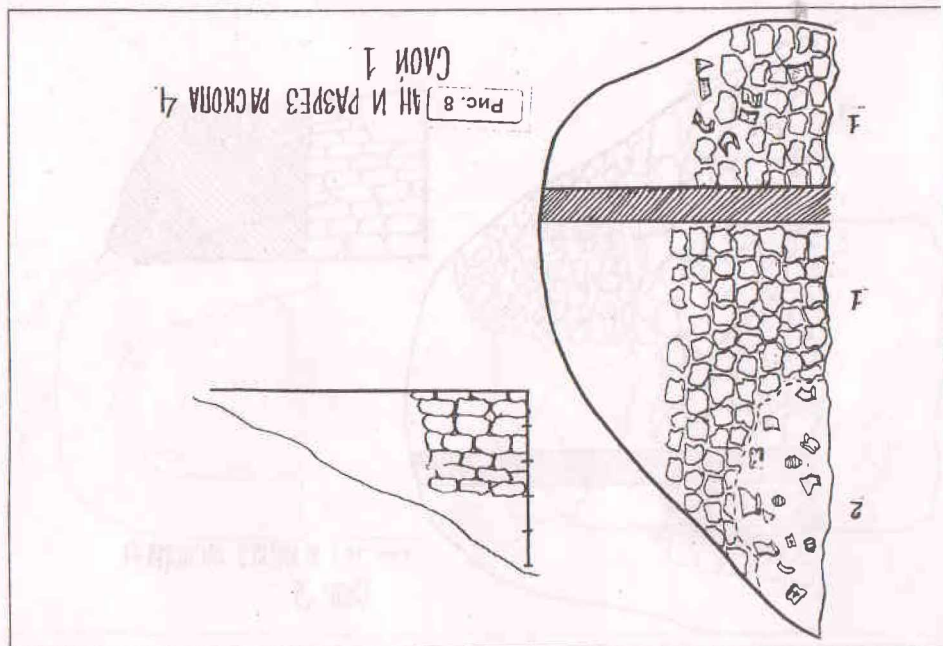
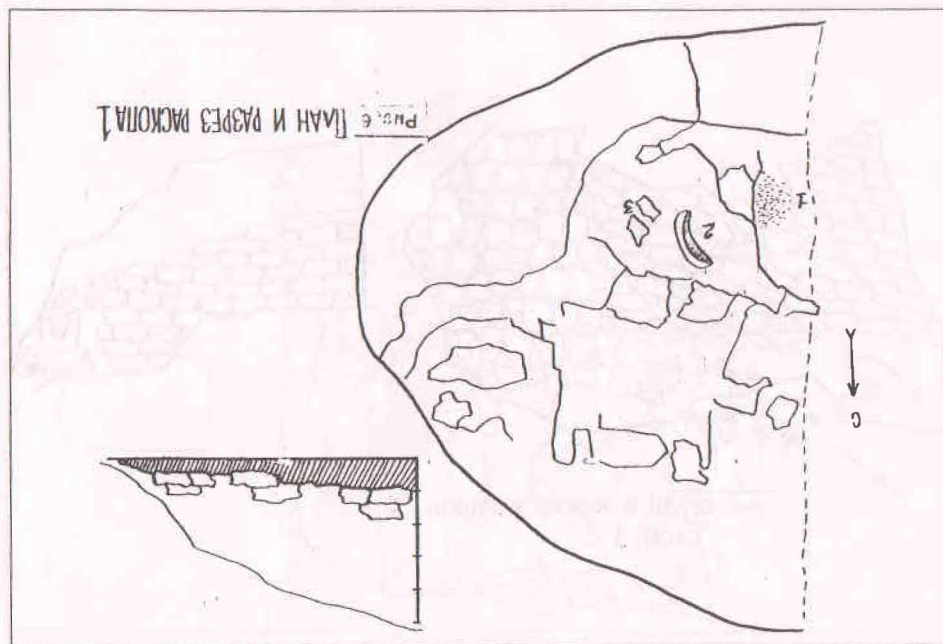
С другой стороны, жертвенное положение костей домашнего крупного скота и мелких животных в жертвенной яме, специально над золой (рис. 35-36) и на алтарях-жертвенниках (рис. 17-18) Ооз-Дебе прямо свидетельствует о существовании культа этих животных и связанного с ним, а также, возможно, с культом умерших предков жертвоприношение животных у земледельцев - скотоводов восточной Ферганы в I тысячелетии до н.э. - начале I тысячелетия н.э. Об этом дополнительно может подтвердить выявление захоронения черепа коня на Тотон - Дебе. "В северном конце траншеи на глубине 50 см, ниже основания оборонительной стены и в 1,5 м от нее найден череп лошади и обломки костей конечности. (фото 2). Череп лежал на правой стороне. По всей вероятности, эти остатки жертвоприношений при начале строительства крепостных укреплений"²². Как известно, культ коня в Средней Азии, особенно в восточной Фергане, издревле связан с культами солнца, огня и неба. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения знаменитых даваньских коней в ошском оазисе. Примечательно еще то, что изображения даваньских коней обнаружены на горе Сулайман-Тоо г.Ош, надежно свидетельствуя о существовании здесь комплекса храмов огня и солнца.²³ О прямой связи культа коня с культом солнца в восточной Фергане в шоробашатско-мархаматское время (IV-I в.в. до н.э. — I-IV в.в. до н.э.) надежно свидетельствует пропавшее изображение коня и солярных знаков на черепке керамики из Мунчак тепе у Мархамата (Таблица CLII, 12).²⁴

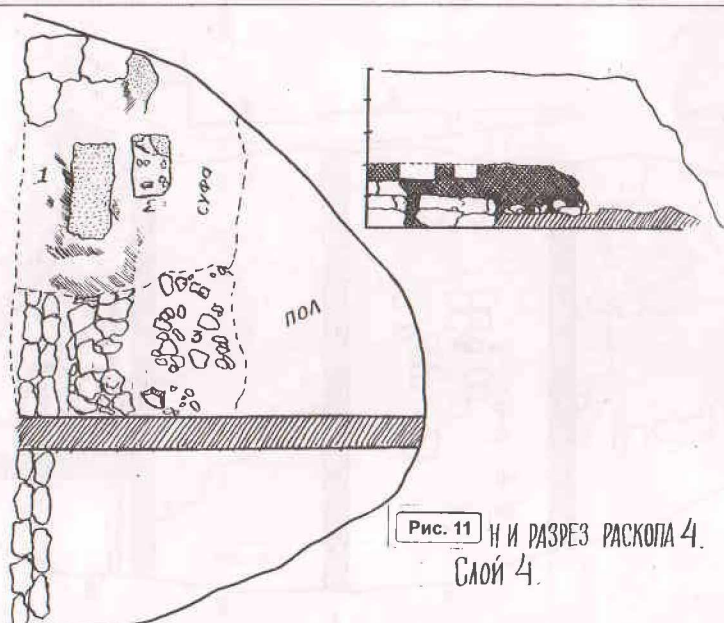
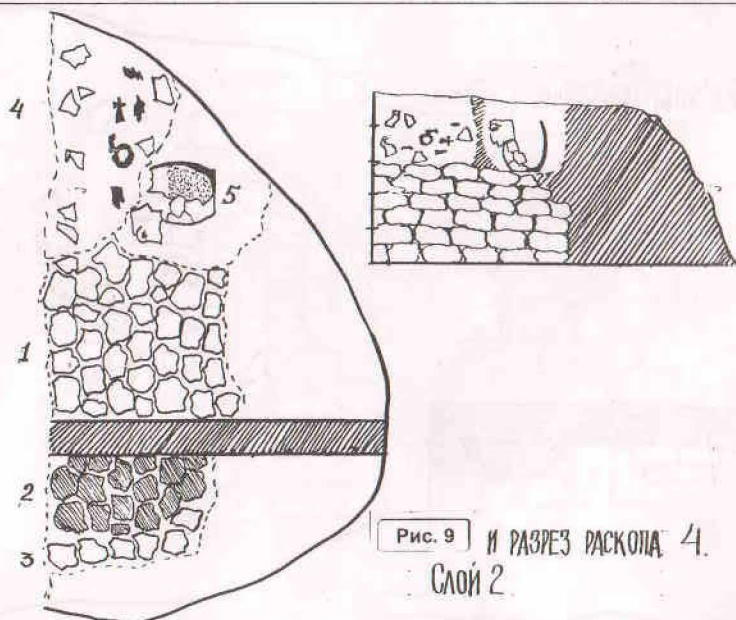
О культе домашних животных и связанной с ним сакрализации отдельных их костей, прежде всего астрагалов древним населением Ооз-Дебе свидетельствуют находки астрагалов крупного рогатого скота-томпой (4 экземпляра, три - найдены в жертвенной яме) и мелкого домашнего скота (4 бараньих, 3 козлиных), два из которых имеют характерные отверстия (рис. 38, 1-9, рис. 39 9-10). "На территории Средней Азии археологически зафиксировано использование бараньих астрагалов в качестве игральные кости уже со второй половины II тыс. до н.э."²⁵. Отдельные астрагалы, найденные в древности в средневековье имеют зашлифованные поверхности.²⁶ Находки бараньих астрагалов в поселениях восточной Ферганы известны с чувского времени, они найдены и в шоробашатских памятниках (Табл. XXIII, 15-18; LXV, 20-21; LXVII, 2)²⁷.

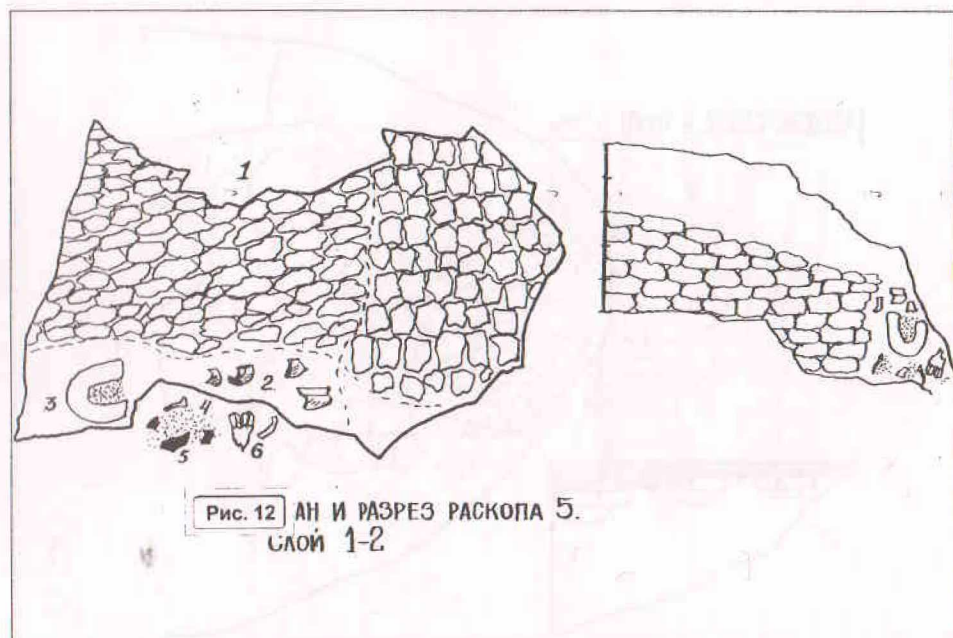
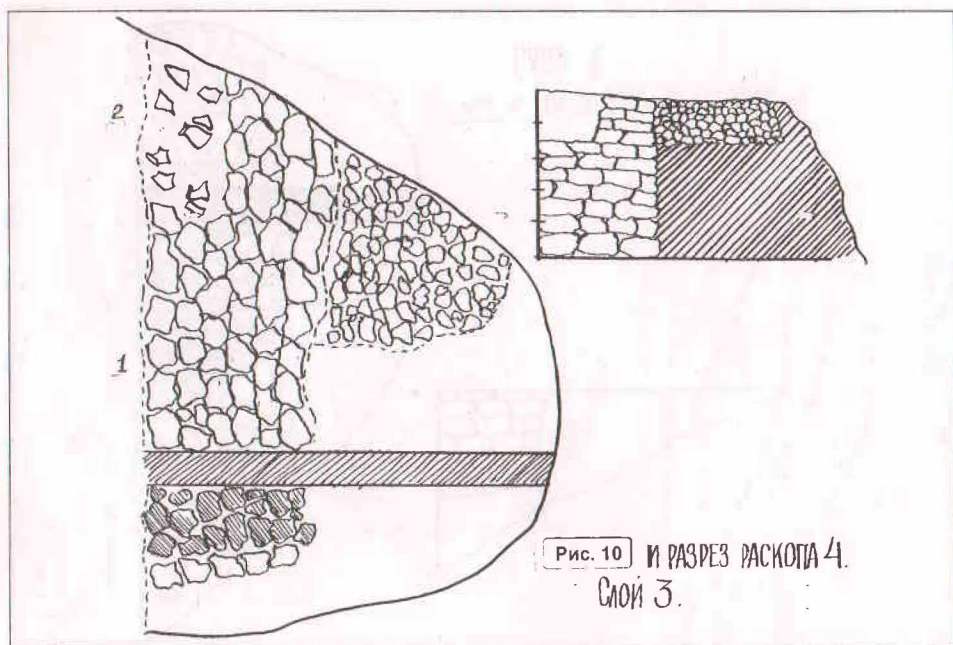
Исследователи считают, что древние и современные верования и обряды народов Средней Азии, связанные с бараньими астрагалами, являются, скорее всего, отражениями культа барана.²⁸ В верованиях и обрядах народов Средней Азии, баран (овца) является оберегом, в этом его основная функция в качестве объекта почитания. Связь культа барана с иранским фарном - эквивалентом тюркского кута хорошо прослежена Б. А. Литвинским, который считает, что представление о баране как ипостасе,

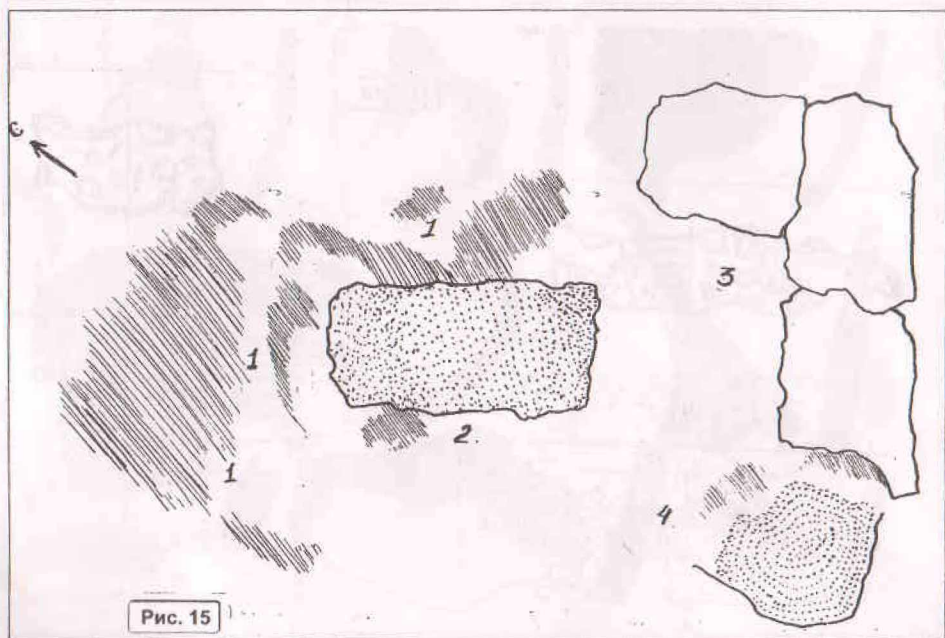
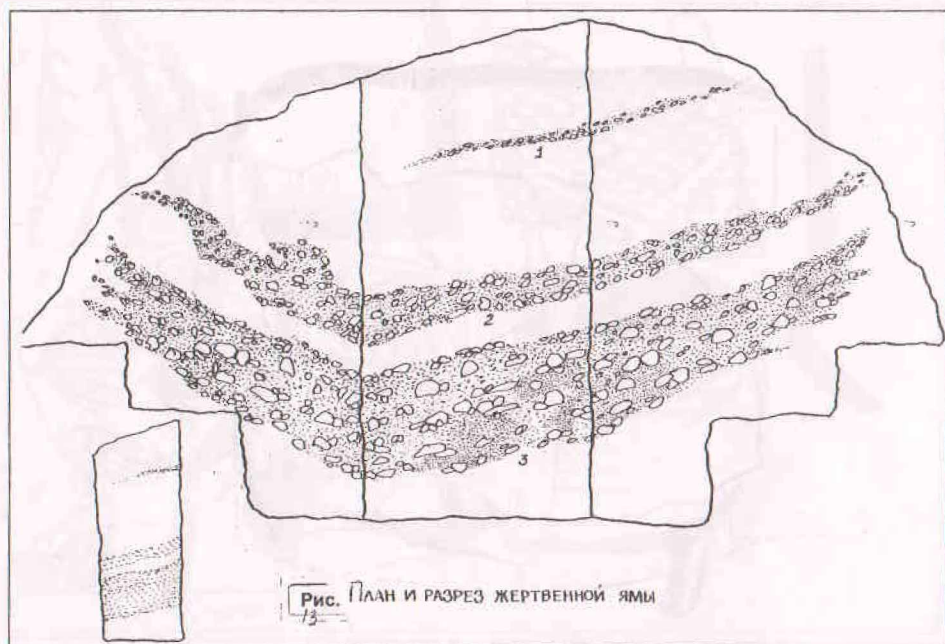

Рис. 14

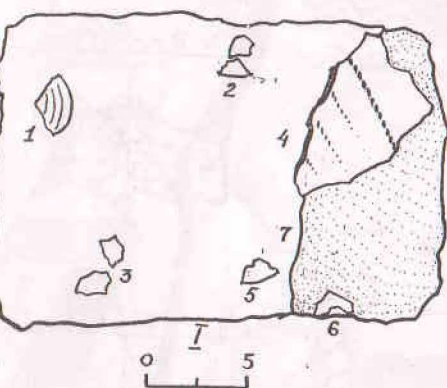
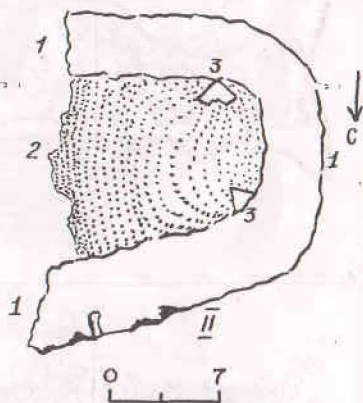
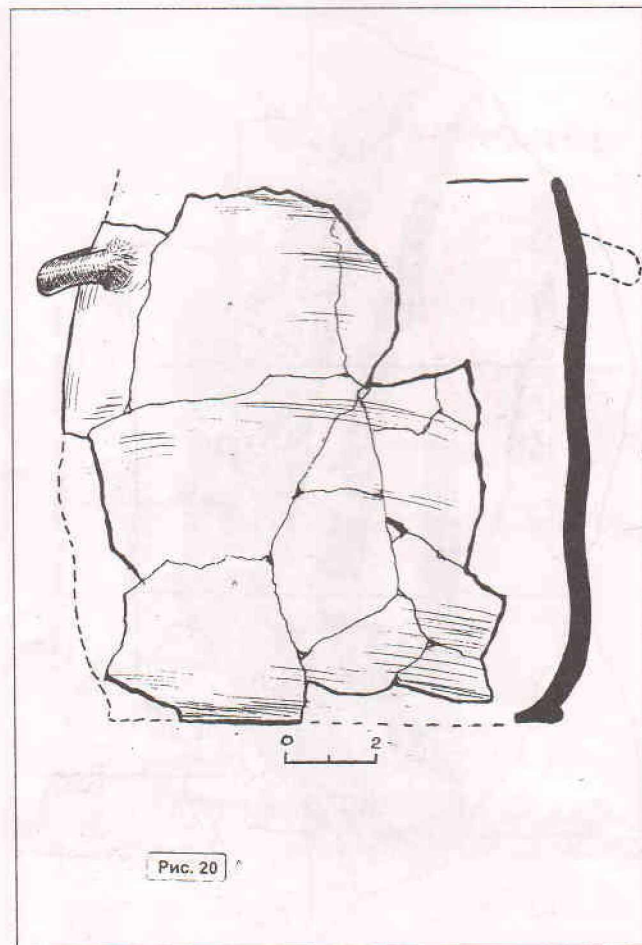
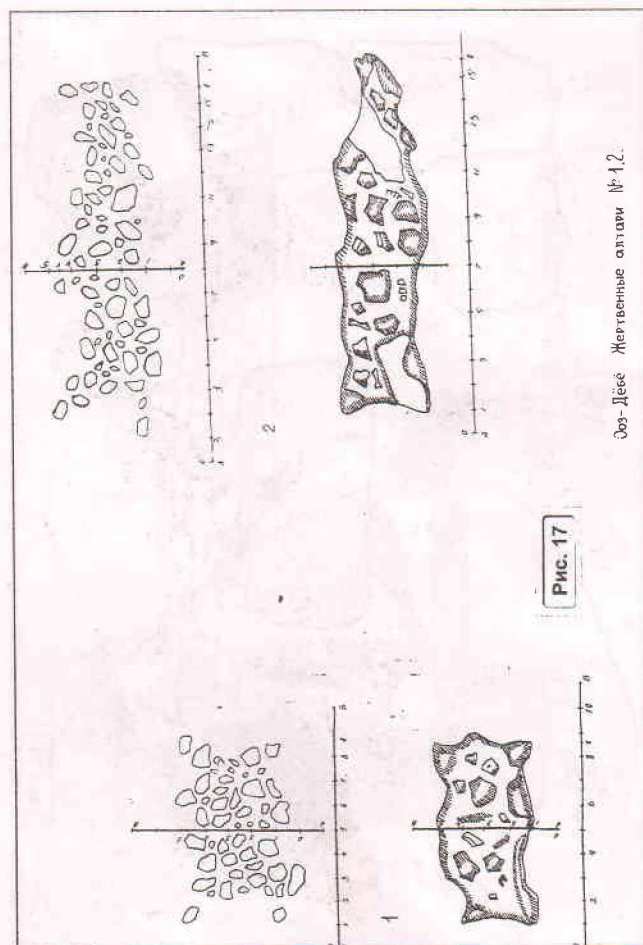
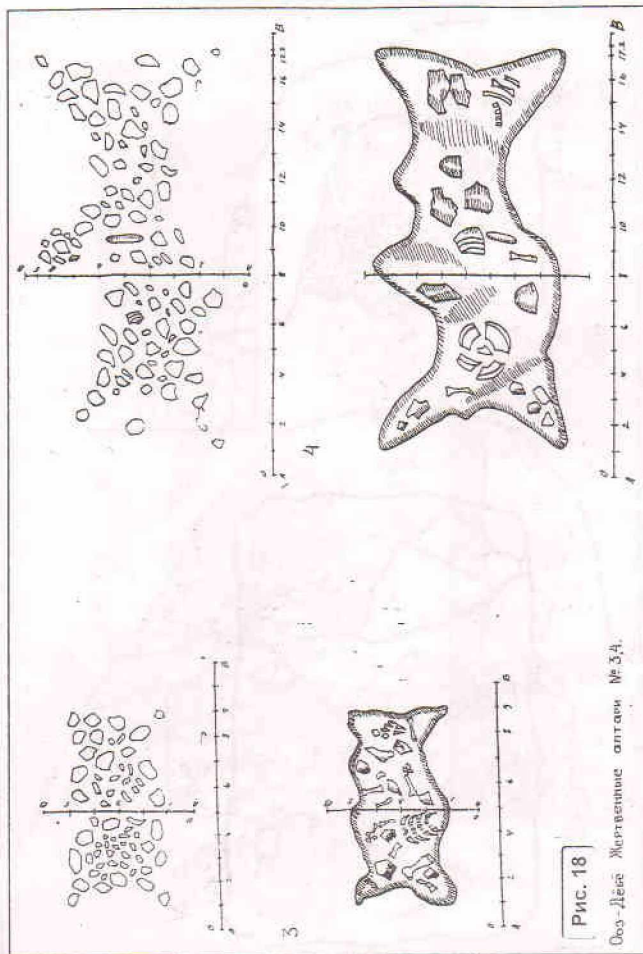

Рис. 16

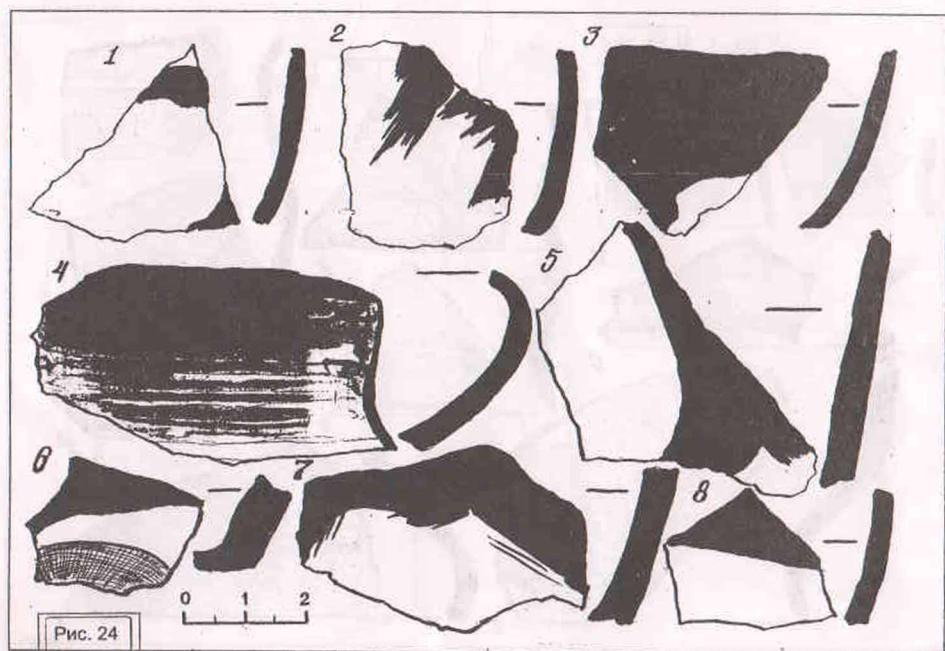
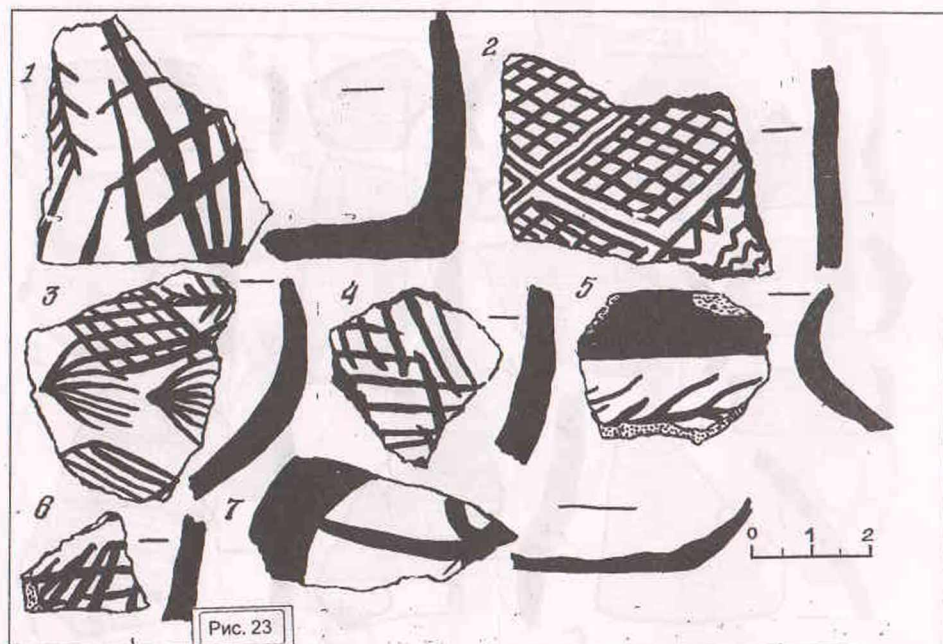

Рис. 21

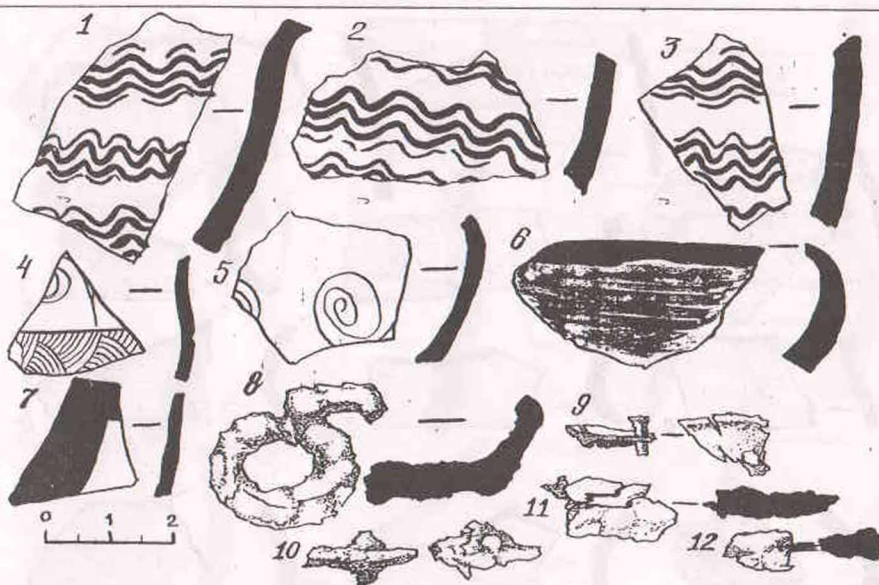
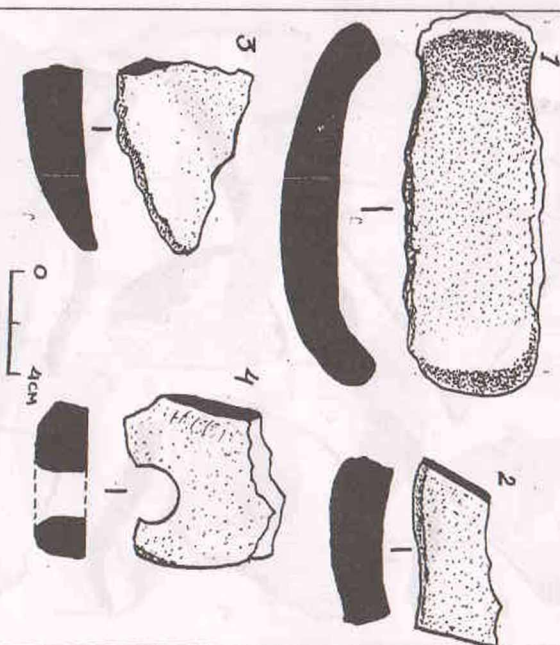
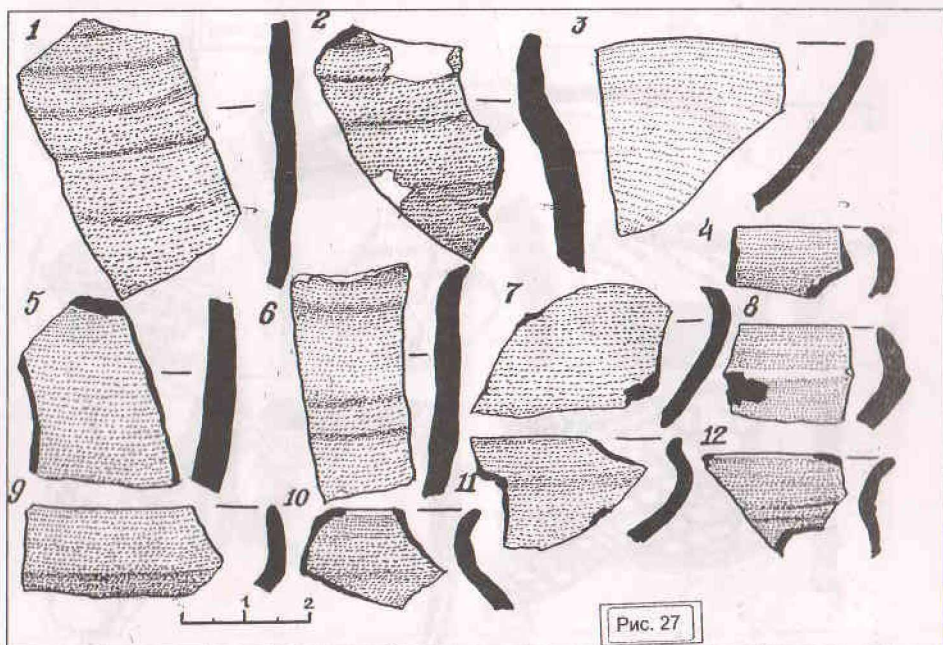
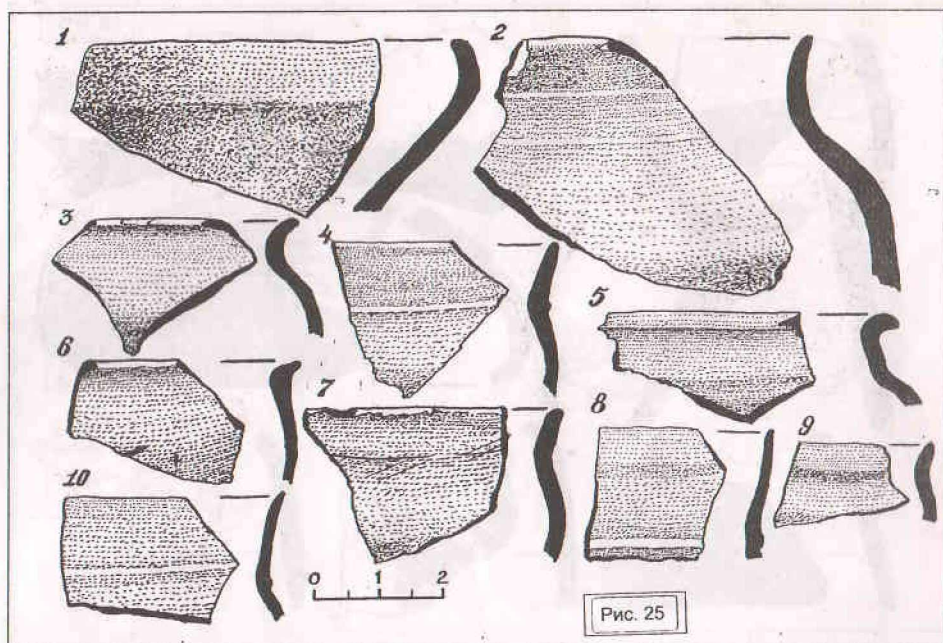
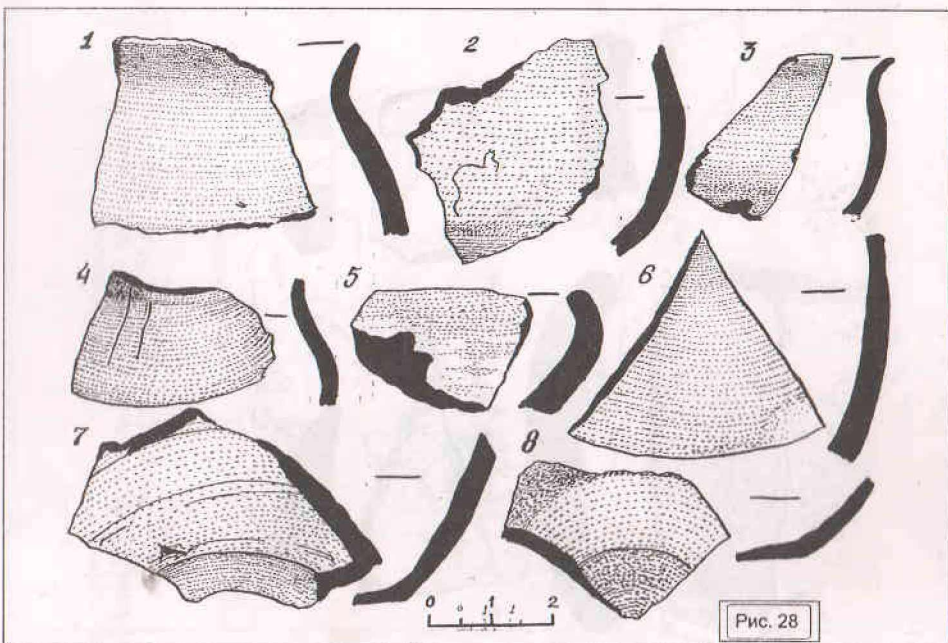
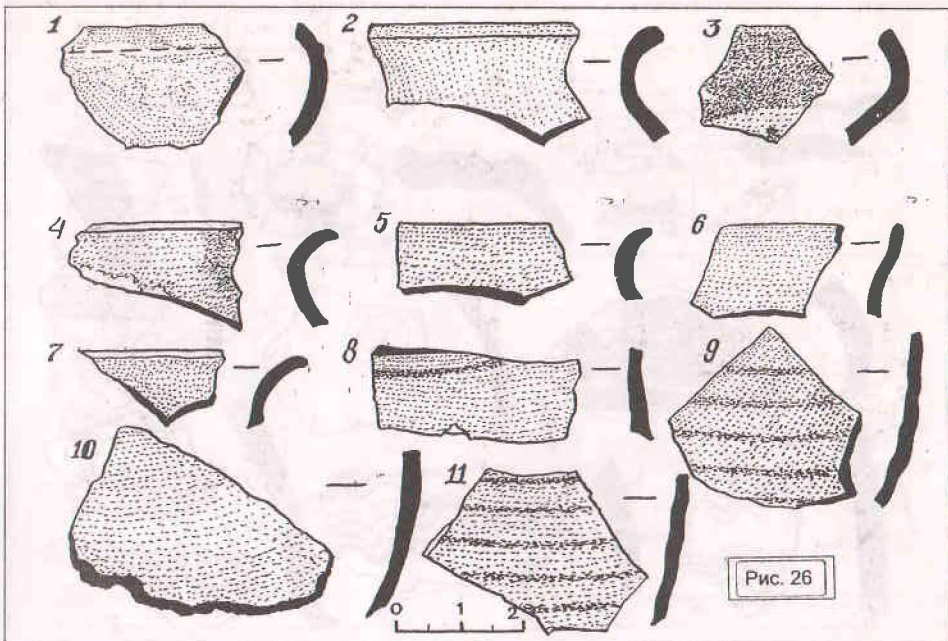
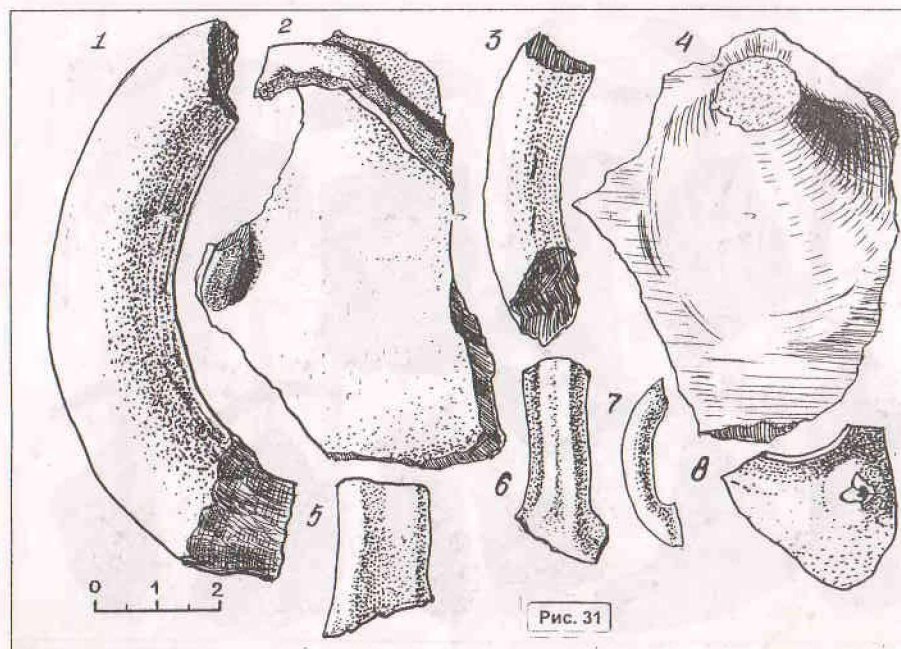
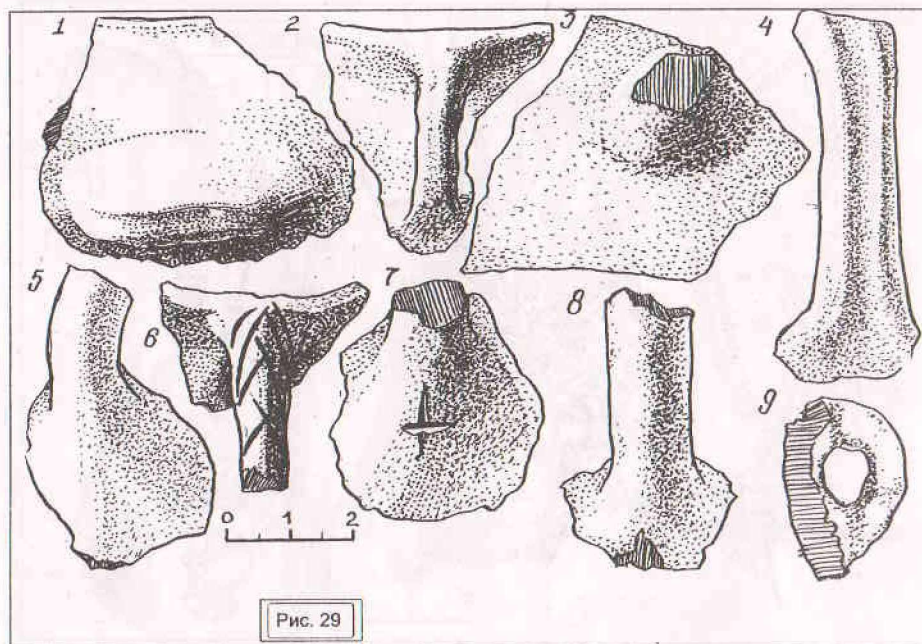
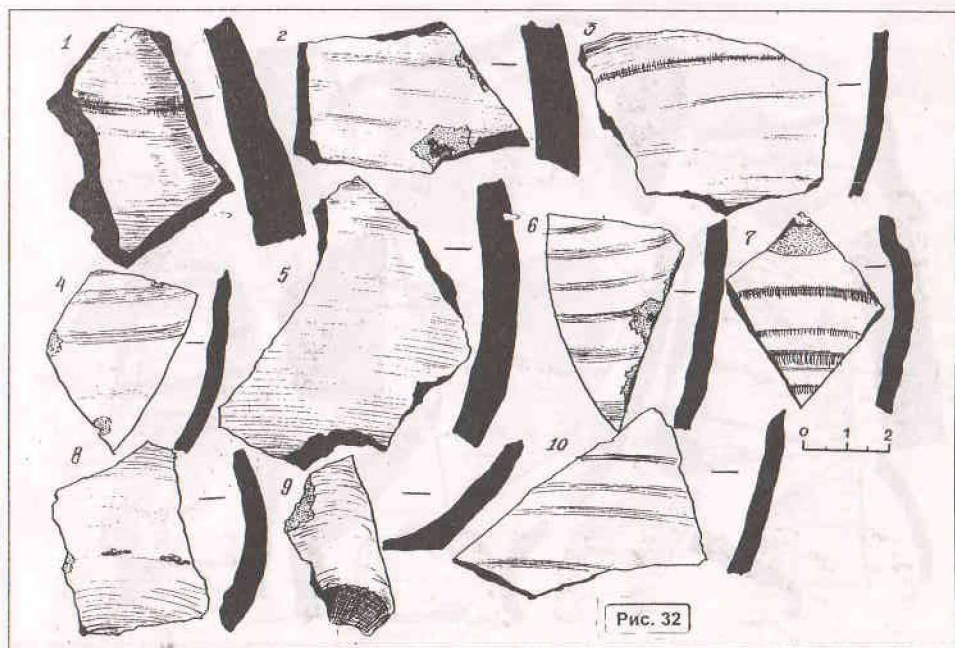
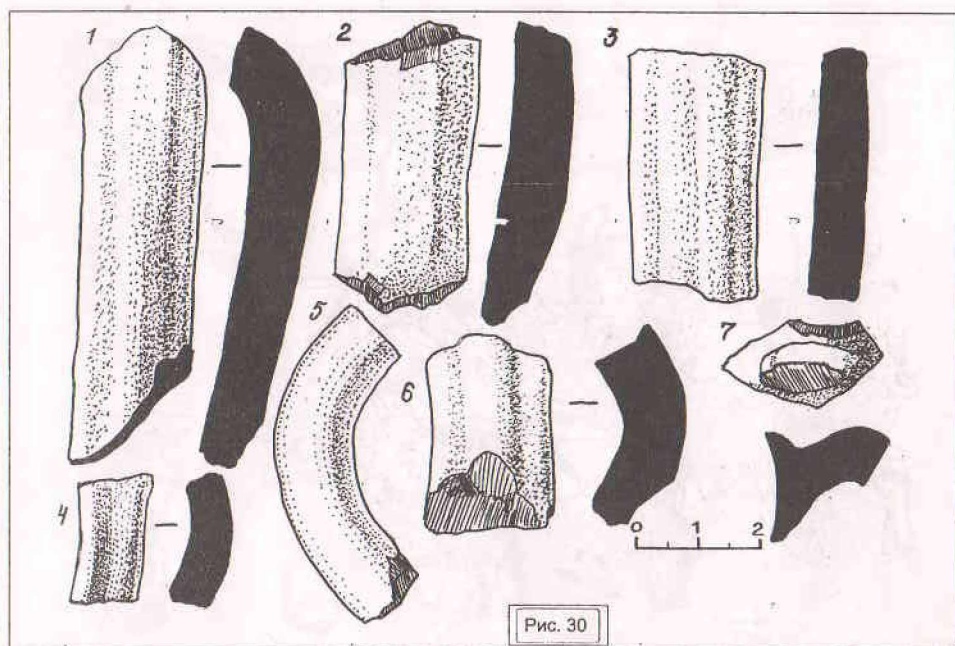

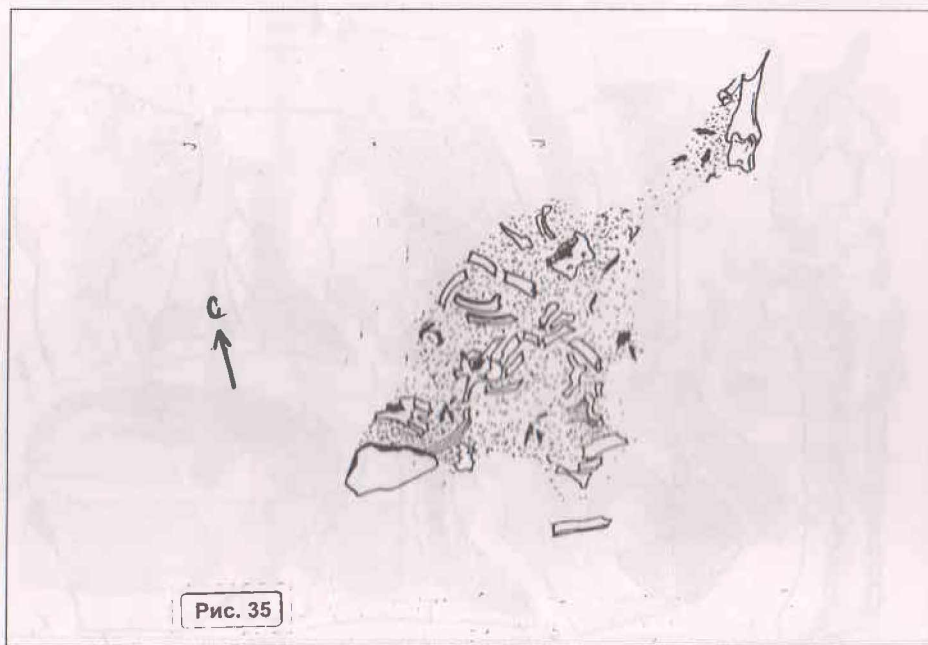
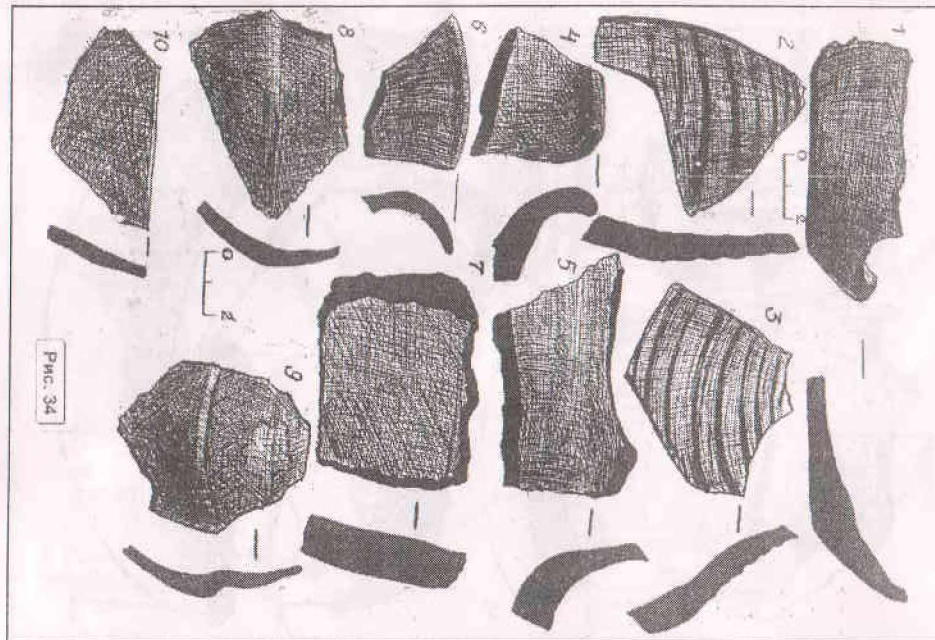
Рис. 22

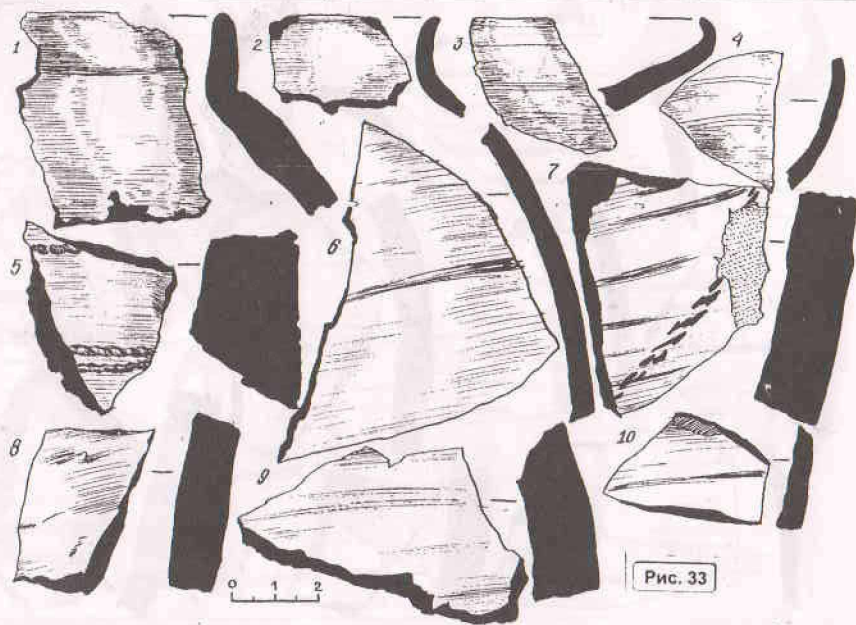

Рис. 33

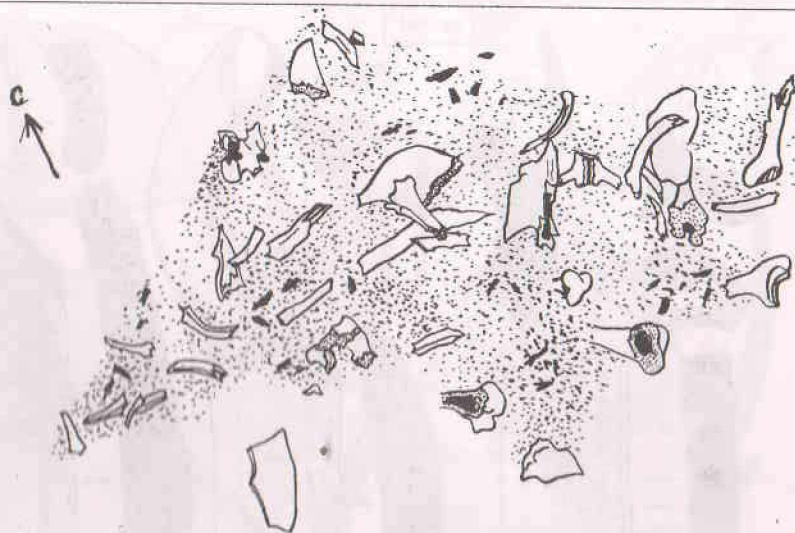
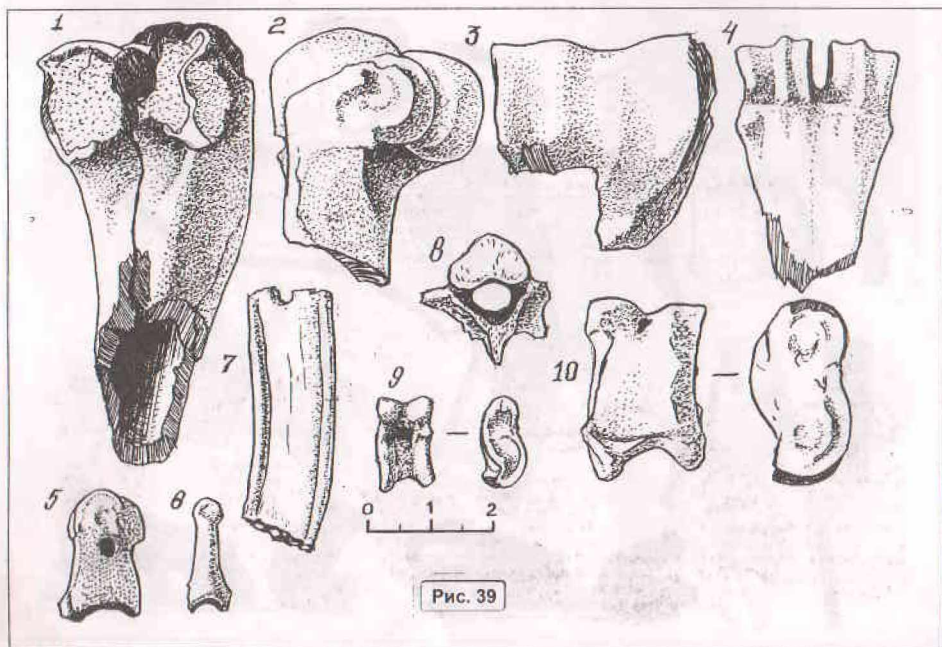
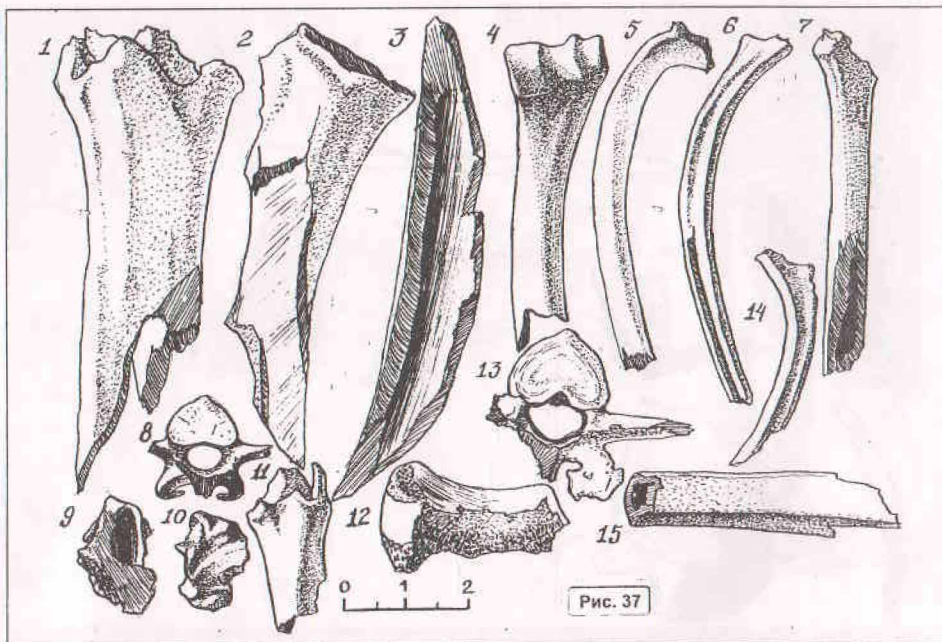

Рис. 36

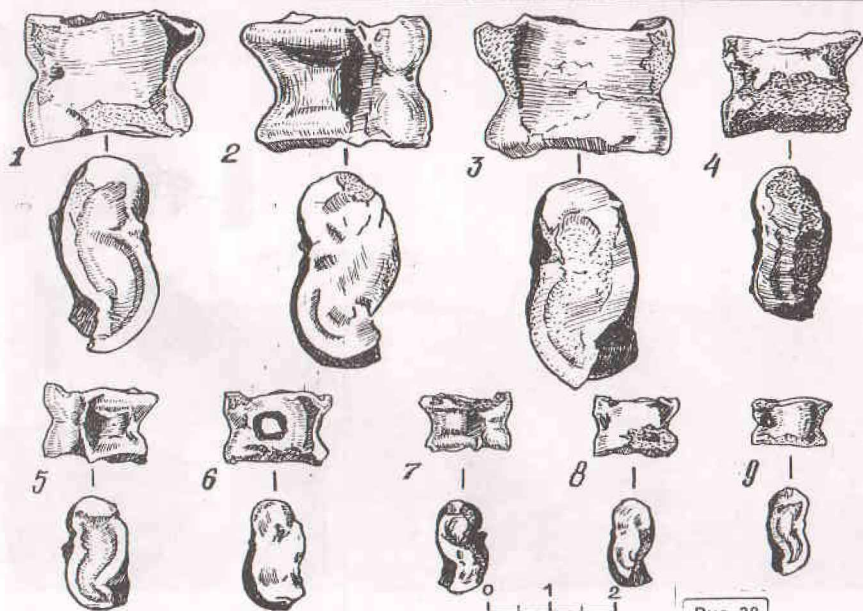

Рис. 38

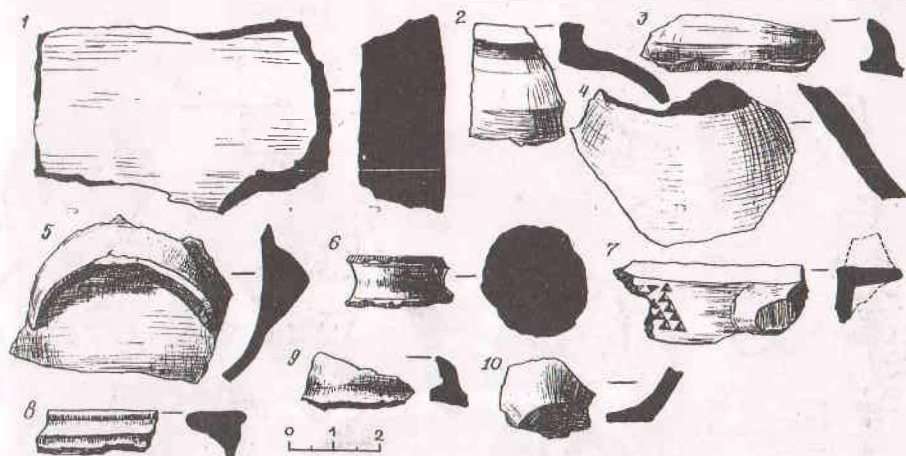
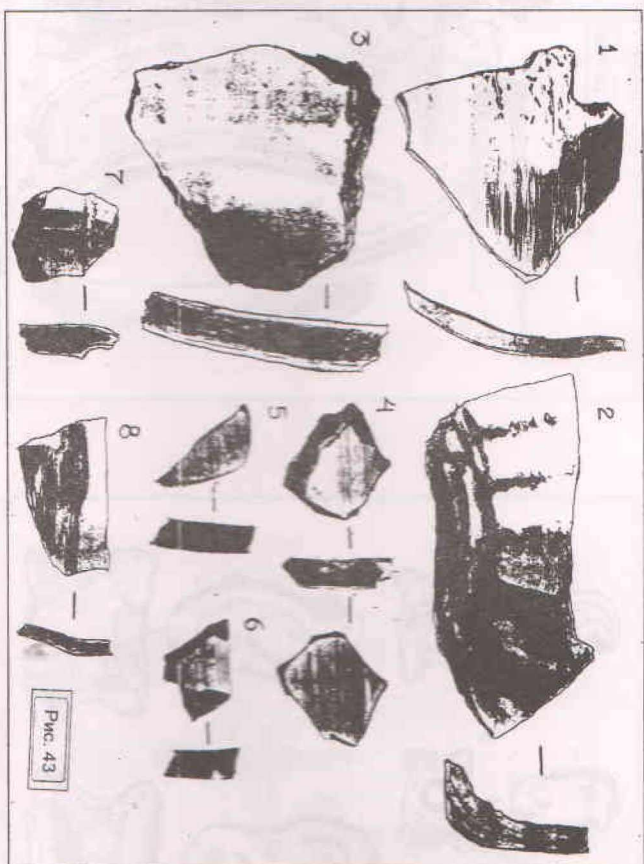
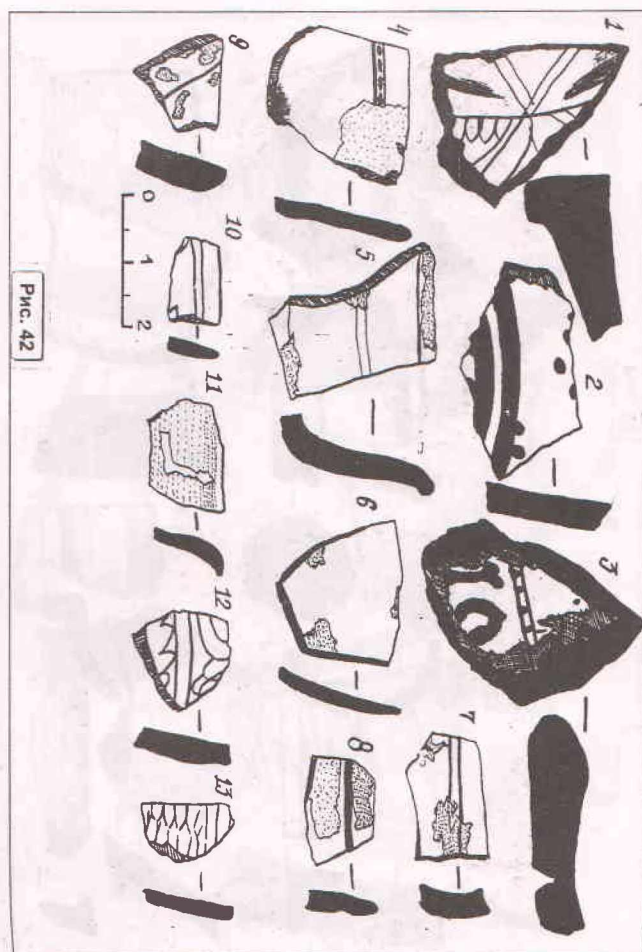
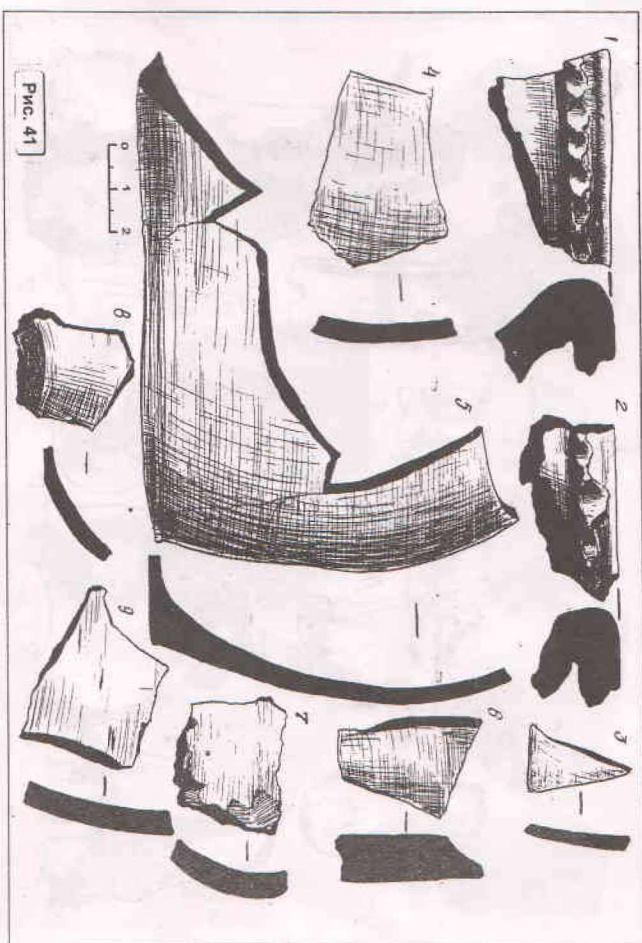

Рис. 40

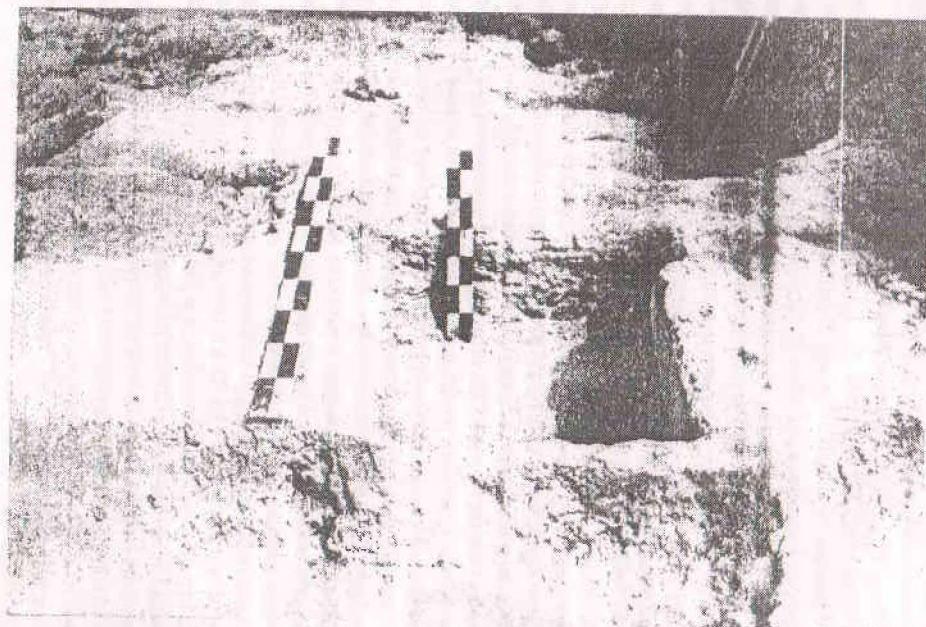
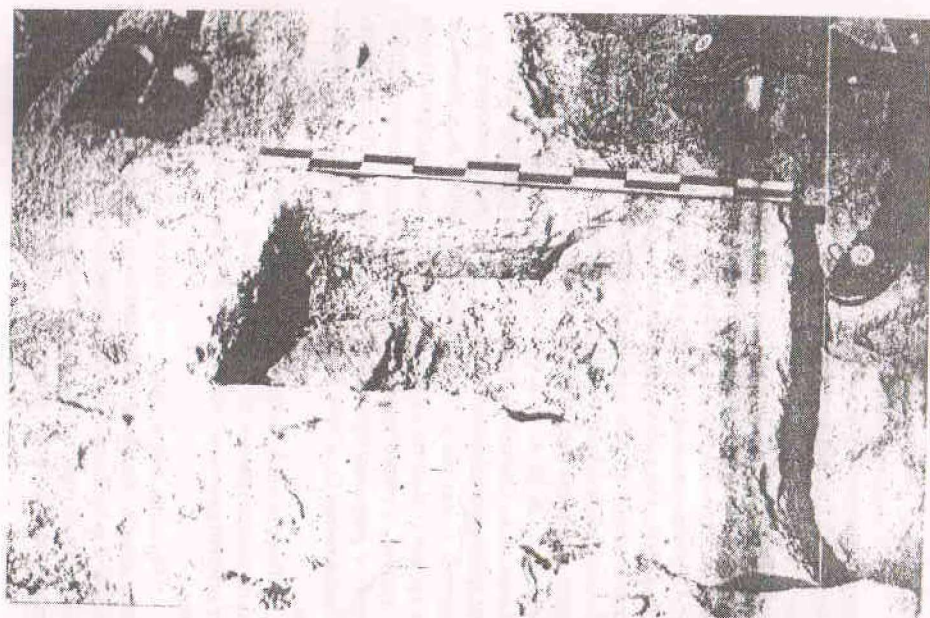

Фото 1.

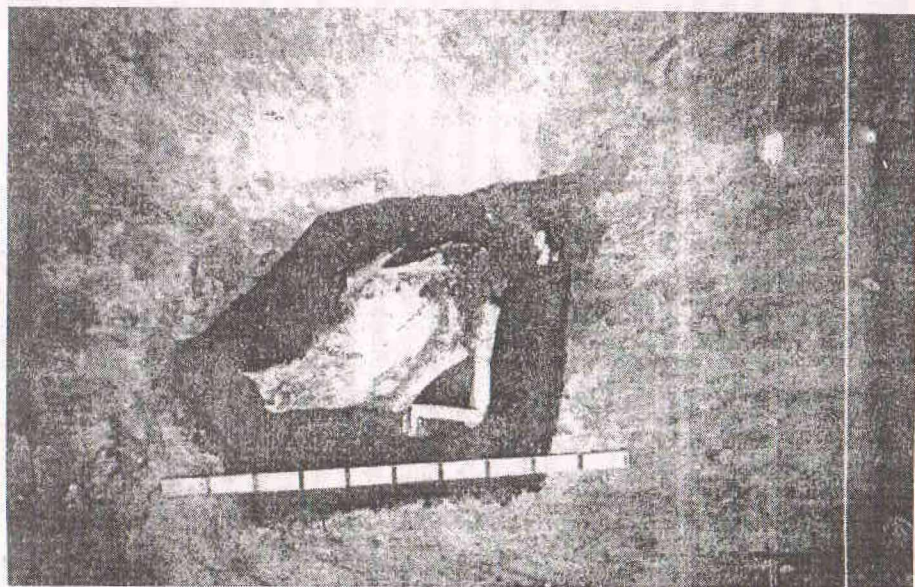
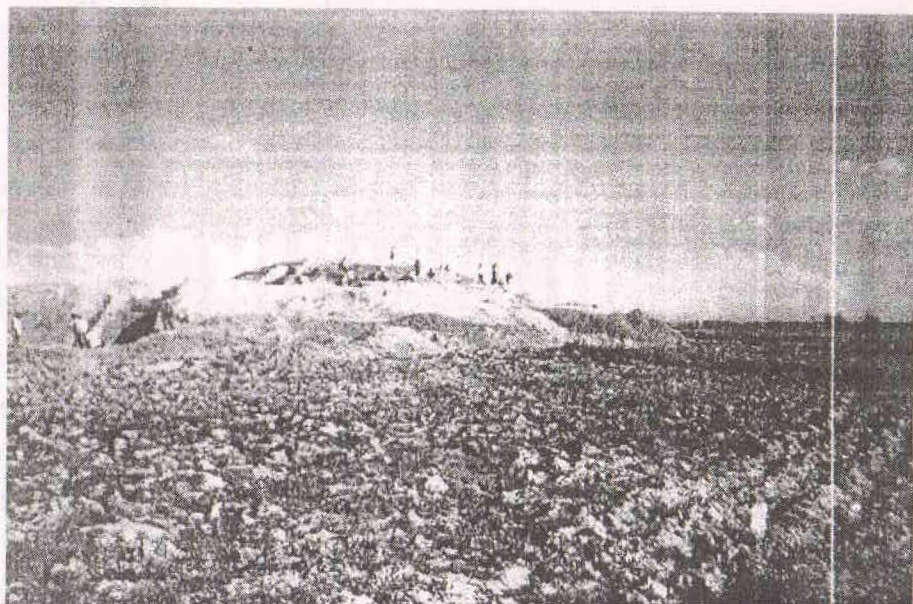

Фото 2.

ким, который считает, что представление о баране как ипостасе, существовало уже в эпоху сложения "Авесты".²⁹

Как показывают наши наблюдения, в религиозно-культурных обрядах кыргызов астрагалы барана играют роль оберега-амулета. У кыргызов существует обычай подвешивания астрагалов - альчинок, или чюке барана на детскую люльку. Чюке, или альчик, служили для детской игры и эти игры имели множество видов: "кыйыр", "олду" и др. И в настоящее время среди кыргызов популярным видом игры является "ордо", которая отражена в кыргызском фольклоре, особенно в эпосе "Манас". В отличие от других игр в альчики, в "ордо" применяется в качестве биты томпой - астрагал домашнего крупного скота. В игре в ордо томпой и альчики должны быть хорошо очищены, без отсеченных и отломленных частей.³⁰ Как уже выше было упомянуто, древние игральные альчики тоже были такими.

Следует особо отметить, что на Ооз-Дебе, в жертвенной яме, среди костей крупного рогатого скота, и в 1999 г. на алтаре №1, где найден отпечаток печати с изображением петуха (рис. 19.) были найдены кости птиц. В Коштепинском могильнике Ферганы найден горшок, на котором изображены три пары фазанов.³¹ Изображение фазана, петуха и павлина у земледельческих народов связано с культом огня и солнца.³² Петух в "Авесте" — ближайший помощник доброго божества Сраоши³³, защищающего людей от козней демонов, создан для борьбы с демонами и колдунами.³⁴

В ходе раскопки в 2000г. на Ооз-Дебе найдено большое количество керамики. Ассортимент керамики разнообразен: раздавленный кувшин с горизонтальной ручкой (рис. 20), фрагменты котла с ушком (рис. 29.1), дно бокалов, венчики разных сосудов. По внешнему оформлению выделяются: расписная посуда, орнаментированные геометрическими фигурами краской - ромбики, заполненные сеткой (рис. 23, 5, 6) или просто сетки (рис. 23, 1, 4, 6,), а также с рисунками веток деревьев и растений (рис. 23, 1, 3, 5). Иногда роспись нанесена на разных частях сосуда в виде жирных полос (рис. 23, 6, 7; рис. 24, 1, 8). Также обнаружены фрагменты расписной посуды с процарапанным орнаментом над краской (рис. 22 4, 5) и процарапанным орнаментом над светлосерым фоном (рис. 22, 1-3).

Обнаружено также большое количество фрагментов крашеной посуды (рис. 27, 1-12; рис. 26, 1-11; рис. 25, 1-9). Цвета краски в основном красный и черный. В различных раскопках, в основном среди останков найдены мелкие и средние обломки тарной толстостенной посуды, кувшинов, хумов и хумчи, толщина их варьирует от 1,5 до 5-6 см (рис. 33, 1, 5, 7-9; рис. 1-2, 5). Некоторые из них имеют орнаменты в виде отпечатка веревки (рис. 32, 5, 10).

Обнаружено значительное количество ручек кувшинов (рис. 29, 2, 5-9), толстые ручки от тарной посуды - хумчи (рис. 29, 9; рис. 30 1, 3, 5, 6) и других глиняных сосудов (рис. 1-6).

В керамических изделиях Ооз-Дебе наблюдается своеобразие. Среди них имеются обломки посуды, изготовленных из cementoобразного вещества (асбест?), облицованные с двух сторон глиной и некоторые из них изготовлены на гончарном круге. Есть фрагменты кухонных посуды, сделанные с большой примесью песка (рис. 34, 8-10). Особый интерес представляют обломки посуды (рис. 34, 3-7), один из них представлен дном и нижними стенками (рис. 34.1) и обнаруженный в северо-западном золохранилище второго строительного горизонта, который изготовлен из черной массы, похожей на материал, из которого изготовлены средневековые особо прочные посуды - сфероконусы. Обломки таких посуды в 1999 г. были найдены в слоях второго строительного горизонта (рис. 43 1-2), а в этом году в слоях второго, третьего строительного горизонтов, и в раскопе 1, на вершине холма, вещи из которых показывают раннесредневековый их облик. Следовательно, уверенно можно допустить, что традиция изготовления изделий из огнеупорной глины, из которой в средневековье изготавливались сфероконусы, началась еще в шоробашатское время. Для выяснения стратиграфии всего городища

Ооз-Дебе мы собирали подъемный материал на винограднике, тутовом саду, разбитые на месте городища Ооз-Дебе после nivelировки. Был собран керамический материал, представляющий большой диапазон времени существования городища от шоробашатского времени (рис. 40, 5; 10), и раннего средневековья (рис. 40, 6-7, 10; рис. 41, 49), до саманидского (рис. 41, 1-2) и караханидского времени, представленный обломками поливной глазурованной керамики (рис. 42, 1-13).

Материалы, добытые 1999-2000 г. на Ооз-Дебе свидетельствуют об особом положении холма Ооз-Дебе в жизни городища Ооз-Дебе. Выявление многочисленных (4) алтарей-жертвенников и золохранилища на суфе второго строительного горизонта, комнаты-святостища с платформой для сжигания священного огня с золохранилищем, жертвенной ямы с многочисленными жертвенными предметами, прежде всего, с жертвенными костями животных позволяют уверенно говорить о том, что эта часть городища была храмовой частью городища в шоробашатско-мархаматское время (IV-I в.в до н.э. - I-IV в.в. н.э.). Забуртовка платформы огня на третьем строительном горизонте позволяет высказать мнение о том, что храмовая часть городища прекратила свое существование к концу мархаматского времени. Но эта часть городища использовалась в качестве жертвенного места и в раннем средневековье, т.к. именно над забуртовкой были обнаружены жертвенные предметы: астрагалы, пряслицы, битая крашенная и толстостенная тарная посуда, кости животных, а также железные предметы.

Судя по алтарям-жертвенникам, платформе и золохранилищу и алтарю, найденным в 2000 г. у жертвенной ямы, и по костям животных найденным в ней, в религиозно-культурных верованиях древнего и раннесредневекового населения Ооз-Дебе главную роль играл культ огня, связанный с ним и культом предков — жертвоприношение животных. Эта часть городища, вероятно, служила святилищем, храмом огня. Культ огня и связанные с ним жертвоприношение животных, практикуемые древним и раннесредневековым населением городища, представлял один из сложившихся вариантов зороастризма, огнепоклонничества, истоки которого восходят еще к чустскому времени (К.Малтаев).

Культовое помещение, связанное с культом огня и связанные с ним религиозные обряды, в ошском оазисе обнаружено и изучено Ю.А. Заднепровским и восточной окраине г.Ош³⁵. Однако, памятник, подобный Ооз-Дебе, в Ферганской долине выявлен впервые и отличается от подобных памятников всей Средней Азии эпохи железа и раннего средневековья. В этом заключается его своеобразие и значение.

В заключении кратко надо остановиться на стратиграфии Ооз-Дебе. Судя по облику строительных материалов, обнаруженных вещей, а также планировки частично выявленных комнат и четко выделенных полов помещений на трех различных высотах, памятник уверенно можно отнести к шоробашатскому времени³⁶. Ю. А. Заднепровский, в последних работах, сопоставляя комплексы Хожонбаг - Теле, Мирза-Менте, Шоробашата и Карадарьинских городищ, выделил три этапа в развитии шоробашатских памятников³⁷. Выявление помещений и их полов на трех уровнях (высотах), расположенные последовательно один над другим, а также характер вещей, прежде всего керамики, позволяет уверенно предположить о наличии трех строительных горизонтов Ооз-Дебе, отражающих три этапа жизни памятника.

Вместе с тем, исходя из характера материалов третьего строительного горизонта, можно предположить, что этот горизонт относится к концу шоробашатского и мархаматскому периодам.

Раскопы, заложенные на вершине Ооз-Дебе в 2000 г., характер вещей, обнаруженных в раскопах 1,2 и на 1 и 2-м слоях раскопа 4 и 5, на наш взгляд, позволяют выделить четвертый строительный горизонт холма, относящийся к концу мархаматского времени и началу раннего средневековья. Характер мате-

риалов Ооз-Дебе позволяет прямо утверждать, что эта часть городища в древности служила святилищем, храмовой частью городища.

Собранный нами подъемный материал в различных частях разровненного городища Ооз-Дебе, имеющего до нивелировки большого размера (450х430м), дали керамику от шоробатско-мархаматского до саманидско-караханидского времен. Следовательно, мы вправе предположить о том, что городище возникло в шоробатское время и просуществовало до XII в. Об этом могут подтвердить результаты раскопки городища Ооз-Дебе кыргызским археологом, первооткрывателем городища Ооз-Дебе О. Береналиевым, который писал: "Керамический материал относится III в. до н.э. В X-XII в.в. жизнь на городище возобновляется, но, вероятно, средневековые постройки были незначительными, так как в целом облик городища остается античным"³⁸.

Примечания:

1. Береналиев О. Древний канал Карасу в Ош Карасуйском оазисе // А.О. 1973г. М "Наука". 1974.-С.521.
2. Заднепровский Ю.А., Малтаев К.Ж., Сулайманов Э.Ж. Ош и Ошский оазис в античную эпоху (по материалам Ооз-Дебе и Тотон-Дебе) // Сборник материалов международной научной конференции "Роль и место тюркских народов в мировой цивилизации" Ош-1999.-с. 148-150.
3. Там же, с. 149.
4. Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирований древних культур Ферганы АСГЭ. Вып. 25. Материалы и исследования по археологии СССР. Контакты и взаимодействия культур Евразии. Л. "Искусство." 1984.-С. 103.
5. Заднепровский Ю.А. Фергана. Средняя Азия в античную эпоху. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М. "Наука", 1985.-с. 439-440.
6. Там же, с. 440.
7. Там же, с. 441.
8. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры южного Кыргызстана, в свете новых данных (1976-1984 г.г.) Древний и средневековый Кыргызстан. Б. "илим", 1995.-с.25.
9. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго- западная Киргизия). Ф. 1962. - С. - 51-52.
10. Брыкина Г.А. Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н.э. Этнография и археология Средней Азии. М. "Наука". 1979.-с. 100-105.
11. Консанбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины. // Археологические памятники Таласской долины. Ф. 1963. - с.42.46.53.
12. Бернштам А.Н. Античный и средневековый периоды в Фергане и Алае (из историко- археологических очерков Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. И.Л. 1952. МИА. №26).- Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В2-т. Составители К.И. Шашбаева и Л.М. Ведута. ГП. Б. "Айбек".1998.-С. 142.
13. Там же, С.-142.
14. Заднепровский Ю.А. Фергана, -С. 313.
15. Брыкина Г.А. Карабулак. М "Наука".1974. -с.98.
16. Заднепровский Ю.А., Малтаев К.Ж., Сулайманов Э.Ж. Ош и Ошский оазис, - с 149.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же, (Здесь мы щедилку неудачно называем дурилагом).
20. Брыкина Г.А. Карабулак, - с. 65.
21. Там же, -с. 65-66.
22. Заднепровский Ю.А. Тотон-Дебе (Отчет о работах 1998г. Текст отчета хранится в секторе археологии ИОНЮО НАН КР).
23. Малтаев К.Ж. Сулайман-Тоо - древнейший поднебесный храм в Центральной Азии. Ош. 2000. -С. 22-25.

24. Заднепровский Ю.А. Фергана, - с. 440.
25. Ахунбаев Г.Х. Астрал с греческой надписью из раскопок на Афрасиабе // ИМКУ Вып. 25.- "Фан." 1991. - с. 73.
26. Там же.
27. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М-Л. 1962. (МИА № 118). -С. 83, 122, 154.
28. Ахунбаев Г.Х. Ук. Раб., -с. 75.
29. Литвинский Б.А. Конгюйско-сарматский фарн. Душанбе. Дониш. 1968. -с. 57.
30. Кыргызские национальные виды спорта. Составитель М. Саралаев. Ош. 1993.-с. 128.
31. Заднепровский Ю.А. Фергана, - с.-316.
32. Там же; История Кыргызстана ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5 т. 1. ф. и Кыргызстан. 1984. - с 217.
33. Рак В.И. Зооастрийская мифология (Мифы древнего и раннесредневекового Ирана). СПб. 1998.-С.148.
34. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М. "Наука". 1986.-С. 107-108.
35. История Кыргызской ССР,-С. 183-184; Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры,-с. 22.
36. Заднепровский Ю.А., Малтаев К.Ж., Сулайманов Э.Ж. Ук. раб., - с. 148.
37. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры, - с. 22-23.
38. Береналиев О. Древний канал Карасу в Ош-Карасуйском оазисе // А.О. 1973 г. М "Науки". 1974.-С.521.

Шамс-уд-Дин *

(Индия)

Шелковый путь

Введение

Древние маршруты караванов, проходящие через самое сердце Азии и известные как Шелковый Путь¹, соединявшие Китай со Священной Римской Империей в период Кушанского царства, являли собой первый в истории человечества трансконтинентальный коммерческий и дипломатический маршрут. Длина этого пути достигала около 6400 км., простираясь от Китайской столицы Чаньань (ныне Сиань), через северную китайскую равнину, Памир, Каракорум, до Самарканда и Бактрии, Дамаска, Александрии и Антиохии. Другими словами, он вел от Средиземного моря, через Малую Азию и Среднюю Азию до Китая. Естественно, Шелковый Путь не был таким уж гладким. Более того, ирония судьбы в том, что эта мягкая ткань путешествовала по самому опасному пути в мире.

По Шелковому Пути перевозились также золото, драгоценные камни и металлы, слоновая кость, стекло, которое не производилось в Китае до V в. Обратно везли меха, керамику, жадит, изделия из бронзы, лак и железо. Среди товаров были также и некоторые экзотические животные и растения. Из всех драгоценностей самым ценным для Запада был, тем не менее, шелк. Однако, помимо товаров, Шелковый Путь служил также рас-

*Профессор Шамс-уд-Дин является председателем Центра Изучения России, Средней Азии и Восточной Европы, Школа Международных Наук, Университет им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели -67.

¹ Балл Варвик, «По мифическому пути.» *Geographical Magazine*, Март 1998, т. 70, №3, стр.18.

пространению странных и замечательных идей. Обмен идеями оказывал сильное влияние на политику, отношения в семье, философию и религию. Огромное влияние также оказывалось на искусство, архитектуру, сельское хозяйство, и промышленность.

В пути многие из перевозимых товаров обменивались на другие, и очень часто некоторые предметы переходили из рук в руки по несколько раз. Нет записей, свидетельствующих о том, что римские купцы бывали в Чаньане, как нет и записей о том, что китайские купцы посещали Рим. Однако товары, которыми они торговали, ценились очень высоко и в Риме и в обоих городах. Парфяне и другие посредники быстро поняли, что на продаже ткани можно делать деньги и начали посылать торговые миссии на восток. Римляне также посылали собственных агентов, чтобы те разведали путь торговых караванов и попытались приобрести шелк по цене, которая была бы ниже той, которую запрашивали парфяне. Поэтому, торговый путь на Восток рассматривался римлянами скорее как дорога за шелком, нежели за каким-либо другим товаром.

Название «Шелковый Путь» было впервые придумано только в 19-м веке знаменитым германским географом-исследователем Фердинандом фон Рихтофеном². Весь путь был разделен на области влияния - политические и экономические. Китайские купцы, скорее всего, доставляли товары в Дуньхуан или за Великую Китайскую Стену, где их покупали или выменивали среднеазиатские посредники - парфяне, согдийцы, индийцы и кушанцы, которые доставляли товары далее - персидским, сирийским и греческим купцам. К тому моменту, когда римляне получали товар от греков и евреев, его цена была уже намного выше первоначальной.

Целью этой работы является исследование происхождения и развития Шелкового Пути различными империями в древние времена и его роли в распространении различных религий и культур, а также исследование причин его упадка и возрождения Шелкового пути в последней половине 20-го века.

Рождение Шелкового Пути

Отцом Шелкового пути многие называют Чанг Чиена (140-115 гг. до н.э.), несмотря на то, что китайские товары, включая шелк, достигали запада и до него, хотя и не в таких количествах. Эти товары, скорее всего, привозились на запад отдельными купцами, которые, несмотря на такие политические бури на западе как захват Греции Римской Империей, отваживались искать новые рынки сбыта. Нет сомнений, что именно поездки Чанг Чиена дали династии Хань установить политические связи со среднеазиатскими государствами и открыть дорогу, соединившую Восток и Запад.

Во время династии Цинь (221-68 гг. до н.э.) на северные границы Китая время от времени совершали набеги тюркские племена гунну, которых позже стали называть гуннами. Со временем частота набегов возрастала, и, чтобы хоть как-то помешать этому, северяне стали возводить защитные стены. Великая Стена была построена для того, чтобы остановить племена гунну. Через пятнадцать лет после падения династии Цинь в 206г. до н.э., западная династия Хань продолжила постройку стены, чтобы сохранить единство Китая.

Во время одной из своих кампаний против тюркских пле-

мен, император Вуди (или Ву Ти) в 140-87 гг. до н.э. послал Чанг Чиена послом к племени Юэчжи³ (Кушанцы, переселившиеся к западу от границы Китая из-за гунну). Было решено сплотиться с этими племенами, организовав таким образом альянс против гунну. Первая разведывательная операция была проведена в 138 г. до н.э. под руководством Чанг Чиена, который принес очень много интересных вестей, вернувшись во дворец в Чаньань в 125 г. до н.э. Он доложил о таких-то 36-ти королевствах запада, порадовав императора детальными докладами по ранее неизвестным королевствам Ферганы, Самарканд, Бухары, и других королевств в Средней Азии, Северной Индии, и Персии (Ирана), о городе Ли Кун, которым, скорее всего был Рим, а также о новой породе лошадей, которой можно было бы копировать кавалерию Хань. Император был очень заинтересован вестями, принесенными Чанг Чиеном, и за этой экспедицией на запад последовали другие. После нескольких неудачных попыток, одна из экспедиций смогла найти так называемых «небесных коней», которые помогли улучшить кавалерию Хань. Возвращенные удачей, посланники Хань продвинулись дальше на запад, и, возможно, даже достигли Персии. Они вернулись из этих регионов со многими диковинками. В частности, в подарок императору преподнесли религиозное украшение гандхаранской культуры. Так была открыта дорога на запад.

География Шелкового Пути

Шелковый Путь включал четыре маршрута:

- (1) Северный маршрут - На запад к Черному морю.
- (2) Центральный маршрут - на запад к Персии, Средиземноморью, Риму.
- (3) Южный маршрут - на запад к Афганистану, Ирану, Индии.
- (4) На восток к Сианю.

Шелковый путь состоял не из одной единственной дороги, а из многих караванных маршрутов, которые шли через самые труднодоступные районы, самые высокие горы и самые жаркие пустыни. Проходя через Среднюю Азию, путь разветвлялся на множество дорог, которые вели к поселениям в оазисах. Все дороги начинались в столице Китая Чаньане, проходили через коридор Гансу и достигали Дуньхуана на границе пустыни Такла-макан. Северный путь шел далее через Юмен Гуань (Перевал Нефритовых Врат), пересекал Гоби и вел к Хами (Кумуль), прежде чем пойти по Тянь-Шаню, огибая северную часть Такла-макана. Он проходил через главные оазисы Турфан и Кука, прежде чем достичь Кашгара, находившегося у подножия Памира. Южный путь отходил к Дуньхуану, проходя через Ян Гуань, по южной границе пустыни через Миран, Хетиян (Хотан) и Ярканд, и наконец снова сворачивал к северу, навстречу другому маршруту в Кашгар. Существовало также множество других путей, которые использовались не так часто, как основные. Одни из них откалывались от южного пути, пересекали восточный конец Такла-макана, и выходили к городу Дулян, а затем примыкали к северному пути в Корла. Кашгар стал новым перекрестком Азии: здесь дороги расходились - через Памир в Самарканд и к югу Каспийского моря, или дальше на юг, через Каракорум в Индию, другой путь отходил от северного пути после Кука и вел через Тянь-Шань, иногда достигая Каспийского моря через Ташкент.

Климатические условия Шелкового Пути

Регион, разделяющий Китай от Европы и Западной Азии - самый негостеприимный в мире. Он также и самый опасный. Большую часть его занимает пустыня Такла-макан, одно из самых враждебных мест на нашей планете. В ней очень мало растительности, и почти не бывает дождей. Здесь часто бывают самумы, которые особенно опасны из-за силы ветра и рода поверхности. Климат суров - летом дневная температура поднимается выше сорока градусов. В бассейне Турфана она иногда поднимается выше пятидесяти. Зимой температура падает до двадцати

² Рэм Рахуль, Средняя Азия: Исторический обзор (Нью-Дели: Vicas Publicating House Private Ltd., 1996), стр. 52; см. также «Заново открывая Шелковый Путь», Курьер ЮНЕСКО, ноябрь 1988, стр. 12.

³ Юэчжи - народ с северных границ Такла-макана. Были вынуждены покинуть свою родину под натиском тюркских племен гунну (которые позже стали называться гуннами и переключились на завоевание Европы), и осели в северной Индии. Их потомки - Кушанцы - в 1-м веке н.э. принесли с собой свою религию - Буддизм. Кушанцы первыми стали изображать Будду в человеческом облике.

градусов ниже нуля. Воздух кипит днем и быстро остывает в сумерках. Такла-макан называют «землей смерти». В отличие от пустыни Гоби, где достаточно много оазисов, и чтобы найти воду не нужно глубоко копать, Такла-макан обладает меньшим количеством ресурсов.

Земля, окружающая Такла-макан, также негостеприимна. **На северо-востоке** лежит пустыня Гоби, чей суровый климат практически не уступает климату Такла-макана; с остальных сторон пустыню окружают одни из самых неприступных гор в мире. **На юге** лежат Гималаи, Каракорум и Кунлун, отделяющие Среднюю Азию от Индии. Есть несколько заснеженных перевалов, ведущих через эти горы, но они - одни из самых трудных в мире; они находятся на высоте 5000 метров и слишком узки, к тому же, на пути попадаются крутые спуски в глубокие ущелья. К северу и западу лежат Тянь-Шань и Памир. Несмотря на то, что они ниже и на них растет больше зелени, Памир и Тянь-Шань все же создавали достаточно проблем для путешественников прошлого. Если двигаться с запада, то относительно легким окажется путь через «Коридор Гансу» - узкую плодородную полосу земли, тянущуюся у подножия гор Килиан, отделяющих Великую Монгольскую Равнину и Гоби от Тибетского высокогорья. С запада или юга можно пройти только через перевалы.

Александр Македонский

Этот регион был захвачен Александром Македонским, который, в конце концов, захватил Иранскую империю и колонизировал местность в 330 г. до н.э., насаждая греческую культуру. Несмотря на то, что он управлял местностью лишь до 325 г. до н.э., греческое вторжение имело значительные последствия. В это время греческая культура хлынула в Азию стремительным потоком людей и идей, технологий, художественных направлений и архитектурных формул, и принесло с собой также драму, поэзию, музыку, религию и, кроме всего прочего, язык и литературу⁴. Эстетика греческой скульптуры была соединена с идеями, развитыми индийскими королевствами, в результате чего возникла отдельная местная школа искусств. К третьему веку до н.э. эта местность уже стала перекрестком Азии, где сходились идеи персов, индийцев и греков. Считается, что жители долины Хунза в Каракоруме - прямые потомки армии Александра Македонского. Эта долина, по которой сейчас проходит Каракорумское шоссе, ведущее из Пакистана в Кашгар, показывает насколько близко мог подойти Александр к Такла-макану.

Этот регион-перекресток, лежащий к югу от Гиндукуша и Каракорума, видел много разных народов. После греков его захватили племена Пальмиры, обитавшие в Сирии, а затем парфяне, жившие к востоку от Средиземноморья. Эти народы были проще греков и переняли их язык и денежную систему, успешную прижиться в регионе, но внесли свой вклад в скульптуру и искусство.

Развитие Пути

Западный отрезок торгового пути возник раньше, чем восточный. Это, в основном, обусловлено развитием западных империй и большей проходимостью земель Персии и Сирии. Под контролем Иранской империи находилась огромная часть Ближнего Востока, границы которого доходили до Королевств Индии. Торговля между соседями уже начинала влиять на культуру этих регионов.

Восточный отрезок пути развивался медленнее из-за войн, которым положило конец государство Цинь, которое объединило Китай, положив начало династии Цинь в лице императора Цинь Ши Хуанди. Чанъань, став столицей государства быстро вырос и стал большим городом.

Однако торговля развивалась, в основном, в период династии Хань. Первые императоры Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.)

строили империю на фундаменте, который в свое время возвели императоры Цинь, и значительно расширили их владения. Однако, в отличие от императоров Цинь, они не подавляли культуру завоеванных народов и всячески поощряли торговлю между различными частями империи.

Шелковый Путь существовал до тех пор, пока ослабевшая империя Хань не потеряла контроль над королевствами бассейна Тарим в 3-м веке до н.э., и политическая нестабильность не стала тормозить торговлю. В Малой Азии власть парфян посадила на трон Персии Сасанидов, которые начали разрушать сложившиеся торговые пути и вынудили торговцев Средиземноморья пользоваться давним морским путем в Индию. К 6-му веку н.э. южный маршрут, ведущий от Дуньхуана в Кашгар через Хотан, уступил место новому северному пути, который проходил через Хами, по северному подножию Небесных Гор, через города Баркол и Джимусаер, на запад к Йинину и далее, к Самарканду и Мерву.

Наибольшее значение Шелковому Пути придавала династия Тан (618-907), во время которой установилась относительная (на фоне предыдущих династий) стабильность. Мелкие государства в основном ассимилировались, и угроза набегов значительно снизилась.

Шелковый Путь и буддизм

Буддизм пришел в Китай из Индии именно по этому пути, точнее по северной его ветке. Буддизм начал оказывать влияние тогда, когда были впервые исследованы перевалы через Каракорум. Считается, что восточный император Хань Минди послал своего представителя в Индию, чтобы узнать больше об этой странной вере, и посланники вернулись с писаниями и индийскими священниками. Это положило начало влиянию Индии, которое включало и дизайн украшений, примером чему могут послужить находки, обнаруженные в нескольких могилах в провинции Сычуань, которые относятся к первой половине 2-го века. На все это значительно повлиял Гималайский Массив, отделяющий Китай от Индии. Скорее всего, буддизм был принесен в Китай не прямо из Индии, а из культуры Гандхара, что на берегах реки Инд. Буддизм попал в Тибет намного позже и не развивался вплоть до 7-го века. По пути вглубь Китая, буддизм претерпел множество влияний, это видно из произведений искусства, на многих из которых изображены люди, мало напоминающие народы Средней Восточной Азии.

В 4-5 вв. н.э., во время правления северной династии Вей, буддизм хлынул в Китай через Шелковый Путь. Это произошло в тот период, когда Китай был разделен на несколько различных государств. Столицей династии Вей был Датой, находившийся в нынешней провинции Шанси. Правители поощряли развитие буддизма, и множество миссий было послано в Индию. Новая религия медленно продвигалась на восток, через оазисы, окружающие Такла-макан, вдохновляемая растущим числом купцов, миссионеров и пилигримов. Многие из местных народов, включая Хуйхэ принимали буддизм как собственную религию.

Христианство также появилось на востоке очень рано. Это случилось после того, как Несторианская секта была объявлена вне закона Римской Церковью в 432 г. н.э., и ее последователи были изгнаны на восток. Со своего плацдарма в Иране купцы пронесли веру по Шелковому Пути, и первая Несторианская церковь была заложена в Чанъане в 638 г. н.э. Эта секта пустила корни на Шелковом Пути и пережила еще не одну попытку изгнания, которые продолжались вплоть до 14 века. Многие несторианские документы были найдены среди прочих в Дуньхуане и Турфане. Манихеи, появившиеся в Персии в 3-м в. н.э. также оказали влияние на область и значительно развились к началу правления династии Тан.

Морской Шелковый Путь

С точки зрения жителей далекого Запада, Китай все еще

⁴ Ахмад Хасан Дани. «Шелковые узы Востока и Запада». Курьер ЮНЕСКО, март, 1989, стр. 4-11.

оставался загадочной страной, и производство шелка оставалось непонятным. Походы Александра Македонского принесли некоторые сведения об Индии, но настоящие знания начали просачиваться по Шелковому Пути только в 7-м веке. Именно в это время Ислам начал развиваться в Азии, и занавес между Востоком и Западом опустился. Торговые отношения возобновились, но теперь Мусульмане играли роль посредников. В это время был найден морской путь в Китай. Так образовался «Морской Шелковый Путь», который начал играть даже более значительную роль, чем путь наземный, поскольку последний приносил все меньше прибыли. К концу восьмого столетия были развиты морские маршруты из города-порта Кантона (Гуанчжоу) на Ближний Восток.

Последний удар пришел совсем с другой стороны - с пастбищ Монголии.

Однако морской путь страдал еще и от других напастей - плохой погоды и пиратов. В начале 15 в. китайский мореплаватель Ченг Хе провел семь морских экспедиций в юго-восточную Азию и Индию, а также в Аравию и на восточный берег Африки. По мере продвижения, были установлены дипломатические связи с несколькими странами, и это увеличило объем товаров, поставляемых Китаем в регион. В конечном итоге, выбор маршрута зависел от политического климата того времени.

Монголы

Борьба между христианским и мусульманским мирами по-разному отражалась на торговле по Шелковому Пути. Крестовые походы принесли христианский мир ближе к Средней Азии, но отряды мусульман под предводительством Саладина отбросили их назад. Во время четвертого Крестового Похода, Римская церковь одержала победу над своей греческой соперницей, захватив Константинополь (Стамбул). Однако не христиане раскололи мусульманский мир. Это сделали монголы. В то время, как Европу и Азию раздирали межрелигиозные распри, у монголов были лишь смутные религиозные представления. Несколько туркестанских племен, нападавших на Персию и Аравию, приняли Ислам и принесли его в Среднюю Азию, но он так и не попал на пастбища Монголии. Племена кочевников, их заселявшие, довели до совершенства езду верхом и стрельбу из лука. Желая расширить сферу своего влияния, они собрались в 1206г. на совет и избрали начальника объединенных сил, который принял титул Великий Хана. Под предводительством Чингисхана, они быстро завоевали весь огромный Азиатский регион. Бывший город Хань Джяохэ, находившийся к западу от Турфана, был стерт с лица земли, когда монголы проходили через него на запад. Империя монголов заняла всю Среднюю Азию от Китая до Персии, и простиралась до Средиземноморья. После смерти Чингисхана, западная часть империи была разделена на три части, по числу его потомков - меньших ханов, а восточная перешла к Кубилай-хану, который унаследовал титул Великого Хана. Кубилай завершил завоевание Китая, подчинив Сон на юге страны, и установил династию Юаней.

Это частичное объединение стольких государств под началом Монгольской империи позволило установить значительную взаимосвязь между культурами различных регионов. Шелковый путь играл роль коммуникационной дороги между различными частями империи, и торговля возобновилась. Несмотря на то, что монголы были менее «цивилизованы», нежели люди Запада, они были более открыты новым идеям. О Кубилай-хане, в частности, говорится, что он симпатизировал многим религиям, и множество людей разных национальностей и вероисповеданий начали торговлю в Азии и осели в Китае. Этот религиозный либерализм распространялся на всех.

Европейцы

Европейцы только в 13 веке двинулись на восток. Первыми, по-видимому, были францисканцы, которые, как сообщают источники, посетили монгольский город Каракорум. Первые

ми европейцами, которые прибыли ко двору Кубилая, были северо-европейские купцы, прибывшие в 1261 г. Однако самым известным посетителем, который к тому же оставил после себя массу документов, был итальянец Марко Поло. Будучи членом венецианской торговой семьи, он проявил себя как прекрасный бизнесмен и наблюдатель. Начавшийся в 1271 г., когда ему было только семнадцать, его путешествия с отцом и дядей привели его в Персию, а затем по Шелковому Пути через Хотан, ко двору Кубилая, в Ханбалик, на месте которого ныне расположен Пекин, и в летний дворец, больше известный как Санаду. Он очень много путешествовал по Китаю, прежде чем вернуться в Италию морем, через Суматру и Индию в Хормуз и Константинополь. В своем романе «Путешествия», Марко Поло дает интересное описание жизни на Великом Шелковом Пути во времена Ханов.

Упадок Пути

Одним из последних, по Пути стали импортировать Ислам. С распадом Монгольской империи и возрождением Ислама, на Пути снова были установлены барьеры между Востоком и Западом.

Отношение последних китайских династий нанесли последний удар по Шелковому Пути. Изоляционистская политика династий Мин (1368-1644) отнюдь не способствовала торговле между Китаем и быстро развивающимся Западом. Династия Мин отрезала Китай от внешнего мира, положив конец притоку идей и культур из-за границы. Это отношение сохранялось во все время правления династий Мин и Цин и начало как-то меняться только в 19 веке, когда западные державы начали прокладывать путь вглубь Китая.

Своим упадком Шелковый Путь также во многом обязан и развитию морского пути шелка из Китая. Стало во многом проще и легче возить товары по воде, чем по суше. Корабли стали прочнее и надежнее, а маршрут давал надежду на открытие нового рынка в Южной Азии. Этот шаг был продиктован тем, что на суше существовала т.н. «племенная политика» между народами, населяющими пространство вдоль Шелкового Пути, а также присутствие посредников, каждый из которых стремился отхватить свой кусок пирога.

Нашествие пустыни на незаселенные места сделала жизнь на границе Такла-макана и Гоби особенно трудной. Любое оставленное на время поселение поглощалось пустыней, а основывать новые поселения становилось все труднее и труднее. С этими условиями можно было мириться лишь в мирное время, когда можно было позволить себе противостоять продвижению пустыни и искать источники воды.

Однако со спадом торговли с Западом, произошел и спад движения по Пути. Выживали лишь самые лучшие оазисы. Пещеры и другие святыни с тех пор оказались заброшены, местные народы приняли новую религию, а старые города ушли глубже под землю.

Интерес к Великому Шелковому Пути возрос у западных ученых лишь к концу 19 века. Это произошло после того, как различные страны начали исследовать регион. Зарубежное вмешательство было вызвано в основном интересами держав того времени, связанных с расширением их территории. Британцы, например, были заинтересованы в консолидации земель, расположенных к югу от их Индийских колоний. Первое официальное исследование Индии было произведено в 1863 г., и вскоре после этого существование старинных городов, затерянных в пустыне было подтверждено. Торговая делегация была послана в Кашгар в 1890 г., а в 1908 британцы решили установить свое консульство. Они рассматривали присутствие России как угрозу торговле, устанавливавшейся между Кашгаром и Индией, и борьба этих двух держав за регион стала именоваться «Большой Игрой». Британские агенты (в основном индийцы) шли из Ладакха и Индии в Кашгар через Гималаи под видом торговцев, собирая всю информацию, которую только можно было добыть,

разведывая географию Пути. В то же время, русские приходили с севера; многие из них были ботаниками, геологами и картографами, но их несомненно инструктировали насчет того, что их поездка несет также и разведывательный характер. Русским первым посчастливилось увидеть руины городов в Турфане. Местные искатели сокровищ и искатели из Кашгара, видя какой интерес вызвали у иностранцев реликвии, продали им несколько предметов из тех, что были вырыты на месте руин. Таким образом несколько старинных вещей и манускриптов попали на Запад. Когда они попали в руки востоковедов в Европе и были тщательно расшифрованы, они произвели настоящую сенсацию, и на поиски реликвий было отправлено больше людей.

Нашествие археологов закончилось после изменений на политической сцене. 25 мая 1925 г. студенческая демонстрация в Шанхае была расстреляна британцами. Это разом подняло волну враждебных антизарубежных настроений по всему Китаю и положило конец исследованиям западных археологов. Китайское правительство стало более жестко рассматривать иностранную интервенцию, что сделало организацию поездок более трудной. Они стали настаивать на том, чтобы все находки были переданы в соответствующие заведения Китая. Так закончилось исследование региона.

Сокровища древнего Шелкового Пути теперь разбросаны по различным музеям в дюжине стран. Основные коллекции находятся в Берлине, в Дели, благодаря Штайну, и в Берлине, благодаря фон Ле Коку.

Сегодня: прогресс и проблемы

Шелковый Путь был торговой цепью между Китаем и Западом больше тысячи лет. Он был артерией культурного обмена, тропой войны и линией снабжения. При коммунистах он потерял свое значение. Сегодня в истории Шелкового Пути наступает эпоха Ренессанса, пришедшая на смену долгой зимней спячке. Весь мир сейчас заинтересован в его возрождении.

Борьба человека против пустыни, одна из самых больших проблем ранних путешественников, в конце концов, начинается успешно преодолевать. Также удалось достичь определенного прогресса в контроле над передвижением зыбучих песков, которое раньше заставляло людей сниматься с насыженных мест. Построение дорог вокруг Такла-макана позволило упростить передвижение, а обнаружение большого количества нефти под пустыней подхлестнуло развитие. Эта местность претерпевает быструю индустриализацию, и Урумчи, нынешняя столица Синьцзяна, стала особенно привлекательным индустриальным городом.

Сам торговый путь открывается заново. Доселе вялая торговля между народами Синьцзяна и СССР быстро развивалась. Торговля с СНГ набирает темпы. Это касается как мелких бытовых товаров, так и тяжелой промышленности. Новые среднеазиатские республики, ранее вносившие вклад в тяжелую промышленность СССР, в вопросе бытовых товаров полностью зависели от России. Теперь этот пробел восполняет торговля с Китаем. Импульс этой торговле был дан принятием доктрины «социалистического рынка» в Китае, и многим была дана свобода большего передвижения. В особенности это касается населения Синьцзяна, которое участвует в торговле через границу и часто бывает в Казахстане и Узбекистане.

Железная дорога, соединяющая Ланчжоу и Урумчи, была продлена вплоть до границы с Казахстаном, где 12 сентября 1990г.

она соединилась с железнодорожной системой бывшего СССР, обеспечив важный маршрут в республике и за их пределы. Этот Евразийский континентальный мост, построенный в качестве конкурента транссибирской магистрали, начинается в городе Ляньюньгана в провинции Цзянсу (восточный берег Китая) и заканчивается в Роттердаме. Первая фаза этого развития была выполнена, и 1-го декабря 1992 года состоялось открытие магистрали. Она уже обещает быть на 20 % дешевле и на 11000 километров короче морского пути. На пути из Китая, магистраль проходит через Казахстан, Россию, Белоруссию и Польшу, прежде чем достичь Германии и Нидерландов. Двухколейный путь из Ланчжоу к границе СНГ в списке приоритетов развития Китая занимает одно из первых мест.

С тех пор, как средневековые купцы покинули Шелковый Путь между Европой и Азией, пыльный город Саракх пребывал в состоянии спячки. Однако иранское правительство закончило 700-километровую железнодорожную ветку, соединяющую порт Бандар Аббас с национальной железнодорожной системой в Бафке⁵ и город должен ожить. Продолжение дороги длиной в 1609,344 километра от Машхада до Саракха, которое соединяет Иран с постсоветской железнодорожной системой предназначено для перевозки товаров из Ирана в Москву, Пекин и Европу. За 1995 г. через Саракх прошли миллионы тонн иранских товаров на пути в Туркменистан и Казахстан⁶.

Более того, планируется срезать путь из нового порта Чах Бахар в Саракх, построив новый, длина которого составит 1770,278 км. Иранские бюрократы считают, что это поможет отобрать покупателей у Пакистана и Турции. «Этот путь поможет избежать доставки товаров из Азии в Европу морем и, тем самым, срезать 12070.080 км», - говорит Мохаммад Поркар, финансовый директор компании Поримекс Трейдинг АЕ, провозящей консультации с железнодорожным консорциумом, - таким образом, товары смогут идти напрямую из Индии, Китая, Индонезии и Малайзии в Россию и Восточную Европу⁷.

Эти среднеазиатские республики развиваются быстро; их население нуждается в товарах народного потребления. И когда торговый путь будет открыт, вся торговля будет проходить через Саракх⁸. Синьцзян-уйгурский район, находящийся на западной границе Китая, и Казахстана был недавно соединен железной дорогой. Китайские бизнесмены наводнили Казахстан, чтобы вести там торговлю. Они больше похожи на турков, чем на китайцев.

Однако у США существуют подозрения, что Тегеран вместе с ЕКО (Организация экономического взаимодействия), основанной в 1992 г., собираются экспортировать в мусульманские страны региона свой воинствующий ислам. ЕКО включает Иран, Турцию и Пакистан, и планирует включить Афганистан, а также шесть мусульманских республик бывшего СССР. Кроме того, это изолирует США в регионе как экономически, так и политически.

Однако проблемы в этом регионе существуют. Сухопутная связь с Турцией была уничтожена армяно-азербайджанским конфликтом. Во-первых, сильный этнический раздор создал ситуацию, когда каждая из сторон вынуждена сидеть на бомбе замедленного действия под названием «сепаратизм». В то время как коренные народы рассматривают свои новые государства как родину, этнические меньшинства, отрезанные от процесса раздела государства, чувствуют себя обделенными, и не хотят мириться со статусом второго сорта. Таким образом, армяне и азербайджанцы ведут борьбу за Карабах; абхазцы, составляющие самую большую группу меньшинства в Грузии, борются за полное отделение. Эти конфликты влекут за собой многосторонние последствия, особенно в развитии энергетики. Неразрешенность Карабаха, к примеру, означает, что Азербайджанская нефть может попасть в Турцию только через Грузию. Но Грузия - нестабильное государство. Альтернативный путь нефти в Новороссийск может проходить или через Чечню или Дагестан, но последний - регион нестабильный, вмещающий больше дю-

⁵ Колин Барраклоу, «Откроет ли новая железная дорога дверь в Среднюю Азию?», *Insight on the News*, 25 Декабря, 1995 г., т. 11, №49, стр. 14-17.

⁶ Там же.

⁷ Колин Барраклоу, «Откроет ли новая железная дорога дверь в Среднюю Азию?», *Insight on the News*, 25 Декабря, 1995г., т. 11, №49, стр. 14-17.

⁸ Там же.

жины соперничающих этнических групп⁹. Продолжающаяся война в Афганистане отрезала путь в Пакистан.

Афганское движение Талибан доставляет больше всего хлопот своим соседям. Как и в старину, Шелковый Путь полон опасности и страха, потому что успех воинов ислама в Афганистане может разорвать альянсы, провалить выгодные сделки и дать новый импульс распространению воинственного исламского фундаментализма. Тревога гремит по странам Шелкового пути, в Иране, Таджикистане и других исконно мусульманских республиках бывшего СССР, в Китае, у которого хватает своих забот с недовольным и многочисленным мусульманским меньшинством, и в индийском Кашмире. Столь ожидаемое процветание, которое должен был принести трубопровод, идущий через Афганистан в Туркменистан, будет отодвинуто в регионе вирусом Талибана. Таджикистан и Узбекистан стали ареной гражданской борьбы между бывшими коммунистами и исламистами¹⁰.

Новый виток «Большой Игры» на Кавказе и в Средней Азии обещает в скором времени наступить, благодаря нефтяной геополитике великих держав.¹¹

Заключение

Шелковый Путь играл уникальную роль в международной торговле, политических и культурных отношениях стран от Китая до Рима еще до рождения Христа. В давние времена торговля велась в условиях ограниченных возможностей. С развитием цивилизации, Шелковый Путь смог родиться заново. Конечно, по нему уже не будут идти верблюды и кони древности - их заменят кони железные. Самые непреодолимые трудности оказались не такими уж непреодолимыми, когда в дело вмешался технический прогресс. Сможет ли он справиться с нефтяной геополитикой великих держав, влиянием ислама, этническими проблемами и вирусом Талибана, который ставит препоны на пути развития среднеазиатских государств?

Библиография:

1. «Прощай, Флэшмен: Американская политика на Кавказе и в Средней Азии», US Department of State Dispatch, Июль 1997, т. 8, № 6, стр. 10-14.
2. «Зона кризиса», The Economist, 14 Апреля, 1990, т. 315, № 7650, стр. 39-40.
3. «Развал нового Шелкового Пути», The Economist, 10 Октября, 1998, т. 348, №8089, стр.42-43.
4. «Средняя Азия: Шелковый Путь в огне», The Economist, 26 Декабря, 1992, т. 325, № 7791-2, стр. 44-47.
5. «Золото в конце железной дороги: Иран и Средняя Азия», The Economist, 2 Декабря, 1995, т.337, № 7943, стр.42-43.
6. «На Шелковом Пути: Китай и Средняя Азия», The Economist, 23 Апреля, 1994, т. 331, №7860, стр. 35-36.
7. «Шелковые Мечты: Иран и Средняя Азия», The Economist, 21 Июня, 1997, т. 343, № 8022, стр.49-51.
8. «Дух Шелкового Пути: Узбекистан», The Economist, 19 Марта, 1994, т. 330, № 7855, стр.42-43.
9. «Вирус Талибана», World Press Review, Декабрь 1998, т. 6, № 1.
10. «Сюанцзян: пилигрим-буддист на Шелковом Пути», Publishers Weekly, Апрель 1996, т. 243, №15, стр. 61-62.
11. Asian Folklore Studies, т. 56, № 2, Ноябрь 1997, стр. 423-426.
12. Балл Варвик, «По мифическому пути», Geographical

Magazine, Март 1998, т. 70, №3, стр. 18-24.

13. Колин Барраклоу, «Открывает ли новая железная дорога дверь в Среднюю Азию?», Insight on the News, 25 Декабря, 1995 г., т. 11, № 49, стр. 14-17.
14. Дэниелз, Кристиан, «Где сходятся пути: Восток и Запад в процессе производства шелка».
15. Данилофф, Рут, «В ожидании нефтяного бума», Smithsonian, Январь 1998, т. 28, № 10, стр. 24-35.
16. Дебора Климбург-Салтер, Шелковый Путь и Алмазная Тропа¹² (Калифорнийский Университет: Dr. UCLA Arch Council, 1982).
17. Хаттори Эйцзи, ««Рассвет спокойствия: письмо от Боробудура», Курьер ЮНЕСКО, 17 Июля, 1994, стр. 68-74.
18. Бенджамин Джонс, «Шелковый Путь», Europe Март 1995, № 344, стр. 30-33.
19. Бенджамин Джонс, «Заметки: Проект Европейского Сообщества «Шелковый Путь», Europe, февраль 1999, S3(1), стр. 383.
20. Бенджамин Джонс, «Узбекистан: богатые ресурсы и темное будущее», Europe, Март 1995, № 344, стр. 28-30.
21. Каплан, Эдвард Х., «Сюанцзян: пилигрим-буддист на Шелковом Пути», The Historian, 22 Марта 1998, т. 60, № 3, стр. 658-660.
22. Магнин, Пол, «Посланцы света: китайские пилигримы-буддисты в Индии», Курьер ЮНЕСКО, Май 1995, стр. 24-28.
23. Мотт, Диана, «Узбекистан: наследники Шелкового Пути», Whole Earth, 22 Сентября, 1998, № 94, стр. 90-91.
24. Натан, Пол, «Падение барьеров», Publishers Weekly, 23 января, 1995, т. 242, №4, стр. 18-19.
25. Марта Брилл Олкотт, «Каспийский обман», Foreign Policy, Июнь 1998, № 111, стр. 94-114.
26. Кристин Осборн, «Возвращение в регионы Шелкового Пути», The Middle East, № 232, Март 1994, стр. 39-41.
27. Ян Шеннард, «Восходящая Звезда Средней Азии», Flight International, 27 Августа, 1997, т. 152, №4589, стр. 39-40.
28. Лайза Сайкс, «Города на Шелковом Пути», Geographical Magazine, Январь 1997, т. 69, №1, стр. 23-26.
29. Мелани Трейн, «Большая Игра: о работе спецслужб в Азии», Geographical Magazine, Октябрь 1997, т. 69, №10, стр. 103-104.
30. Пол С. Триоло, Кристофер Гегадорн, «Китайский Дикий Запад», The China Business Review, т. 23, №2, Март 1996, стр. 41-47.
31. Н.Н. Вохара, Культура, общество и политика в Средней Азии и Индии. (Нью-Дели: Shipra Publications, 1999).
32. Сюзан Врееланд, Назима Кооаль, «Каракоорумское Шоссе», Saturday Evening Post, Март 1988, т. 260, №2, стр. 66-71.

А. Арзыматов

(Бишкек)

ОШ — ДРЕВНЕЙШИЙ СВЯТОЙ ГОРОД

«Жизнь начинается с производства и развивается вечно, бесконечно на основе противоречий между человеком и природой, их путей разрешений, а не с рынка — трагедии народа».

Президент Аскар Акаев в своем докладе «О подготовке к 3000 летнему юбилею г. Ош» неоднократно подчеркивал и указывал, что г. Ош — святой.

⁹ Марта Брилл Олкотт, «Каспийский обман», Foreign Policy, Июнь 1998, № 111, стр. 94-114.

¹⁰ «Вирус Талибана», World Press Review, Декабрь 1998, т. 6, № 1; опубликовано в ежемесячном журнале Middle East, ориентированном на арабские страны, Лондон, Октябрь, 1998.

¹¹ «Прощай, Флэшмен: Американская политика на Кавказе и в Средней Азии», US Department of State Dispatch, Июль 1997, т. 8, № 6, стр. 10-14.

¹² Здесь - игра слов: diamond path (дословно - алмазная тропа) имеет и другое значение траектория движения алмазов бурового долота (прим. пер.).

Наша задача в данной статье раскрыть и показать по возможности таинственно-естественные факторы происхождения города Ош, как единственно священного города в мире, а не как искусственно созданные таковыми как Мекке или Иерусалим.

В связи с проблемой возникновения г. Ош ученые археологи во главе с академиком Российской академии наук – Вадимом Массоном утверждают, якобы “Доарабский Ош находился к юго-востоку от современного города – в районе холмов Ак-Буура и Курван-Тюбе”. После этого арабского “погрома и переместился древний Ош в сторону Сулайман-горы, вниз по течению реки Ак-Бууры” (Веч.Бишкек, 29 октября, 1998г.). Это абсурдное утверждение.

Известно, в результате второго крупного общественно-го разделения труда, происходящего только в Европе в XI веке появились города - центры ремесла и торговли. Тогда как в Азии такие города возникли в древности как и церковные, административные центры и военные укрепления.

К нашему удивлению, предпосылки возникновения г. Ош сложились естественно еще в период дикости человечества, т.е. в период их присвоения, а не производящего предметы природы, точнее, с отделением человека от внешней природы животных, возникновением целесообразного труда, противоречия между человеком и природой – отсюда пути их разрешения. При этом вызывает удивление, как складывались предпосылки и причины возникновения города Ош, а именно, как святого. Эти понятия исходят из развития различного рода труда и религий. А последняя являлась продуктом действительных сил: жизнь, господство и подчинение их жестоким противоречиям, борьба за спасение; отсюда и возникновение различных религий.

Следовательно, просьба к нашим читателям проследить, почему мы рассматриваем и доказываем, что город Ош есть святой город.

Первоначально, образ человека представляется природой в целом. Единство человека с природой отделяет целесообразный труд. “Человек и его труд на одной стороне, природа и его материалы с другой” - писал К.Маркс. Итак, посредством труда устанавливается закон единства и противоположностей. Вещь, как природный дар, в своей противоположности для человека выступает как потребительная стоимость, поэтому человек, естественно, должен заставить своей противоположностью природу служить своим целям, изменяя ее. И это, естественно, вызывает противоречие и борьбу человека с природой. Это противоречие разрешается в процессе труда. “Как первобытный человек, чтобы удовлетворить свою потребность, чтобы сохранить и воспроизвести свою жизнь боролся с природой, так должен бороться и цивилизованный человек” - писал К.Маркс. Но в этот период люди еще были беспомощными перед силами природы, неосознавшие своих сил. В таком отношении природа противостоит человеку, как совершенно чуждая всемогущая неприступная сила, к которой люди относятся совершенно пассивно; и власти, которой они подчиняются как скот. “Следовательно, это чисто живое осознание природы” - указывал К.Маркс. В таком случае мы узнаем полное господство природы над людьми. Так, что человек теперь своей практической деятельностью имеет перед собой объективный мир, и зависит от него, и определяет свою деятельность. Таковы соотношения жестоко борющихся сил.

Итак, выделение человека от природы и начало отвоевывания им приметы природы в целом, что является первой крупной победой человека над природой. Но “За каждую такую победу она нам мстит” - писал Ф.Энгельс. Разумеется, в таком плане природа хотя несознательно ставит перед собой задачу поголовного истребления своих врагов - человечество, которое подчинено природе, как скот человеку. Эти цели природа осуществляет когда захочет, при этом устраивая бесчисленно различные страшные бедствия и разрушения. Одним из таких страшных и жестоких действий могучего механического толчка является зем-

летрясение, которое периодически повторяется, унося миллионы человеческих жизней. А смерть кончается жестокой победой природы над определенными индивидами, которые как-будто бы противоречат их единству. “Сколько же раз должно происходить это крушение мира” - задает вопрос Штирнер. Действительно, отчего же люди только чудом могли продолжить свое существование, а им все-таки хочется жить без этих крушений. Но у них нет никаких сил, чтобы остановить действие механического толчка, происходящего извне. Тем более, на господство природы человек подчиняется как скот. Человек осознал, что жизнь прекрасна. В условиях жестокого крушения родовой жизни природой, человек превращается в средство для поддержания его физического существования. Но при таких крайностях у людей-дикарей, разумеется, неизбежно порождаются идеалы спасения. Но как? При этом у них естественно возникает необходимость проявления каких-то чудодейственных таинственных взглядов на мир, чтобы приостановить эти крушения. Такая сила- это зарождение мистики. Отсюда появление идеи бога, которые по мистическим представлениям как верховное существо, якобы сотворившее мир и управляющее им. В этом мы видим природу выступает как объект, а человек как субъект. Таким образом, совершенно бессознательной жестокой природы- врага наоборот превратить во всемогущее сверхъестественное явление, признавая ее как божественную силу, как спасителя гибнущей человеческой жизни. Отсюда “обожествление природы”. Только лишь в таком случае, т.е. при “обожествлении” природа в конце-то концов проявит свои всевозможные милости и покровительства человечеству. Так, что только сдаться на милость победителя - природы. Тогда только она сменит свой гнев на милость. Таким образом, различные непредвиденные природные жестокие явления заставляют преклониться человечеству перед внешней природой-богом, что явилось предпосылкой появления естественной религии.

Итак, религия первоначально, естественно, возникла в ходе развития естественной истории. Ленин указывал... “... как бессильные дикари в борьбе с природой порождают богов, чертей, чудеса и т.п.”. В начале естественной истории объектами этого фантастического отражения были таинственные силы природы, т.е. неодушевленные (только не животные), которые выступают как культ, как спаситель, а не как жестокий враг. Тем самым превышали их фетиши (обожествление). Отсюда фетишизм - культ неодушевленных предметов, вызывающий чудеса по своему необычному образу действия. Это мы рассматриваем как природное искусство: минеральные источники, черный камень (в Мекке), наскальные изображения, идол, статуя, деревья-мазар и т.п. Таким характерным идолом природного искусства общеизвестны Чолпон-Ата и Сулайман-гора, а также озеро Иссык-Куль и многие другие. На вершине горы Чолпон- Ата мы видим как бы нарисованную голову типичной киргизской девушки, которая смотрит на восток, на звезду восходящий перед зарей, которую кыргызы называют Чолпон. Старик бородатый, сидящий на западной стороне этой же вершины, якобы отец девушки. В честь поклонения и почитания этой горы, это поселение было названо Чолпон-Атой, а впоследствии преобразовано в город Чолпон-Ата.

Таких природных чудес в горах Киргизии достаточно много, особенно вокруг единственно святейшего озера в мире Иссык-Куля, которое послужило как ядро для формирования народности кыргызов этого региона Азии. Суждение о Сулайман-горе, как природный идеал идет подобным же образом.

Расположение Сулайман-горы, окруженное равниной, длиной в 3 км, шириной 1,5 км является действительно природным чудом.

Это настоящая природная статуя, почти точно изображающая лежащего на спине с согнутыми обеими коленями бородастого старика, смотрящего с востока на запад. Все это хорошо смотрится особенно перед закатом солнца со стороны аэропорта г. Ош.

Итак, Сулайман-гора, как символическое изображение человека, представлялась как сверхъестественная, всемогущая статуя, которую первобытные суеверные племена фетишизировали, обожествляли как будущее очеловечение бога (см. ниже национальный бог), сотворившего мир и управляющий им. Тем самым рассматривали его как могучий покровитель людей, обеспечивающий их потребность, прежде всего спасение от различных природных стихий. Сулайман-гора, силой своего тяготения внутренне побуждает верующих. В результате возникновения естественной религии, Сулайман-гора, как природный идеал, стал обожествляться и стал священным центром, местом восхищения, преклонения языческих племен.

Вот так с этих фантастических явлений, естественно, начал возникать священный город Ош.

Из вышеизложенного, как нам представляется, что якобы с признанием природы на божественных правах как спасителя своих подчиненных, от своего уничтожения человечество помирилось с ней навсегда. Вместе с этим окончательно свертывается противоречие и борьба между человеком и природой, с условием лишь сохранения физического существования абстрактного человека и человечества.³ Конечно нет. Производительная жизнь, есть порождающая жизнь. Так как антагонизма между человеком и природой не существует и поэтому борьба между ними и пути их разрешений продолжают вечно и бесконечно. В таком отношении религия никогда не может служить для средство борьбы человека с природой, а наоборот, как указано играет роль окончательного примирителя между враждующими объективными и субъективными силами, в пользу вечного господства природы над человечеством и следовательно, приостановить общественное развитие на стадии дикости. Это значит то, что человек отчужден навсегда от собственного тела-труда, как средства борьбы с природой. При этом чрезвычайно важно нам рассмотреть процесс развития труда, приведший к другой более действительной силе человека в борьбе с природой. Это производительный труд.

Как известно, труд создал человека, а он, в свою очередь, создал бога, в данном случае обожествлял природу. Но труд как таковой стал вечным средством человека в борьбе с силами природы, так как вещь как внешний природный дар в своей противоположности для человека вечно выступает как потребительная стоимость. И поэтому это становится как царство необходимости. Тогда как человеческие силы – труд, царство свободы. Свобода – человеческая деятельность, необходимость – слепая сила природы. Борьба между ними в процессе труда выступает как вечное естественное условие для развития человеческой жизни. В таком случае, вместе с преклонением на культ Сулайман-горы, с одной стороны, и идет объективный процесс как разумное проявление жизни, город Ош, с другой.

Практическое создание предметного мира, скажем, переработка неорганической природы как Сулайман-гора, есть самоутверждение человека как сознательного существа, который относится к строительству города Ош как к собственной своей сущности. Паломники к горе правда тоже производят, но они производят лишь то, в чем нуждается спасение – духовное производство. Но они в тоже время строят себе жилища, значит, с другой стороны, производят, т.е. строят город Ош лишь под властью непосредственной физической потребности, следовательно паломники удваивают для себя уже не только духовно, но и реальной деятельностью созерцают самого себя в созданном ими мире.

Итак, труд не только источник красоты, жизни как объективного явления, он одновременно формирует и этические чувства человека, поскольку в трудовой практике раскрывается мера вещей, значит человек формирует природу по законам красоты жизни.

Поскольку в процессе расширения потребности, вызванной развитием процесса коллективной организации труда, последний в свою очередь неизбежно ведет к страсти человека в

отличие от животного – самоутверждающее существо, обладающее страстью. страсть – это энергичное, стремящееся к своей сущностной силе человеческой природы. И потому страсть есть действительное расширение и развитие противоречия между человеком и природой. Это прежде всего заключается в том, что переход от преимущественного присвоения готовых продуктов природы к производству. Это же есть настоящее начало борьбы человека с господством природы.

Таким образом, с появлением коллективной организации труда созданы необходимые условия для зарождения двух величайших задатков в области материального производства. В тропическом поясе Азии: скотоводческий и земледельческий. Это было первое крупное общественное разделение народов. И что в то же время подтверждает то, что произошло первая крупная победа человечества над всемогущей природой. Потому в его жизни произошел крупнейший переворот. Вследствие чего обожествленное господство природы свергнуто. Отныне человек наоборот стал господствовать над отдельным предметом, отвоеванным от природы и заставляет их служить своим целям. Маркс по этому поводу указывал: «чем больше человек благодаря своему труду подчиняет себе природу, тем больше чудеса богов становятся излишними, благодаря чудесам и промышленности». Отсюда самое главное, вопрос в том, что человек теперь почти не стал обожествлять природу и что явилось фактором перехода человечества от естественной религии к художественной религии, естественной истории к истории общественного развития, точнее от дикости к варварству, от собирательства даров природы к производительному потреблению. Такие переходы в тоже время нашей интересующей проблемы означают переход от предпосылок к возникновению святого города Ош. Этот процесс опять также происходит в связи с развитием религии.

Далее также, самое главное – это переход от животного сознания природы к самосознанию, т.е. осознание существующей практики. Само сознание есть качество человеческой природы.

Таким образом, первым результатом организации труда явилось впервые сложившееся общественное отношение. Это характерно тому, что сведением первоначального скотоводства породили такое общественное отношение, которое мы называем первобытным коммунизмом. Подобным же образом развилось с появлением земледелия. Вот таковы первые результаты возникновения и развития созидательного труда, как источника красоты.

За такую великую победу человечества природа еще более жестоко мстит. В таком отношении она, в свою очередь, предопределила противоположный характер труда и, соответственно, противоположный образ жизни: кочевой и оседлый. Отсюда их неизбежные вечные противоречия и войны. Так как труд скотоводства требовал только надзора и примитивного ухода за скотом и т.д. Тогда как труд земледельца по природе с самого начала зависел от климатических условий, следовательно созидательный труд путем искусственного орошения повышал плодородие почвы. Мы видим примитивный труд скотовода как прогрессирующий, с одной стороны, и застойный труд земледельца. Отсюда, естественно, возникала между ними вечная всепобеждающая война.

Война теперь выступает подобно природной силе как новая объективная общественная сила.

Таким образом, у прогрессирующих искусственных народов с разведением стад создается всевластный до того источник богатства, что породило совершенно новые отношения, основанные на частной собственности на скот. А последний необходим для прогрессивного развития общества, тогда как земледельческая община, основанная на искусственном повышении плодородия почвы остается в силу этих предопределенных природой причин застойной, и каждая из них представляла собой особый замкнутый мирок.

Внутри общины отдельный человек не становится

самостоятельным по отношению к общине и потому собственность на землю неизменно остается общественной. Объем производства продуктов рассчитан только на потребление, а не на товар. Отсюда понятно, члены внутри общины объединяются по принципу родовых отношений, и по принципу первобытного коммунизма - свободы и равенства. Признание человеческого равенства, право каждого на жизнь, основывается на осознании общей, одинаковой для всех человеческой природы.

Таким образом, производственный механизм этих самодавляющих по своей природе мирных общин, который постоянно воспроизводит себя в одной и той же форме будучи постоянным объектом вечных военных действий, воинствующих кочевых племен, с другой стороны.

Причина этих объективно сложившихся явлений заключается в том, что природа для мистики сразу же предопределила противоположный производственный процесс и, соответственно, образ жизни. В таком отношении их продукты труда тоже однообразны. Особенно это характерно для скотоводов-кочевников, которые производят молочные и мясные продукты исключительно однообразно. А в таком случае для них продукты земледелия, скажем, главным образом, хлеб неотложная явственная потребность. Но добывать их им приходится отчасти путем обмена или скорее всего путем насилия, который все более становится легким наживом. По этому повелению природы объективно сложились причины общественных сил - войны, которые становятся более опасными чем природные силы, так как они ведутся теперь между человеком - абстрактным. Спрашивается именно, каким историческим путем возникло это действие внешних общественных сил, которое противостоит человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как силы природы и подобным же образом как последний господствует над человеком столь же кажущейся естественной необходимостью. Вначале такая общественная сила появляется путем обмена продуктов, а потом по инстинкту тяга к богатству. Теперь приобретение богатства становится жизненной целью варваров-кочевников. И что страсть к богатству - это энергично стремящаяся к своему предмету сущная сила человека.

Богатства соседей возбуждают жадность людей. Варварам грабеж кажется более легким и даже почетным, чем созидательный труд. Но такой характер войны по мере роста в населении при традиционном, примитивном способе производства становится далеко недостаточным. И потому создаются потребности в новых способах ведения войны - агрессивном, главной целью которого является захват территории других племен и подчинения их своей власти. Действия варварского народа-завоевателя, война теперь в последующий период становится движущей силой истории, а не созидательным трудовым процессом. В ходе непрерывных войн уничтожались и исчезали с лица земли многие племена, тогда как простота производственного механизма созидательного труда самодавляющих земледельческих общин остается в одной и той же форме, будучи разрушенной и исчезнувшей через сотни лет возникает снова в том же самом месте, под тем же самым именем. Это объясняет не только тайну неизменности азиатских обществ, как указывает Маркс, но и тайну возникновения новой прогрессивной религии. Поэтому истории Азии нет, а есть история религий политики т.е. войны.

Таким образом, неизменение идилических общин, какими бы они не оказались, всегда они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия. Тем более когда война велась между племенами с такой жесткостью и что породило и сформировало филистерский мир, принцип которого, обесчеловечение мира. Это мир политических животных, такая общественная сила, т.е. жестокая война у варваров не только порождает новую веру за спасение и за лучшую жизнь, но и веру в богов, равенство, справедливость. Так что новая религия, возникает из действительных общественных сил. Такая религия созданная из идей первобытного коммунизма видит бога в образе теперь одушевленных предметов приро-

ды - животных. И что их обоготворение. В таком отношении Маркс рассматривает, что мир разделен на животный мир и духовный мир. В таком плане человечество представляется распадающимся на ряд животных разновидностей, связь которых определяется именно неравенством. В этом случае естественная форма равенства проявляется в действительной жизни животных, при этом в условиях естественной истории человечество жило подобно животному миру, т.е. в мире первобытного коммунизма. Тогда человек считал, что высшим существом является его истинная сущность равенства. А теперь единственную форму равенства человек видит в жизни животных. Поэтому у них мы видим и культ животных "религию животных". Отсюда, кстати, напомним, что вождеством поклонников Сулайман-Тоо является воплощение равенства, как спасательное природного святого средство, наряду с обоготворением животных.

Итак единственную форму равенства человек видит в проявляющейся действительной жизни животных. Вот почему обоготворение животных стало необходимой верой спасения от таких жестоких общественных сил войны. С этой целью убежденные варвары стали объединяться в племена, а затем в союзы племен на основе полного равенства подобно животным. Каждое племенное объединение мистифицировало свое происхождение и потому были священны и неприкосновенны. Но в тоже время, в принципе, каждое племя находилось в состоянии войны с теми, с которыми она не заключала мирного договора. Так как самые низменные побуждения - вульгарная жадность, страсть к богатству и еще раз к богатству и т.п. являются постоянными факторами вечной войны, и несмотря на предпринятые меры за спасение становились неудержимыми. Что делать дальше? В таком случае единственное утешение должно было опять выступать в религиозной форме. И потому опять-таки глубокое мистическое впечатление Сулайман-горы производит утверждение, что перед нами особое эмпирическое бытие - спасение созданное идеей, и что мы, таким образом, на месте безличного бога на последующей ступени жизни встречаемся с очеловечением бога, которое считалось прообразом природной человеческой статуи Сулайман тоо. Так как к ней влечение людей стало еще сильнее, тем самым оно создало легко понятную форму внутреннего спасения, утешения в сознании, к чему все поклонники так страстно стремились. Так Сулайман-гора опять доказала способность стать мировым спасителем. Итак, ее мистицизм как бы представлял намеренно ввести мистифицирование теперь особого человека в среду абстрактных людей. Таковым становится именно военный вождь, который сначала должен возбудить мужество как военного вождя, а затем по необходимости олицетворять. Кстати, теперь народ поклоняется не только божественному идолу Сулайман-горы, но и своему узурпатору, как предмету культа, святого тотема. Теперь каждый племенной союз имел своего обожествленного военного вождя, который рассматривался как национальный бог. Теперь он как бывший равноправный субъект общины представляется как таинственный сверхъестественный мир причем с рождения.

Так что совершенно обесилевших людей перед природными и общественными силами стали сочетать Сулайман-гору с природным богом, а человеческий бог с общественной силой войны. Поэтому они оба по религии выступают спасителями от их самих созданной адской жизни. Теперь вместе с тем весь родовой строй превращается в свою противоположность, а его органы народной воли становятся самостоятельными органами господства и угнетения внутри того племени, тем самым их антагонизм, а также антагонизм между племенами и так внутри отдельно взятых племен породили еще новые всеисильные общественные силы. Таким образом, страсть к богатству создала многонациональных богов, что явилось новым источником начинания войны между племенными союзами. Отсюда, разумеется, святая гора становится не только притягательной силой для всех верующих простых людей, но и очеловеченным богом военного деспота, цель которого поклонение последнего не только для спасе-

ния себя, но и также для получения удовлетворения собственных потребностей, а именно победы над воюющими врагами, тем самым все более расширяя сферу влияния своей власти путем захвата и расширения территорий и становления обожествленным объектом над всеми покоренными народами. Именно для этой цели они сделали Сулайман-гору самым подходящим эмпирическим духовным бытием. Поэтому роль и значение святой горы еще более возрастали как никогда и потому она стала храмом и местом святилища для посещения суеверных людей всех народов.

А между тем, наоборот, война всех видов стала почетным и постоянным промыслом, чем созидательный труд. Поэтому ясно, что в действительности эти общественные силы не только уничтожали самого себя, имеют в виду национальные боги, но и племенные союзы. Поэтому все эти национальные боги жили в представлении людей лишь до тех пор, пока существовали их т.н. нации и падали вместе с ее гибелью. В таком случае Сулайман-гора выступает как природный бог, как примиритель всех враждующих субъективных богов и тем самым как спасатель жизни народов. Таким образом, эта гора, в свою очередь стала культом национальных богов, отсюда разумеется расширились как никогда регионы паломничества в Азии. Так, что Сулайман-гора стала как иллюстративно поясняющей природный божий культ, отсюда мифология о Сулайман-горе постепенно веками распространялась в глубь и в ширь, сначала среди диких обитавших вокруг горы, а затем во всей Ферганской долине и наконец дошло до Индии, и было связано с возникновением и усовершенствованием вновь и вновь новых религий: естественной, художественной; тем самым божественный культ горы становился все сильнее и потрясающим.

Таким образом, на подножие святой горы и на берегах реки Ак-Бура началось естественным путем поселение богомольцев. А численность поселенцев постепенно возрастает за счет богомольцев. Отсюда естественно все дальше и все больше возрастают их экономические потребности, отсюда, разумеется, они стали в тоже время и производительным трудом. Итак, местечко поселенцев становится материальным бытием паломников. В таком случае вместе с превращением Сулайман-горы в эмпирическое бытие, с одной стороны и идет объективный трудовой процесс, тем самым разумно проявляясь в жизни города Ош. Вот почему мы восклицаем о том, что труд есть порождение материальной жизни.

Так нам надо непременно подчеркнуть о том, что город Ош сложился не как продукт общественного разделения труда, а как predetermined природой самопроизвольно естественным путем на святой земле, как спаситель народа от всяких чудовищных злодеяний. Значит город Ош сложился по природному принципу человечества на основе полного равенства, свободы и демократии, но только не по родовому, а соседскому принципу паломников, что было их вождельной целью, и по принципу первоначальной прогрессивной религии. Раз так, г.Ош возник и рос как религиозная община. Поэтому история г.Ош, как рассмотрено выше, принимает вид истории религий. В этом заключается исключительная особенность его происхождения в отличие от других городов мира вообще. А теперь по возможности кратко об особенностях роста города Ош, что представляет для читателей также вождельный интерес.

Выше рассмотрено, что каждая категория паломников имела свою вождельную цель. Простые паломники стараются при молитве отмыть свои грехи, тем самым спасаются. Тогда как властители -паломники, конечно тоже имели в виду как таковое, но при этом страстно стремились стать святыми и властелинами-покорителями этого же по религиозной точке зрения испорченного мира. В этой связи приведем более всеобъемлющие примерные факты. Вазир Узгенского хана по имени Сулайман превратил этот город в летнюю резиденцию, а святую гору в бога на земле как мусульманского культа, а здешние местные духо-

венства - муллы непременно стали служить ему как человеческому культу, тем самым Сулаймана сделали пророком на земле. А после его смерти эту гору муллы считали троном пророка и именовали его именем "Сулайман-гора", затем слились в мире как святыня. Таким образом, муллы сочинили мифологию об этой святой горе и распространили миру, что высказали еще более страстное тяготение мусульманских поклонников. Таким же ужасно тяготейшим стал представляющий особую личность в истории, прямой потомок Чингис-хана, правнук Тимур-шах Бабур. Он будучи юным ханом Самарканда был свергнут и был вынужден бежать и искать убежище в Алайских горах, в том числе имел в виду Сулайман-гору. Он был поэтом и писателем, в тем более Сулайман превратил гору в свое пристанище. Бабур в своих надписях на камнях и скалах в стихотворном виде сообщает о своих местах спасений и вождельной цели. Он, по видимому, подобно горцам культивируя Сулайман-гору, видел что-то символическое, таинственное и священное и потому виделся, что эта гора будет способствовать успеху его предпринятой покорительной политики. И вот мечта Бабура, как говорится, по велениям бога Сулайман-горы осуществилась в действительности. В 1526 году Бабур захватил г.Дели в Индии и провозгласил себя императором. В следующем году создал большое государство получившее название империи Великих Моголов. Бабур теперь проявил великую симпатию к г. Ош и горе. Город Ош он превратил в духовный центр своей великой империи и построил на горе великолепный храм как символ религии мусульман. После чего, разумеется, он признан пророком Аллаха, после Мухаммеда. А административным центром оставался г.Дели. Итак, святой город Ош стал духовной резиденцией императора Бабура-пророка. В таком случае за императором тянется его огромная армия, по сведению Маркса насчитывалось 400000 человек. Не только армия с именем святого обожествленного деспота тянется к святой горе, но и громадное количество паломников мусульман из империи, и за ее пределами. Словом, г.Ош в период правления Бабура и после него достиг своего расцвета и превратился в цитадель мира ислама.

Спрашивается, почему мы утверждаем, что г. Ош представляет себя единственным святым городом в мире ? Потому, что происхождение г. Ош есть параллель с созданием естественной религии, точнее, неизбежным обожествлением природы дикарями. Тогда как т.н. святыне города Медина, Мекке, Иерусалим возникли просто как военные лагеря или государевы стан и т.п. Так, что гора по имени Сулайман и его г.Ош стояли как святыне и будут стоять вечно, первая как эмпирическое бытие, а второй как действительное бытие, к нашему удивлению, поселение возникшее в подножье Сулайман-горы назван киргизскими словами "Ош", от слов оштонуп, что дает понятие "оштонуп деле кайда баратасын". Конечно "тоого сыйынууга". Куда ты идешь, почему-то чрезмерно восторженно, спешить молиться к горе святой.

В итоге, вышеизложением мы имеем полное объективное обоснование утверждать о том, что природные свойства Сулайман-горы и озера Иссык-Куль, являющиеся единственными в мире святыми природными дарами, а гора Ала-Тоо подобно феодальной, наступательной и оборонительной крепости становились естественными факторами в формировании киргизов в народность только на этой современной региональной территории. Отсюда Сулайман-гора, город Ош и Кыргызстан.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДОВ И КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЯНЬ-ШАНЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Период раннего средневековья имеет важное значение для изучения истории развития городской культуры и взаимодействия кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого населения Тянь-Шаня и Семиречья.

В середине I тысячелетия н. э. эти районы вошли в состав крупнейшего кочевого государства, Первого Тюркского каганата, что радикальным образом изменило этнокультурную ситуацию в Притяньшанье. На данную территорию переселилась значительная масса монголоидного тюркоязычного кочевого населения из северных и восточных районов Центральной Азии. На Тянь-Шане получили распространение тюркская политическая и военно-административная система, тюркский язык и культурные традиции. Благодаря своему широкому территориальному распространению культура древних тюрков явилась ретранслятором многих культурных достижений между различными народами Евразии. Несмотря на разделение Первого Тюркского каганата и образование на его западных землях Западного Тюркского, а затем Тюркешского и Карлукского каганатов, на всем протяжении периода раннего средневековья территория Притяньшанья оставалась частью древнетюркского этнокультурного ареала. Грандиозные военные успехи тюрков в период образования Первого Тюркского каганата способствовали тому, что особенности их государственного устройства, административная титулатура, основы десятичной системы деления войска и народа, характерные виды вооружения и приемы военного искусства, престижные элементы военно-дружинной культуры и идеологические представления получили всеобщее распространение в кочевом мире и стали объектами заимствования в оседло-земледельческой среде.

В период существования тюркских государственных образований по территории Тянь-Шаня и Семиречья пролегли ответвления трансконтинентального Великого шелкового пути, по которому велась торговля шелком и предметами роскоши между странами Восточной, Центральной, Передней Азии и Европы. По этому пути распространялись многие культурные достижения и религиозные верования. Вдоль трасс Великого шелкового пути в эпоху раннего средневековья возникли многочисленные торговые фактории, городские и земледельческие поселения. В тюркских государствах Притяньшанья важную роль в развитии городов, торговли, ремесла и земледелия играли согдийцы.

Культура древних тюрков, унаследовавшая многие хуннские и иранские элементы, впитала в себя ряд инноваций из согдийской культуры. Взаимодействие тюрков и согдийцев в тюркских государственных образованиях было столь велико, что свидетельствует об образовании тюркско-согдийского культурного и хозяйственного симбиоза.

По авторитетному мнению С. Г. Кляшторного, раннесредневековая городская и оседло-земледельческая культура на Тянь-Шане и в Семиречье была создана согдийцами, образовавшими свои поселения вдоль трасс Великого шелкового пути. Развитие городской и земледельческой культуры на землях тюркских государств было бы невозможным без согласия и покровительства тюркских каганов и высшей знати. Преследуя свои военно-политические и фискальные цели тюркские каганы способствовали развитию торговли, ремесла, земледелия, градостроительства на подвластных землях, были заинтересованы в увеличении количества податного населения. Только в Чуйской долине в VI-VIII вв. н. э. согдийская колонизация привела к образованию 18 крупнейших городов и большого количества мелких

оседлых поселений. Города являлись центрами транзитной торговли и ремесла. Они включали сельскохозяйственные земли, обнесенные оборонительными сооружениями. Население городов, помимо тюрков и согдийцев, включало выходцев из Ирана и Передней Азии.

В отличие от кочевого населения, входившего в военно-административную систему "десяти стрел", все городское население относилось к категории зависимых данников и называлось "татами". Однако, фактическая роль и значение городской знати в тюркских государствах были весьма велики. Согдийские торговцы фактически контролировали транзитную и внутреннюю торговлю. В периоды ослабления центральной власти и междоусобиц в каганатах, городские власти стремились проводить самостоятельную политику, заключали союзы между городами, направляли послов в иностранные государства, чеканили собственную монету. Согдийскими владельцами городов Чуйской долины, находившимися в вассальной зависимости от тюркешских каганов, чеканились и тюркешские монеты, которые бытовали с конца VII до X в.

Изучение свидетельств письменных источников и археологических материалов позволило В. П. Мокрынину прийти к выводу, что в VI-VII вв. в городах Тянь-Шаня и Семиречья доминировала транзитная торговля предметами роскоши, в то время как местное кочевое и оседлое население было слабо втянуто в активную торговлю. Среди товаров, провозившихся через Притяньшанье, преобладал шелк и другие дорогие ткани, украшения из драгоценных камней, дорогое парадное оружие и пиршественная посуда из благородных металлов, меха, лекарственные препараты и пряности. Сравнительно небольшая часть этих товаров оседала у местной кочевой и городской знати и богатых торговцев.

В VIII в. в Семиречье из Монголии переселились многочисленные тюркские кочевые племена карлуков. Приток кочевого населения не остановил процесс развития городов и не изменил сложившихся тенденций во взаимодействии городского и кочевого населения в Притяньшанье. В карлукский период на Тянь-Шане и в Семиречье продолжается рост городов и оседло-земледельческих поселений. По сведениям письменных источников в землях карлуков имеются города и селения, а среди самих карлуков есть горожане и земледельцы. В Таласской долине велась разработка серебряных рудников выходцами из персидского города Исфагана.

В письменных источниках говорится о развитии торговых центров Ферганской долины, городов Ош и Узген. Город Ош был расположен на пересечении торговых путей из Верхнего Барсхана и Восточного Туркестана в Алай и Ферганскую долину, в нем функционировало много рынков. На рынках Узгена велась торговля с тюрками, обитавшими в горных долинах Тянь-Шаня. Тюркское кочевое население в карлукский период все активнее втягивается в торговлю и обмен с городским и оседло-земледельческим населением Притяньшанья. Среди товаров имеются продукты и сырье, производимые в скотоводческом и земледельческом хозяйстве, скот, изделия ремесленного производства. По свидетельству источников, тюрки оказались умелыми торговцами лошадьми, довольно искусными в обмене покупателей. Продукты скотоводства, мясо, шерсть, кожи и шкуры овец и коз имели спрос и на внешнем рынке. Значительный размах приобрела работорговля.

Ведущая роль тюркской знати в социальной и этнической иерархии тюркских государств Притяньшанья способствовала ориентации на тюркскую военно-дружинную культуру согдийской и местной кочевой знати, стремившейся к повышению своего социального статуса. Для периода тюркско-согдийского симбиоза характерным явлением стало взаимопроникновение и взаимообогащение этих культур. Высшие социальные слои согдийских городов в наибольшей степени оказались восприимчивы к престижным элементам тюркской военно-дружинной культуры: воинскому убранству, вооружению, образу жизни.

О сближении тюркской и согдийской знати на базе общих сословных интересов свидетельствуют брачные союзы между представителями разных этнических групп. При изучении некрополя Краснореченского городища В.Д. Горячевой было обнаружено парное захоронение по древнетюркскому обряду погребения с конем, в котором мужчина оказался монголоидом, а женщина принадлежала к европеоидной расе. Судя по этой находке, среди населения средневековых городов Притяньшанья появляются тюрки, женатые на согдианках. По заключению В.Д. Горячевой. В VIII-X вв. в городах и селениях Чуйской долины проходил процесс тюркизации местного согдийского населения в языковом и культурном отношении и седентаризации тюркских кочевников. В свою очередь, древнетюркская культура включила многие элементы согдийской. Получило широкое распространение тюрко-иранское двуязычие. На это обратил, в свое время, внимание Махмуд Кашгари, указавший на то, что жители городов Баласагуна, Тараза и Испиджаба говорят по-тюркски и по-согдийски.

Особую роль в формировании культурного синкретизма у населения Притяньшанья играло распространение мировых прозелитарных религий, последователями которых становились представители разных этносов, что вело к нивелированию этнических различий. В течение периода раннего средневековья прозелитарные вероучения имели распространение, преимущественно, среди городского населения, хотя имелись попытки перевода канонических сочинений на тюркский язык с целью пропаганды религиозных догм среди кочевников. Лишь принятие ислама в качестве государственной религии в государстве Караханидов в X в. привело к массовой исламизации кочевого населения.

В течение периода раннего средневековья процесс взаимодействия городской и кочевнической культур Притяньшанья неуклонно развивался, обретая формы культурного и хозяйственного симбиоза и постепенного формирования синкретичной культуры.

А.Н. Юзеев

(Казань)

«Гирфат ал-хавакин...» Ш.Марджани как источник по истории Средней Азии X-XIII вв.

«Гирфат ал-хавакин ли-ирфат ал-хавакин» (Горсточка знания о познании хаканов)¹ одно из ранних печатных сочинений известного татарского ученого, религиозного реформатора и

просветителя Шихабалдина Марджани (1818-1889). Он написал этот небольшой по объему трактат — всего 33 страницы, но емкий по содержанию — еще во время пребывания в Средней Азии (Бухаре, Самарканде в 1838-49 гг.), используя богатый рукописный материал библиотек Мавераннахра.

В 1865 году «Гирфат ал-хавакин...» был издан в типографии Казанского университета на арабском языке. Многие исследователи Средней Азии того времени не заметили исторический трактат Марджани, поскольку в то время он еще не был известен в кругу российских востоковедов. До появления труда академика В.В.Бартольда (1869-1930) «Туркестан в эпоху монгольского завоевания»², сочинение татарского ученого являлось одной из лучших и полных работ по истории Караханидов X-XIII вв.³ — Термин Караханиды впервые ввел в научный оборот Григорьев В.В.⁴ — К сожалению, два выдающихся востоковеда не смогли ознакомиться с книгами друг друга по объективным и субъективным причинам: Марджани умер до выхода в свет книги Бартольда (1900), а последний — в силу малого ее тиража — не увидел книги Марджани.

Известный тюрко-башкирский ученый Заки Валиди сравнивал значение «Гирфат ал-хавакин...» Марджани для истории Средней Азии с ролью его же «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгара) для исследования народов Поволжья и Приуралья⁵.

Марджани не случайно один из первых своих исторических трактатов посвятил описанию династии Караханидов и периоду их правления в Средней Азии. Именно о государстве Караханидов до наших дней не дошло подробных известий современников и исследований средневековых ученых, хотя на протяжении более трех столетий это первая тюркская династия, правившая в Мавераннахре начиная с X века. Происхождение Караханидов окончательно не доказано до нашего времени, хотя издавна существуют две версии — об уйгурском происхождении (В.В.Радлов, Ш.Марджани)⁶ и от тюркской народности карлуков (К.Риттер, О.Прицак)⁷. Последняя версия выглядит более убедительной. Об этом свидетельствуют исследования современных ученых⁸.

Большая часть государства Караханидов находилась на территории нынешнего Кыргызстана. На наш взгляд, Кыргызстан является одним из основных наследников караханидского государства. Как полагают современные исследователи, в X-XIII веках наблюдается этническая и культурная общность между тюркскими народами. Общими для киргизов, казахов и народов Средней Азии являются племена: аргын, алчын, дулат, жельгер, катаган, конгурат, кыпчак, канглы, кытай, мангыт, найман, ногай и другие⁹. Как известно, карлуки были союзниками киргизов, часть которых переселилась в Семиречье уже в IX-X веках в эпоху Караханидов¹⁰ и составляли наряду с карлуками один из этнических компонентов Караханидского государства.

Марджани осознавал, что время правления Караханидов является важным для тюркских народов. Именно к Караханидскому периоду относится появление двух одних из самых ранних письменных тюркских трудов — «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари. Ис-

¹ Марджани Ш. Гирфат ал-хавакин ли-ирфат ал-хавакин, — Казань, 1865.

² Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. - Т.1. - М., 1963. — С.45-584.

³ Ан. — Казан, 1914. - № 4. - 74 б.

⁴ Труды археологического общества. — Ч.ХУП. — СПб., 1874. С. 189-258.

⁵ Марджани Губайдуллин Г. ред. — Казань, 1915.

⁶ Радлов В. В. К вопросу об уйгурах (из предисловия к «Кутадгу-Билика»). - СПб., 1893; Марджани Ш. Гирфат ал-хавакин. - Казань, 1865. - С.2.

⁷ Риттер К. Земледелие. География стран Азии находящихся в непосредственных отношениях с Россией. - СПб., 1869.- 1873. - С.189-258; Босворт К.Э. Мусульманские династии. — М., 1970, С. 158.

⁸ Садыков С.М. Тюрки-карлуки в раннем средневековье VII-X вв.) //Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — М., 1997. — Т.3. — С.7.

⁹ Молдобаев И.Б. Киргизы в эпоху «Золотой Орды» //Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — М., 1997. -С.16.

¹⁰ Караев О. Арабские и персидские источники IX-XII веков о киргизах и Киргизии, — Фрунзе, 1968. С.60; Бернштам А. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа //Труды киргизской археологическо-этнографической экспедиции. — Ф., 1959. — С.19.

ходя из общности старотюркского языка, возникшего в Караханидском государстве в X-XI вв., памятники духовной культуры X-XV вв., именуемые старотюркскими, должны быть признаны общими для всех тюркоязычных народов. При этом должна учитываться распространенность того или иного произведения среди народа, его интеллектуальной элиты и влияния основных мировоззренческих идей сочинения на последующее развитие духовной культуры того или иного тюркского народа. К таким произведениям принадлежали «Кутадгу билиг», «Диван лугат ат-тюрк», а Марджани считал их авторов — Ю.Баласагуна и И.Кашгари классиками тюрко-татарской литературы.

Марджани поставил перед собой цель: осветить в наиболее общем виде историю Караханидских правителей. Сначала он описывает известные науке факты о Караханидах. «С восточной стороны — пишет он — их страна граничит с Китаем, а они (происхождением) тюркского племени известны как уйгуры... Основы их государства и трон царства находились в Кашгарии и Баласагуне. После овладения Ферганой, — продолжает Марджани, — они сделали центром Узгенд, потом (они перевели его) в Самарканд. И постепенно они присвоили весь Мавераннахр»¹¹.

Татарский ученый отмечает, что у Караханидов были периоды подъема и упадка государства. С расцветом он связывает правление Тамхадж-хана и его сына, а с упадком — время у власти Ахмад-хана. Марджани подчеркивает, что Караханиды воевали с Саманидами, фактически «упразднив» их управление в Мавераннахре, а в войнах с газневидами и сельджуками — не преуспели. Он приводит имена девятнадцати караханидских правителей, первый из которых по имени Сатук-Карахан, а последний — Усман Багра-хан. Начало их правления в Средней Азии он относит к 380/990-91 гг. (У Босворта К.Э. Мусульманские династии — эта дата опущена), а последние дни — 608/1211-12 гг.¹² (У Босворта К.Э. 607/1211).

После общих сведений о правлении Караханидов, Марджани переходит к описанию биографий их отдельных правителей, приводя ссылки на сочинения Ибн ал-Асира, Ибн Халликана, ас-Самани, аш-Шахрастани, Якут ал-Хамави, ал-Утби, ал-Хамадани, Абдалкадира ал-Карши. Помимо вышеуказанных произведений он использовал редкие рукописи: «Тазкират ал-Багра-хан» Ахмад б.Сад ал-Ургани, книгу фетв, написанную анонимным автором, а также большое количество легенд и преданий.

Первым, кто принял ислам из Караханидов Марджани считает Сатук-Карахана, получившего по мусульманской традиции прозвище Сираджадаула — (Светильник государства). Ссылаясь на очерк о Багра-хане, который составил Ахмад б.Сад ал-Ургани, он приводит некоторые факты биографии правителя: «Сатук-Карахан родился в 333/944-45 гг... В 12 лет под началом шейха Абуянасира ас-Самани принял ислам. Позднее между ним и его дядей Харун Багра-ханом случились разногласия и столкновения, в которых Сатук-Карахан одержал верх и стал суверенным правителем государства. Умер в возрасте 96 лет в 429/1037-38 гг. в Кашгаре»¹³. Марджани пишет, что в источниках приводятся различные даты жизни и смерти Сатук-Карахана. Бартольд, ссылаясь на рукопись Джамала ал-Карши пишет, что он умер в 344/955-56г.,¹⁴ что выглядит более правдоподобным, чем цитата Марджани.

Следующим правителем династии Караханидов, по Марджани, был Харун б. Илек Багра-хан, прозванный Шихабадау-

ла (Метеор государства). Он критикует неправильное написание — «Аблак» вместо «Илек» — списка «Тарих ал-йамини» ал-Утби и пишет, что Харун Багра-хан овладел Бухарой и Самаркандом в 383/993-94 гг., но в результате болезни вынужден был отойти в свои владения. К власти пришел Наср б.Али Илек-хан. Татарский ученый ссылаясь на «Тарих» (Историю) ан-Набакати пишет, что Илек-хан окончательно завоевал Бухару, победив саманидского правителя Абдалмалика. С 999 года в Мавераннахре устанавливается господство Караханидов над территорией не только Семиречья, но и восточного Мавераннахра. Однако дальнейшее завоевание Караханидов были оставлены султаном Махмуд Газневи (998-1030), подчинившего Афганистан, часть Индии и Персии.

Таган-хан, брат Илек-хана занял престол после его смерти. Между братьями, как отмечает Марджани, существовали разногласия, которыми удачно пользовался султан Махмуд Газневи, поддерживая Таган-хана. Далее, Марджани приводит известный в истории факт о том, что в 408/1017-18 гг. Мавераннахр подвергся нашествию неверных со стороны Китая. Однако Таган-хан собрал многочисленное войско и вместе с союзниками, тюрками, выступил против них, заставив отступить и разбил их войско¹⁵.

После Таган-хана, согласно Марджани, наследовал престол Арслан-хан брат Илек-хана и Таган-хана. Ссылаясь на сочинение Утби, татарский ученый пишет, что в его правление все тюрки Мавераннахра были мусульманами, язычников уже не осталось.

Следующим был Кадир-хан, брат предыдущих трех правителей. Столицей его государства был Кашгар. Он умер в 423/1031-32гг.¹⁶

Далее Марджани подробно описывает жизнедеятельность каждого из правителей династии Караханидов. Среди них: Тагантегин-хан, Илек Арслан-хан, Багра-хан, Танхадж-хан, Каладж Танхадж-хан, Наср б. Ибрахим, Хадар б. Ибрахим, б.Наср, Ахмад-хан, Кадир-хан — племянник Арслан-хана, Мухаммад б., Сулайман б. Давуд, Арслан-хан, Махмуд-хан, Мухаммад б., Махмуд б. Багра-хан, Ибрахим б. Мухаммад Танхадж-хан, Джалаладдин Танхадж-хан и Усман б. Джалаладдин¹⁷. Марджани о «кончине» караханидской династии пишет, цитируя Якут ал-Хамави, что Хорезмшах завоевал Мавераннахр и убил их правителей — Караханидов до появления там неверного Чингиз-хана¹⁸.

Из изложения Марджани создается объективная картина правления династии Караханидов или Илек-ханов в Семиречье и Мавераннахре в X-XIII вв. Это время, когда постоянно менялись правители, происходили частые войны, а к XI веку уже исчезли все признаки верховной власти династий: на местах (в разных городах Туркестана) независимо правили Илек-ханы с одинаковыми титулами. Караханиды первыми из тюркских народов к концу X века завоевали государство Саманидов в Мавераннахре. Постоянные внутренние междоусобные войны ослабили караханидское государство и были использованы их врагами. К концу XI века Караханиды утратили свою независимость, хотя номинально правили до начала XIII века.

Марджани, цитируя те или иные сочинения средневековых арабо-мусульманских авторов, исторические факты облекает в беспристрастную форму, выбрав как форму изложения исторического материала — жизнедеятельность отдельного караханидского правителя, не останавливаясь подробно на описании общей картины правления династии Караханидов. Например, на том, что с X века это государство разделилось на ряд уделов во главе с Илек-ханами. При этом ценным фактом для науки может быть и то, что татарский ученый при написании трактата использовал и редкие рукописи, такие как «Тазкират Багра-хан» ал-Ургани и сборник фетв анонимного автора, посвященный событиям в Мавераннахре.

Одна из целей Марджани состояла в том, чтобы показать, что тюрки правили в Мавераннахре с давних времен и были не только кочевниками, но и оседлым городским населением.

¹¹ Марджани Ш. Гирфат ал-хавакин. — с.2

¹² Там же.

¹³ Марджани Ш. Гирфат ал-хавакин. — С.5-8.

¹⁴ Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. — Т.2 (1). — С.41.

¹⁵ Марджани Ш. Гирфат ал-хавакин. — С. 10-20.

¹⁶ Там же. — С. 20-24.

¹⁷ Там же. — С. 24-32.

¹⁸ Там же. — С. 32.

ем. В X веке в Семиречье принятие ислама способствовало поднятию культурного уровня тюркских народов на более высокий уровень с помощью приобщения к сокровищницам средневековой арабо-мусульманской культуры. В Караханидском государстве создаются первые тюркские письменные памятники, свидетельствующие о высоком духовном потенциале тюркских народов.

Трактат "Гирфат ал-хавакин..." Марджани, посвященный Караханидскому государству и его правителям X-XIII вв., материальную и духовную культуру которого наследует Кыргызстан, как один из исторических этапов формирования своей государственности, должен занять достойное место в современной тюркологии.

А. Алиев

(Ош)

АЛИМБЕК АСАН УУЛУ В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Страницы истории взаимоотношений кыргызского народа с соседними народами Центральной Азии XVIII-XIX вв., насыщенные глобальными и поучительными событиями, по мнению некоторых историков, остаются до сих пор малоизвестными широкой общественности. Имеющиеся материалы наглядно свидетельствуют о неразрывности и тесной переплетенности их исторических судеб, основанных на принципах дружбы и добрососедства, на общности религии, близости языка, обычаев и традиций, обусловленных в определенной степени взаимосвязью хозяйственно-экономических отношений (См: Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей до середины XIX в. Бишкек, "Илим", 1999, с.3).

История юга Кыргызстана второй половины XIX века нашла в определенной мере отражение в трудах ряда известных путешественников и исследователей, среди которых не последнее место занимают труды выдающегося казахского ученого, просветителя и демократа Чокана Чингисовича Валиханова (1835-1863 гг.).

При создании данной статьи мы преследовали одну узкую и конкретную цель – собрать воедино все то, что написал Ч.Валиханов об Алимбек-датка, не привлекая другие источники и не сопоставляя их материалы, касающиеся Алимбека-датка сосредоточены в основном в третьем томе собрания сочинений Ч.Валиханова, состоящем из пяти томов (Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985). В дальнейшем при ссылках на третий том мы будем указывать лишь ее страницы.

Жизнь и деятельность Алимбека-датка (1799-1863 гг.), по мнению ученых, так или иначе связана с историей и судьбой народов Центральной Азии второй половины XIX века. Имеющиеся на сегодняшний день незначительные пока исследования, посвященные его жизнедеятельности свидетельствуют о том, что Алимбек-датка был одним из видных государственных деятелей Кокандского ханства второй половины XIX века, имевший огромный авторитет и влияние среди народов ферганской долины, и, особенно, кыргызов юга современного Кыргызстана.

Имя Алимбека-датка впервые упоминается Ч.Валихановым в работе "Кашгарский дневник I" во второй ее части, отражающей события на обратном пути Ч.Валиханова из Кашгара в

марте 1859 года. Напомним, период путешествия Ч.Валиханова в Кашгар (28.06.1858г.-12.04.1859г.) по времени совпало с периодом борьбы за власть различных противоборствующих сил в Кокандском ханстве. По свидетельству Ч.Валиханова, 30 октября 1858 г. к власти в Кокандском ханстве пришел Маматбек. И известие об этом дошло до Кашгара через 16 дней, т.е. 15 ноября 1858 года. (См. с.49).

В "Комментариях" редакция третьего тома Собрания сочинений Ч.Валиханова отмечает, что Маматбек был возведен на престол представителями кыргызской и кыпчакской родовой знати, недовольных Худайер-ханом (См. с.371). Ч.Валиханов прямо заявляет, что Алимбек-датка "со своими киргизами способствовал нынешнему хану Маматбеку овладеть Кокандом" (с.352).

Алимбек-датка, по свидетельству Ч.Валиханова, занимал должность визиря при дворе Кокандского ханства и, вследствие этого, имел возможность влиять на крупные перемещения в Кокандском ханстве. Об этом свидетельствует следующая мысль Ч.Валиханова: "Алимбек-датка, тагиратский кокандский визирь, есть дикокаменный киргиз, а ханом и начальники войск назначено много киргизов" (с.142).

Здесь не обойтись без пояснений. Имя хановедены будем при этом несколько отклониться от темы. Дикими киргизами Ч.Валиханов называл собственно кыргызов, в отличие от казахов, которых именовал киргиз-казаками. Хаками – правители округов, носившие, как известно, титулы – кушбеги, парваначи, датка.

По свидетельству современных исследователей титул парваначи переводится как "отдающий приказ или повелитель", а датка – "требующий правосудия". Причем, титул парваначи по своему статусу выше, чем датка. Алимбек по мнению некоторых исследователей, никогда не принимал кокандско-бухарский титул датка, в отношении к кыргызам и к себе лично. В подтверждение этого они ссылаются на два его письма от 4.09.1853 г. к исык-кульским кыргызам, где он не употребляет титул датка по отношению к себе. Более того, современники Алимбека, в письме к исык-кульскому хану Боровой Бекмурат уулу именуют его ханом. Историк О.Саванов в своих исследованиях утверждает, что "этот род баты Алимбек был ханом". (См: Сапаралиев Д.П. Этнополитическая история Оша и его окрестностей до середины XIX в. Бишкек, "Илим", 1999, с.136-137). Интересно заметить, что в работе "Топонимическая таблица кокандских правителей" Ч.Валиханова Алимбек фигурирует в числе ханов. (См. с.313).

Титул датка, был довольно распространенным среди правителей Кокандского ханства второй половины XIX века. Ч.Валиханов кроме Алимбека-датка упоминает еще пять имен с титулом датка – Алишер-датка, Исх-датка, Емгер-датка, Нарседи-датка. Нармамат-датка. Этот титул, как утверждают исследователи, имели и современники Алимбека, правитель северо-кыргызских племен Ормон-хан, управлявший Ташкентом, Канат шах, казахские бии старшего жуза – Султан Али, Батын...

Возвышение Алимбека-датка, в соответствии с ним "появление хакимов и начальников войск из числа кыргызов", своеобразным образом отразилось на повествовании определенной части кыргызов. Они еще до возвышения Алимбека-датка, по словам Ч.Валиханова, "пользуясь смутным воспоминанием Коканда" своевольничали. А "вместе с возвышением Алимбека-датка, надеясь на его покровительство, продолжали беспорядки" (с.30, 34).

По свидетельству Ч.Валиханова, во все роды кыргызов того времени были в прямом подчинении Коканду. Некоторые из них лишь номинально признавали власть Коканда, не были в прямом подчинении, говоря иначе, были фактически самостоятельными. Они платили зекет и были обязаны представлять, в случае необходимости, вспомогательные войска. Так, например, болорские кыргызы, имели над собой от Коканда особую военную чиновника, жившего в укреплении Ташкуртане, собиравшего зекет и славявшего его маргиланскому или ошскому хаки-

мам (См. с.315). Болор - одно из древних названий северных цепей Куньлуня, известных ныне под названиями Сарышельского и Кашгарского хребтов.

Из кыргызских родов непосредственно подчинявшихся Кокандскому ханству были - адгэне, ичкилик, найман. Вот что по этому поводу пишет Ч.Валиханов: "Киргизы адгэне имеют хлебопашество в Ферганской долине около городов Маргилана и Оша, а лето проводят в горах от Оша до Коканда. Киргизы эти пользуются одинаковыми правами с узбеками, служат в Кокандском войске сипаями (т.е. солдатами - А.А.), родоначальники занимают важные должности при дворе и в войске. Нынешний визирь Алимбек-датка есть киргизский бий этого племени..." (с. 352).

Ч.Валиханов приводит отрывочные сведения об Алимбек-датке, относящиеся к периоду, когда он еще не был кокандским визирем. Он пишет:

"Во время кыпчаков Алимбек-датка, нынешний кокандский визирь, враждя с кипчаками, ушел в Нарын и поднял всех киргизов. Куртка была осаждена, комендант вызван на переговоры и изменчески убит (См.с.34). Поясним, "время кыпчаков" это отрезок времени (1845г.), когда в Кокандском ханстве господствовали кипчаки и все гражданские и военные должности были заняты ими. Куртка - кокандская крепость, центр одноименного наместничества в верховьях реки Нарын; возведена в 1832 г. (См. с.371).

Ч.Валиханов конкретно называет имя врага Алимбека. Он пишет:

"Киргиз из рода найман Тилля, был врагом Алимбека, и в 1845 г. преследовал его в горах Тянь-Шаня", Валиханов упоминает не только врага, но и брата Алимбека-Муминбека, который привез кашгарскому правителю Насреддину- датка "милостивое письмо и почетный халат" от Маллабек хана, который только что вошел на трон (См. с.49). Следовательно, Муминбек был доверенным лицом кокандского хана и, вероятнее всего, занимал довольно высокую должность при его дворе.

Алимбек-датка упоминается не только в непосредственных трудах Ч.Валиханова, но и в других источниках, не принадлежащих его перу. Так, например, в третьем томе собрания сочинений Ч.Валиханова, имеется небольшая работа "Маршрут из Кашгара в Ташкент", составленная казанским татаринцом Измаилом Абдулماجитовым в январе 1859г., спутником Ч.Валиханова в его путешествии в Кашгар. На основе этой работы Ч.Валиханов составил карту маршрута "Кашгар-Ташкент". Это свидетельствует о том, что он полностью был уверен в достоверности приведенных в ней сведений.

Есть основание утверждать, что И.Абдулماجитов описал данный маршрут по просьбе Ч.Валиханова. Это следует из следующего письма И.Абдулماجитова к Ч.Валиханову: "Теперь, если Вам нужно, то пришлю подробную запись названий урочищ, местностей и рек, на которых мы останавливались на ночлег и делали дневной привал от Ташкента до Алматы с указанием расстояний между ними в верстах. Если нужно сообщите в своем письме" (с.261). Отсюда также следует, что И.Абдулماجитов предоставил свои записки Ч.Валиханову о маршруте "Кашгар-Ташкент" после возвращения к себе на родину.

Заметим, записки И.Абдулماجитова по форме и стилю очень схожи с дневниковыми записями Ч.Валиханова и, при поверхностном рассмотрении, можно принять их за его труды.

При описании И.Абдулماجитовым населенного пункта "Кызыл-Коргон" (ныне это одноименное село, недалеко от райцентра Алайского района Ошской области - А.А) по дороге Кашгар-Ташкент упоминается имя Алимбека- датка:

"В окрестностях (Кызыл-Коргона - (А.А.) кочуют аулы главного родоначальника киргизов, кочующих в Кокандском ханстве Алимбека-датка". А в сноске имеется дополнение автора: "Говорили, что Алимбек-датка в настоящее время является минбашой в Коканде. И говорили, что он молод, еще не достиг сорока лет", (с.260). Заметим, данное предположение неверно. На самом деле Алимбеку в тот период было около 60 лет. По тем временам это уже далеко немолодой возраст.

Судя по тому, что не имеющий никакого отношения к киргизам казанский купец упоминает имя Алимбек-датка, то это свидетельствует о его известности и авторитете в тот период.

Ч.Валиханов довольно скрупулезно описывает многочисленные караванные пути из Казахстана в Кашгар и обратно. Наиболее удобным из них, во всех отношениях, он считает маршрут "Семипалатинск-Ташкент-Коканд-Ош-Кашгар". Ч.Валиханов отмечает в частности, что по пути Ош-Кашгар "круглый год и почти каждый день идут вереницы выючных лошадей", этот путь "обилен топливом и кормами". "От Коканда до Кашгара по этому пути 16 дней караванного хода" (с.99). Но несмотря на это он и его караван избрали в Кашгар другой путь - через Иссык-Куль и Нарын. На это были свои причины, которые четко и ясно изложены им в работе "Записки об организации поездки в Кашгар". "Ехать в Кашгар через владения кокандского хана невозможно... Могут встретиться ташкенцы, которые бывали в Семипалатинске и Петропавловске и легко могут меня узнать", (с.7).

Действительно, Ч.Валиханов к тому периоду был уже довольно известным человеком, побывавшим в деловых поездках в Семипалатинской области и в других приграничных районах Казахстана, а также на севере Киргизии, в Китае (г.Кульджа) с дипломатической миссией. Поэтому Ч.Валиханов и его спутники, большинство которых являлись поданными Коканда, были вынуждены выбрать путь в Кашгар через Иссык-Куль на Заукинский проход, где были кочевья кыргызов рода бугу, принявших к тому времени подданство России (См. с.8).

В качестве обратного пути с Кашгара караван Ч.Валиханова вновь не избрал дорогу "Кашгар-Ош-Коканд-Ташкент", хотя все купечество советовало ему и его спутникам следовать именно этой дорогой.

Таким образом, лишь единственная, но веская причина не позволила Ч.Валиханову и его каравану пройти через Ташкент, Коканд, Ош и другие города по пути в Кашгар и обратно.

Несмотря на это в трудах Ч.Валиханова имеются определенные сведения об этих городах. Так, например, г.Ош, или как его в тот период иногда называли "Тахт-Сулейман", упоминается 18 раз. Наиболее интересные из них, на наш взгляд, следующие высказывания Ч.Валиханова: "Около Оша есть камень, называемый Тахты-Сулейман, "Соломонов престол" - гробница Асафа, который, по восточным преданиям, был визирем этого пророка, и гробница пророка Юнуса (Ионы). Мы сами читали книгу о святых местах в окрестностях Оша. Из нее видно, что Магомет знал о существовании этого города и заповедовал всякому правоверному, хотя бы раз в жизни посетить ошские святилища. На поклонение в эти места приезжают ежегодно пилигримы с семьями из Коканда, Маргилана, Андижана и других городов Ферганской долины", (с. 183). "Вывозимые из Кашгара товары очищаются пошлиной в виде зекета в городе Ош" (с.209). "В Оше, одним месяцем позже (чем в Коканде - А.А.) поспевают плоды..." (с.39).

Таким образом, Ч.Валиханов описывает разнообразные события Кокандского ханства второй половины XIX века и наряду со многими именами неоднократно упоминает имя Алимбека-датка. Это прежде всего свидетельствует о том, что Алимбек-датка имел непосредственное отношение ко многим событиям, которые происходили в тот период. Из несистематизированных, отрывочных сведений Ч.Валиханова становится известно, что Алимбек-датка был предводителем одного из крупнейших кыргызских родов, имел титулы - бий, датка, хан, минбаш. Именно он со своими соплеменниками, имея огромное влияние и авторитет среди кыргызов юга Кыргызстана, помог Малля хану взойти на престол Коканда. Благодаря Ч.Валиханову мы знаем некоторые детали из жизни Алимбека-датка, которые можно считать дополнительными штрихами к сложившемуся сегодня образу Алимбека-датка.

Наряду со сведениями об Алимбек-датке, Ч.Валиханов описывает достопримечательности и караванные пути идущие через древний город Ош, трехтысячелетие которого будет отмечаться в этом году.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА ОШ

Источниковедческая база истории города Ош с древнейших времен до современности представлена многочисленными и разнообразными материалами. Известно, что каждому историческому этапу развития соответствуют определенные, отличные от других этапов, виды исторических источников. Например, для ранних этапов, когда письменности еще не было, преимущественное значение имели вещественные источники. Следует отметить, что любой источник отражает факты конкретной исторической действительности. Более того, каждый источник есть результат деятельности людей во всех сферах производства, общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни. Выполняя свою главную функцию, - функцию нести исследователю реальные факты, исторические источники тем самым отражают многие стороны истории как отдельного народа, государства, так и отдельных городов или личностей. Часто историческим источником выступает всякий реаль-

ный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через него получить определенные знания, информацию о другом объекте. Например, остатки керамических изделий, керамические водопроводы, монеты, украшения и многое другое. Следовательно, не зря ученые пришли к единому мнению о том, что исторический источник есть реализованный продукт человеческой деятельности. Именно в таком разрезе мы рассматриваем комплекс исторических источников истории города Ош. Они очень обширны и богаты. Прежде чем подробно останавливаться на них, необходимо отметить, что они отражают следующие отрасли истории города:

- уровень развития производства, потребностей общества;
- развитие материальной культуры, градостроительства;
- социально-экономическое, политическое положение города;
- международные связи и взаимоотношения города и горожан с другими регионами и городами Востока;
- географическое месторасположение города Ош;
- занятия населения города, национальный состав горожан;
- уровень развития промышленности и торговли;
- уровень развития духовной культуры народов, населяющих город Ош;
- демографию города;
- жизнедеятельность выдающихся ученых и политических, государственных деятелей кыргызов, имеющих непосредственное отношение к городу Ош.

В свою очередь круг источников истории города Ош включает следующие их виды:

1. Вещественные источники.
2. Письменные источники.
3. Устные (фольклорные) источники.
4. Этнографические источники.
5. Лингвистические (языковые) источники.
6. Кино- и фотодокументы как источники.
7. Фонозаписи как исторические источники.

Вещественные источники истории города Ош – это наиболее многочисленный, разнообразный и богатый вид источников. Большинство из них найдено или обнаружено в результате археологических раскопок. При этом часть археологических источников выступает как единственный источник по отдельным периодам или событиям истории города Ош в древние, средние века и нового периода. Такие виды вещественных источников часто восполняют скудные письменные источники по отдельным периодам истории. Позволим себе отметить, что древние вещественные источники изучены и изучаются высококвалифицированными и именитыми учеными археологами. Мы не стали затрагивать эту часть исследования истории города Ош по той простой причине, что это дело специалистов по археологии. Изучая все виды вещественных источников, мы пришли к выводу, что их можно классифицировать на следующие группы:

1. Орудия труда, прогрессирующие средства производства.
2. Предметы домашнего обихода, керамическая посуда и изделия бытового назначения.
3. Вооружение населения города и близлежащих районов.
4. Останки городских строений, крепостей и других зданий.
5. Могильники со всеми атрибутами и ритуальными комплексами.
6. Украшения населения и нумизматические источники.
7. Одежда, атрибуты домашнего интерьера.
8. Архитектурные памятники города Ош.
9. Иригационные системы, результаты градостроительства.

Комплекс вещественных источников позволяет выявить, изучить и сделать определенные выводы по многим отраслям истории города Ош. Необходимо отметить, что многие виды вещественных источников полностью или частично изучены учеными в разное время¹.

Особую группу источников составляют петроглифы или наскальные изображения Сулайман-Тоо. Петроглифы Сулайман-

1. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; Его же, Историко-археологическое изучение Ошской области // Ленинский путь. 1946, 25 августа; Его же. Древняя Фергана. Ташкент, 1952; Его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. // Его же. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана, Бишкек, 1998. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962, МИА, №118; Его же. Основные этапы истории, культуры южного Кыргызстана в свете новейших данных (1976-80 гг.) // Культура и искусство Кыргызстана, Тез. докладов Всесоюз. научн. конференции, Ленинград, 1983; Его же. Исследование Ферганской экспедиции в 1981-82 гг. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда // Тез. докл. Всесоюз. совещан. археологов в XI пятилетке, Ленинград, 1983; Его же, Основные этапы истории ошского оазиса, КСИА, 1983, Вып. 176; Его же, ошский оазис в древности. ИАН Кирг. ССР 1984, №2; Его же, ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы, Бишкек, 1997; Береналиев О. Работы в Ошско-Карасуйском оазисе. // АО. 1974, 1975; Горбунова Н.Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // ТГ.Э., 1979, Т.20; Ее же, К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой и Восточной Фергане. // ЭСГЭ. 1977. Вып. 18 // Абулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье (система расселения, районирования и типология) / Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Самарканд, 1988; Ахраров И. Керамика Ферганы XI-XII вв. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Ташкент, 1986; Большаков О.Т. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ, 1958, №12; Сайко Э.В. Глазурованная керамика Средней Азии XIII-XII вв. // Труды ИИАН Таджикской ССР. Т. XXXVI, Душанбе. 1963; Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX- нач.. XIII вв. Ташкент, 1967; Малтаев К.М. Из древней и средневековой истории города Ош // Кыргызстан-наше Отечество, Бишкек, 1997, С.31-33; Его же, О древней истории и культуре города Ош // Ренессанс или регресс. Бишкек, 1996, С.192-195; Все про Ош... Вып. 1. Из матер. междунаrodn. конфер. «Ош на пороге XXI века. Из глубины истории в цивилизованное будущее. Ош, 9-12 октября 1997 года. Ош, 1997; Изучение древнего и средневекового Кыргызстана, Бишкек, 1998; Древний Ош в Среднеазиатском контексте. Матер. междунаrodn. конфер., Ош, 1998.

Они относятся к числу древнейших творений человека в Ошском оазисе. В разное время учеными были выявлены наскальные изображения в 122 местах или плоскостях названной горы. Из них описаны 103 и скопированы всего лишь 23. Тем не менее петроглифы Сулайман-Тоо изучены и получили определенную оценку специалистов². Изображения животных, змей, коней, солонные знаки, фигуры Сулайман-Тоо повествуют о древних жителях Оша, об их мировоззрении, миропонимании и представлениях. Это, в свою очередь, придает особую значимость древней истории Оша и служит нам в качестве важной группы источников по нашей проблеме.

Письменные источники истории города представлены разнообразным и разножанровым письменным наследием прошлого. Наиболее ранними историко-географическими сочинениями по истории Оша были арабо-персоязычные, затем так называемые чагатайские письменные источники. Обширные сведения по истории Оша представлены русскоязычными источниками. Так, сведения по истории, исторической географии, этнографии, архитектуре средневекового города извлечены из переводов арабоязычных сочинений знаменитых ученых-путешественников, географов, историков разных государств и времен таких, как Абуд Касил Убайдуллах ибн Абдаллах ибн Хордадбек, Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак аль Хамадани (известного в научном мире под именем ибн аль Факих), Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль Истахри, Абу Зейда Балхи, Абу-л-Касим ибн Хаукал ан Насиби, Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Абу Бакр аль Банна аль Мукаддаси (Макдиси -авт.). Эти сведения составлены в разные времена, в разных местах и независимо друг от друга. Их данные позволяют получить реальную картину жизнедеятельности средневекового города Ош.

Персоязычные источники выступают как один из важнейших видов письменных источников по истории Оша. Описание месторасположения, климата, дорог, торговых маршрутов и центров, архитектуры, народов и их традиций, обычаев, границ и многое другое представлено в целом ряде трудов персоязычных авторов в эпоху средневековья. Это персидский вариант сочинения аль Истахри в переводе Наср ад-Дина или Абул Махасир Мухаммад ибн Согд ибн Мухаммада Нахчивани (ибн Саведжи), творение неизвестного персоязычного автора "Китаб худуд-ал алам мин аль-Машрик ила-л-Магриб" - "Книга о пределах мира от Востока к Западу", сочинения Наджима Хамадани "Аджиб ал-Махлукат ва гараиб аль мавджудат" - "О диковинках сотворенного и редкостях существующего" и другие. Данные персоязычных источников, несмотря на сравнительную малочисленность, ощутимо дополняют сведения арабоязычных материалов и тем самым создают единую целую источниковедческую базу средневековой истории города Ош.

Наибольшее число письменных документов представлено русскоязычными источниками, отразившими фактически всю сторону социально-экономической, политической, культурной жизни города и горожан. Это - торговые, дипломатические, межнациональные отношения, проблемы миграции населения, развития промышленности, образования и здравоохранения и многое другое. Весьма широкий круг русскоязычных источников можно разделить на следующие группы:

- известия, сообщения первых ученых и путешественников, руководителей военно-рекогносцировочных групп, отрядов, опубликованные в разных средствах массовой информации или выпущенные отдельными книгами, брошюрами;

- письма, репортажи, отчеты официальных дипломатических миссий;

- отчеты экспедиций с подробными комментариями и картами (необходимо учесть, что не все они были изданы в свое время, а многие, напротив, издавались по несколько раз);

- официальные документы-указы, манифесты, приказы, распоряжения, законы, положения и другие;

- путеводители, обзоры, обозрения, описания, справочно-статистические издания составляют особую группу русскоязычных источников. (Благодаря их подробным описаниям мы имеем возможность изучить колониальный период истории города Ош);

- официальные документы местных русских властей;

- протоколы заседаний различных кружков, обществ.

(Например, очень ценные сведения о городе Ош встречаются в протоколах туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА));

- периодическая печать как Ферганской области, Туркестанского края, так и различные газеты, журналы Санкт-Петербурга, Москвы, Оренбурга, Омска, Томска, Казани, Уфы и других городов. /Здесь представлена масса ценных, зачастую незаменимых исторических фактов, сведений и данных/. Попутно заметим, что в XIX веке особенно во второй половине, русская периодическая печать выходила трех типов: 1 - журналы; 2 - газеты; 3 -издания, известия различных научных, любительских, литературных, технических и других обществ. Возрастающая роль периодической печати в общественно-политической жизни Российской империи XIX - нач. XX вв. придавала ей особую значимость в качестве исторического источника. Ибо, благодаря разностороннему освещению всей сферы общественно-политической и социально-экономической жизни, материалы периодической печати и ныне являются важнейшим видом исторических источников;

- источники мемуарного, эпистолярного характера: воспоминания, мемуары, личные дневники и письма. (Эти источники, имеющие частное происхождение и требуют особой тщательности в изучении);

- научные статьи, труды, находящиеся на стыке историографии и источниковедения.

Все они вместе взятые составляют источниковедческую базу русскоязычных письменных источников по истории города Ош XVIII-XIX вв., включая дореволюционный период XX века. Благодаря им создается возможность проникнуть в суть исторических событий, процессов, выявить тенденцию развития города Ош в доколониальном и колониальном периодах его истории.

Устные источники представлены в виде множества легенд как относящихся к этимологии города, Сулейман-горы, мазаров, мавзолеев, мечетей, так и вокруг имен отдельных личностей. Это легенды об Адаме, пророке Мухаммеде, Сулеймане (Соломоне), Омаре, Юнусе (Иоанне), Исе (Иисусе), Али. Есть легенды, связанные с именем святых, таких, как Асаф ибн Бурхия, Ходжа Ахмед Аркам (вполне возможно Акрам), Ходжа Исхак Вали, Ходжа Гуман Гази, Хазрет Мухаммед Джурджани. Все эти легенды носят религиозный характер, они связаны с происхождением города Ош, священным местом - Сулейман-горой. Кроме этого, имеется ряд легенд, связанных с целительными свойствами священных мест Сулейман-горы, так называемой "Кичик Мекка" - "Малая Мекка". Эти легенды, по нашему мнению, придуманы потому, что многие жители не только Ферганской долины, но и близлежащих регионов по разным причинам не могли совершить хадж в Мекку. Чтобы облегчить их участь, местное духовенство культивировало легенды о Кичик Мекке. Более того, месторасположение города и Сулейман-горы, климат, воздух и многое другое подтверждали эти легенды.

Устные предания, легенды, сообщения сформировались и вокруг конкретных исторических личностей таких, как Султан Мухаммед Захир ад-дин Бабу, Кубат бий, Ажы бий, Алымбек датка, Курманжан датка и другие.

Благодаря устным источникам мы получаем возможность почерпнуть конкретные сведения о народах, населявших Ош, об их традициях, обычаях, вероисповедании, духовной культуре, занятиях, об ирригационной системе, градостроительстве, социальных отношениях, об особенностях отдельных кварталов, торговой системе, караван-сараях и о многом другом. Часть ус-

² Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып.2, Бишкек, 1999, С. 6-14.

тных источников составляют легенды. Известно, что в отличие от мифов легенды имеют определенную почву. Легенда – это традиционный рассказ в устном творчестве, в основе которого лежит фантастический образ или представление, воспринимающееся рассказчиком и слушателями как достоверное. В основе легенды лежит чудо, повествующее о чем-либо или о ком-либо конкретно. Таких легенд вокруг Оша, Сулейман-горы и святых людей достаточно много, что восполняет круг источников истории Оша.

Этнографические источники свидетельствуют о происхождении и местах расселения обитателей города, об их этнической географии, культуре, быте, обычаях, традициях горожан, об их взаимоотношениях с другими народами, городами и государствами, о миграции местного и пришлого населения, о национальном составе горожан, об их вероисповедании и о многом другом.

Лингвистические (языковые) источники представляют собой большой интерес, поскольку в них отражалась реальность не только прошлого, но и настоящего. Очень разнообразны, сложны и многогранны лингвистические источники города Ош. Учеными еще полностью не изучено, сколько и какие языки являлись господствующими со времени формирования ошского поселения до настоящего времени. Не меньший интерес представляет собой происхождение этимологии, топонимики Оша. В этом плане интересны исследования ученого-филолога К. Ибрагимова.³ Нам еще предстоит всесторонне изучить весь комплекс лингвистических источников по истории города.

Кино- и фотодокументы, а также фонозаписи – это, пожалуй, самые молодые виды исторических источников. Они наиболее точно, реально отражают историю Оша, ибо в них мало искажений. Интересные фотодокументы хранятся в архивах различных городов и государств нынешнего СНГ. В них запечатлены жизнь и быт города и горожан, места массового скопления населения, торговые и культурные центры, занятия, одежда, украшения, культура, градостроительство и др. Например, в нашем распоряжении имеется очень редкая фотография, сделанная ошским нотариусом П. Ульяновым и опубликованная Л.А. Зиминим в “Протоколах...” в 1913 году.⁴ На фотографии отражен общий вид Сулейман-горы, где наряду с так называемым домом Бабура четко видны очертания еще двух архитектурных памятников. Между тем многие до сегодняшнего дня считают, что к началу века там был только дом Бабура.

Существует несколько документальных кинофильмов, наиболее ранним из которых считается документальный фильм “На крыше мира”, снятый в двадцатые годы. В нем запечатлены кадры о Сулейман-горе как культового центра, священного места для тысяч паломников. Немаловажное значение имеют и другие документальные фильмы об Оше и горожанах. Ведь это тоже путь к постижению нашей истории.

В центральном госархиве и архивах соответствующих министерств, ведомств и учреждений хранятся пока малоизученные фонозаписи голосов знаменитых людей – горожан Оша, а также государственных, и политических деятелей нашего региона. Еще предстоит подробное их изучение с целью доведения до внимания широких масс.

Подводя итоги, отметим, что вышеуказанные виды источников открывают возможности для выявления, осмысления, исследования истории нашего города. Опираясь на такую источниковедческую базу, исследователь сможет воссоздать реальную историческую картину города Ош в эпоху средневековья и нового периода.

Из истории научно-исторического изучения Оша и юга Кыргызстана с 1917 года до наших дней

В первые годы советской власти история древнего ошского региона и г. Ош почти не изучались. Но в известном труде В. В. Бартольда “Киргизы” приводятся отдельные сведения об Оше в связи с походом монгольского правителя Абдулла хана в ферганскую долину.¹ Труды В.В. Бартольда представляют собой как бы связующее звено между дореволюционным и советским периодом российской историографии Кыргызстана. Как тщательный свод фактических материалов его труд “Киргизы” сохраняет свое значение и в настоящее время.

В 30-х-начале 50-х годов в период сталинского режима развитие исторической науки как в бывшем СССР, так и в Кыргызстане происходило неравномерно. Основными направлениями исторических исследований в эти годы были: проблематика классовой борьбы, тесно связанная с ней история партии большевиков, вопросы присоединения нерусских народов к Российской империи и т.д. Поэтому проблемы социально-экономической и политической жизни кыргызов, а также история городов и селений Кыргызстана в научной литературе фактически не рассматривались, а лишь попутно отражались в монографиях ученых республики.

Первая половина 60-х и 80-е годы нашего времени явились очередным этапом в развитии республиканской историографии. В эти годы историческая наука в Кыргызстане развивалась не изолированно, а в общем русле советской исторической науки, сочетая в себе многие положительные моменты и негативные явления застойных времен, свойственные бывшему Союзу ССР. Этот период также характеризуется появлением многих публикаций научных статей и сообщений, а также первых обобщающих монографических работ по изученным и слабоизученным вопросам.

История изучения г. Ош в кыргызской историографии начинается в 60-е годы. Об этом свидетельствуют отдельные брошюры Т. Айдашева, А. И. Исаева, М. М. Картовова,² которые носят историко-краеведческий характер, но фундаментальных, научно-исследовательских работ, которые бы освещали историю Оша со времени его возникновения и дальнейшего развития города не было.

Восполнить этот пробел помогает изучение археологических материалов и архитектурных памятников Ферганской долины, которые были найдены на месте древнего ошского поселения – одного из трех наиболее широко распространенных памятников Чустской культуры.

Изучение археологических памятников южных районов Ошской области в 50-60-е годы проводилось Ю. А. Заднепровским. Результаты исследования были изложены автором в двух его монографиях.³ Начавшееся планомерное и целенаправленное изучение памятников ошского поселения археологами дало свои результаты. Как свидетельствует Ю. А. Заднепровский, честь открытия ошского поселения принадлежит Е. В. Дружининой, сотруднице Ошского областного музея.⁴ После специализации на кафедре археологии она поступила на работу в Ошский областной музей. Занимаясь обследованием окрестностей Оша и склонов горы Сулайман, Е.В. Дружинина собрала большую коллекцию разновременной керамики, в том числе и обломки посуды, типичные для чустских поселений. Происхождение этих находок оставалось долгие годы неизвестным. В 1976 г. во время строительства дороги в музейный комплекс на склоне горы, Е. В. Дружинина обнаружила выходы культурного слоя с чустской керамикой.

Стационарные раскопки на ошском поселении начались в

³ Все про Ош... Выпуск 1. Ош, 1998. С. 40-47.

⁴ Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1913. Фото приложение.

1978 г. Ферганской экспедицией ЛОИА, совместно с Ошским областным краеведческим музеем. Большие работы были осуществлены на протяжении четырех сезонов (1979—1982 г.) В 1984 г. - в последний год деятельности экспедиции в Ошском оазисе - объем раскопочных работ был сокращен и основные усилия археологов были сосредоточены на обнаруженных остатках средневековой бани.

В результате перестройки во второй половине 80-х—90-е годы произошли коренные изменения в странах бывшего СССР. В эти годы историки не раз пытались осмыслить сущность смены общественно-политического строя, официальной идеологии и нравственных ценностей. Смысл новых подходов в оценке общественных явлений заключался в том, что хотя и медленно, но уверенно начался поступательный процесс освобождения исторической науки от приоритета классового подхода, утверждавшегося в период сталинских времен и застойные годы.

В этом контексте продолжалось изучение истории городов Кыргызстана в указанные годы. Всестороннее научное освещение истории города Ош с древнейших времен до 1917 г. получило в монографии В.Я.Галицкого, В.М.Плоских “Старинный Ош”. Очерк истории. (Фрунзе, 1987.). Долгое время в советской историографии считалось, что только Самарканд, Бухара, Хива и немногие другие города Центральной Азии являются древними городами-музеями под открытым небом. При этом г. Ош почему-то не упоминался. Между тем и г. Ош является исторически сложившимся центром Ош-Карасуйского оазиса на восточной окраине Ферганы. Поэтому исследование В. Я. Галицкого и В. М. Плоских явилось своевременным и актуальным в период перестройки и сегодня, когда общественность республики готовится отметить 3000-летний юбилей старинного города.

Монография этих авторов отличается от предыдущих тем, что в ней ставились проблемы в широком плане, а также рассматривались спорные вопросы истории города и отчасти юга Кыргызстана. Они начинают изложение истории Оша со спорной этимологии названия “Ош”, затем переходят к освещению самой истории города и его окрестностей с момента их заселения до 1917 г. Но вопрос о времени возникновения этих поселений и их превращение в город в исследовании оставался открытым. Ученые опираясь на арабские и персидские источники: сочинения Ибн Хордадбека и “Книга путей государств” аль-Истахри, а также на анонимное сочинение Х в. “Худуд-аль-Алам”, констатируют в заключении, что ошскому поселению около трех тысячелетий, а самому г. Ош одиннадцать веков⁵. В монографии также проанализированы экономическая, политическая жизнь Оша в общем контексте истории южного Кыргызстана.

Используя сведения русских и иностранных путешественников и опубликованные ханские документы, авторы подробно прослеживают хозяйственные занятия горожан с конца XVIII в. по 1875 год. Так, например, жители г. Оша занимаясь земледельческим хозяйством, могли вырастить 17 видов сельскохозяйственных продуктов.⁶ Характеризуя хозяйственную деятельность горожан в период включения Оша и южных районов Кыргызстана в состав Кокандского ханства, В. Я. Галицкий, В. М. Плоских считают, что система аграрных отношений этого ханства, повлиявшая на развитие земельных отношений в городе и среди окрестных кыргызов, носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада. Проследивая также политику экономического гнета правителей кокандских ханов авторы отметили, что выступление народных масс против кокандских правителей и чиновников завершилось присоединением южного Кыргызстана к России. Город Ош став уездным центром Ферганской области, с начала 1876 г. вступил в новый колониальный этап своего развития. Авторы поэтапно рассматривая все периоды становления Оша, выявили характерные черты каждого из них.

Но в главном все еще оставалось по-прежнему: классовый подход, господство марксистско-ленинской методологии в исторических исследованиях, отсутствовало критическое пере-

осмысление исторических событий с точки зрения общечеловеческих, гуманистических ценностей. В 80-е годы в исторической науке, отсутствовала общепринятая теоретическая база под нависшие перестроечные новации в общественной жизни. Об этом свидетельствует и тот факт, что В. Я. Галицкий, В. М. Плоских политическую и государственную деятельность Алымбек датки и его жены Курманжан оценивали двояко, с классовой точки зрения. В настоящее время ученые доказывают, что роль Алымбек датки и Курманжан датки в истории кыргызского народа прогрессивна.

Со второй половины 80-х годов изучение истории городов Кыргызстана стало неотъемлемой частью проблем общественно-экономических отношений кыргызов, как в составе России, так и бывшего СССР. В таком контексте освещается история г. Ош Дж. С. Бактыгуловым, Г. Я. Галицким и Ю. А. Заднепровским в универсальной энциклопедии “Ошская область”, изданной во второй половине 80-х годов на русском и кыргызском языках⁷. Авторы прослеживают историю г. Ош с древнейших времен до наших дней. Основываясь на результатах археологических исследований ученых из ферганской экспедиции ЛОИА АН СССР 1976-1984 гг., они показали, что история Оша значительно удревнилась. Ими выделены основные этапы истории города и ошского оазиса, центром которого он являлся. Ученые подтвердили, что наиболее древнее стационарное поселение земледельцев возникло здесь в эпоху поздней бронзы: на склонах Сулейман-горы, в центре современного г. Ош находится крупное ошское поселение указанного времени.

Ю. А. Заднепровский и его соавторы также считают, что комплекс археологических находок, найденных на ошском поселении сходен с материалами памятников чустской археологической культуры Ферганы и датируется периодом этой культуры. Эта дата также подтверждается и несколькими радиоуглеродными определениями. На территории города Ош материалы, относящиеся ко времени основания поселения, найдены также в котловине при строительстве здания Ошского государственного университета и на Чаян тепе. Следовательно, утверждают Ю. А. Заднепровский, В. Я. Галицкий и Д. С. Бактыгулов, ошское поселение сложилось 3000 лет тому назад и послужило зародышем будущего города Ош⁸.

В последующие 90-е годы результаты изучения ошского поселения, стационарные археологические раскопки, проведенные Ю. А. Заднепровским за последние 30 лет в обобщенном виде отражены в его монографии “Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы”. (Бишкек, 1997.). В данном исследовании автор, подробно останавливаясь на истории изучения памятников Ферганы и чустской культуры в целом приходит к заключению, что имеющиеся материалы позволяют обоснованно рассматривать ошское поселение как зародыш - “прародитель” города Ош, вокруг которого вырос позднее крупный, третий по величине в Фергане город⁹. В Оше как и в большинстве центральноазиатских городов, жизнь-продолжалась с основания и до настоящего времени, т.е. практически на одном и том же месте.

В конце 90-х годов в различных научных изданиях республики опубликованы статьи и монографии Т. Кененсариева, Ж. Жакыпбекова, Ж. Алымбаева, Д.Б. Сапаралиева¹⁰ и других, написанные с позиции приоритета общечеловеческих ценностей и гуманизма. Тем самым сделаны первые шаги в дальнейшем углубленном исследовании истории г. Ош. Предстоит еще много работы, чтобы проследить преемственность и непрерывность его исторического развития в историографическом плане.

Таким образом, ученым удалось установить глубокую древность Оша - одного из древнейших городов Центральной Азии, жизнь которого продолжалась с небольшими перерывами на протяжении трех тысячелетий.

Примечание и литература:

1. Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргы-

- зов и Кыргызстана. // Бишкек.: Шам, 1996. — С. 225.
2. Айдашев Т. *Город Ош. Краткий краеведческий очерк.* // Фрунзе.: Мектеп, 1968; Исаев А.А., Картавов М.М. *Город Ош. Краткий краеведческий очерк.* - Фрунзе.: // Кыргызстан, 1974.
 3. Заднепровский Ю.А. *Археологические памятники южных районов Ошской области, (середина I тысячелетия до н.э. - середина I тысячелетия н.э.).* // Фрунзе.: изд. АН Кирг. ССР, 1960.; Его же. *Древнеземледельческая культура Ферганы* // М.—Л.: изд. АН СССР, 1962.
 4. Заднепровский Ю.А. *Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы.* // Бишкек.: Мураc, 1997. - С. 7.
 5. Галицкий В.Я., Плоских В.М. *Старинный Ош. Очерк истории.* // Фрунзе.: Илим, 1987. С. 162.
 6. Там же, С. 62-63. (Подсчет наш.).
 7. *Ош - областной центр.* // В кн.: *Ошская область. Энциклопедия.* // Фрунзе.: КСЭ, 1987. - С. 133-148.; *Ош - областный борбору.* // Китепте.: *Ош областы. Энциклопедия.* // Фрунзе.: КСЭ, 1989. 130-145 б.б.
 8. Бактыгулов Дж. С., В.Я.Галицкий, Ю.А. Заднепровский. *Ош - областной центр.* // В кн.: *Ошская область. Энциклопедия...* С. 137.
 9. Заднепровский Ю.А. *Ошское поселение: к истории Ферганы.* ... С. 103.
 10. Кененсариев Т. *К вопросу историографии Оша.* // В сб: *Все про Ош ...* вып. 1. // Ош, 1998. С. 4-8.; Жакыпбеков Ж. *Из историографии социально-экономической жизни и народно-освободительных движений в Кокандском ханстве, (на материалах Оша и его окрестностей).* // Там же, С. 56-59.; Алымбаев Ж. *Ферганская долина в исследованиях русскоязычных авторов второй половины XIX-вв. в связи с завоеванием Средней Азии Россией.* // Там же, С. 59-63.; Сапаралиев Д.Б. *Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII в. до середины XIX в.* // Бишкек.: 1990, Подробную рецензию на эту монографию Д.Б. Сапаралиева см.: Жакыпбеков Ж. *Фергана и Ош: жизнь, политика, борьба. (Новая интерпретация этнополитической истории юга Кыргызстана и г. Ош с XVIII до середины XIX столетия).* - Утро Бишкека, 20-26 мая, 2000 г.

Н.А. Мадалиев

(Ош)

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА В КОНЦЕ XIX - НАЧ. XX в.

Изучение памятников истории и культуры Кыргызстана, начавшегося с последней трети XIX в. по настоящее время показали, что Кыргызстан располагает огромным количеством археологических памятников, которые представлены стоянками первобытных людей каменного века, поселениями и погребениями эпохи бронзы, разновременными курганными могилами, наскальными изображениями, каменными изваяниями, руинами античных и средневековых городов, поселений и селений, оросительными каналами, древними горнорудными выработками, архитектурными сооружениями, кладами различных предметов и т.д.¹

Многочисленные и разнообразные археологические памятники Кыргызстана уже давно привлекали к себе внимание. Самое примечательное то, что первые сведения о них относятся к периоду средневековья. Так, одним из наиболее ранних упо-

минаний о древностях края является известие автора IX в. Тамим ибн Бахра о развалинах города на берегу озера Иссык-Куль².

Т.Чороев привлекает извлечение из сообщений Тамима ибн Бахра ал-Мутаввайи: "Так он (т.е., Тамим - Т.Ч.) ехал 20 дней по степям, где имеются ключи и пастбища и где нет ни деревень, ни городов, исключая людей почтовых станций. Они проживают в палатках"³.

Об отдельных археологических памятниках Кыргызстана, в частности, Иссык-Кульской котловины, становится известно к концу XVIII - первой половине XIX в.

Заслуживает внимание упоминание о древностях Кыргызстана сибирского географа С.У. Ремезова. На картах его "Чертежной книги", составленных в 1697 г., в верховьях Таласской долины отмечен пункт под названием "Орхон каменъ". Примечательно то, что спустя 200 лет - в 1896 г. на месте, обозначенном С.У.Ремезовым, были обнаружены памятники орхон-енисейской письменности⁴.

В 1851 г. Н.Я. Воронин и И.С. Нифантьев сообщили об обнаружении большого медного котла на южном берегу Иссык-Куля и 96 серебряных монет с надписями на берегу реки Каракол⁵.

Во второй половине XIX в. территория южного Кыргызстана была менее исследована, чем ее северные районы. Начало ее изучению положил выдающийся русский ученый А.П. Федченко. В 1871г. он обследует древности г.Ош. Узгенское городище и его архитектурные памятники. В 1885 г. памятники архитектуры Узгена были осмотрены Н.А. Веселовским.

Как показывает Б.А. Литвинский, специфические надмогильные сооружения в Северной Фергана, т.е. на границе Кыргызстана с Узбекистаном, впервые были отмечены в начале XIX в. Побывавший в 1813-1814 гг. в Фергана переводчик Филипп Назаров, описывая свой путь, сообщает: "По тракту на Коканд мы пошли мимо горы Ходжент, в 15-ти верстах от горских жителей отстоящей. По дороге ...видели поблизости ключей древний памятник, имеющий внутри отверстие, посреди коего выкладена каменная могила". Далее Б.А. Литвинский приводит слова Д.М. Траненицкого о курганах Ферганы: "в горах между Ангренем, Сыр-Дарьей и Алаем, кучи камней арыкам, вообще пункты, обращающие на себя внимание, следы работ, производившиеся в незапамятное для населения время приписываются народу Мук..."⁶.

Заслуга начала научных раскопок курганов в Средней Азии принадлежит Н.И.Веселовскому, доктору, впоследствии, профессору факультета восточных языков Петербургского Университета.⁷

В конце декабря 1884 г. он прибыл в Ташкент, а в январе 1885 г. производил раскопки на городищах под Ташкентом. В феврале же он выехал в Ферганскую область. Именно здесь, в Северной Фергана, он изучал курганные древности. Проводя свою экспедицию, совершил, в частности, разведки в Северной Фергана, от Коканда до Ашта. При этом в Ашхе, Пунуке, Чадаке и в Касане он осмотрел около 100 курганов. Главное внимание он тогда уделил району Ашта и Ашхскому могильнику. В разных местах им было вскрыто 15 курганов, в основном близ Ашта, один в Тунуке и несколько в Чадаке⁸.

Н.И.Веселовский был первым археологом, обследовавшим археологические памятники южного Кыргызстана, в частности, собственно г.Ош. Он осмотрел надпись на горе Сулайман-Тоо г.Ош, связанной с именем Самаркандского правителя Насра-ибн Ахмеда, выбитая на скале на вершине горы, обилие так называемого домика Бабура, датируемой 940-941 гг. хиджры⁹. Остатки надписи видны и в настоящее время. К сожалению, этот важный эпиграфический памятник не изучен и совсем не опубликован¹⁰.

В том же году Н.И. Веселовский проводит небольшие раскопки на Узгенском городище¹¹.

Дальнейшее изучение древностей южного Кыргызстана связано с деятельностью туркестанского кружка любителей ар-

хеологии, образованного в 1895 г. в г. Ташкент.

Археологические открытия на территории Кыргызстана были столь значительны, что послужили одной из причин отправки сюда исследователей из Петербурга.

Русские ученые и исследователи дореволюционного времени (до 1917-1918 гг.) значительно расширили сведения в области археологии, истории, эпиграфики и географии Кыргызстана. Они проникают в самые труднодоступные уголки Тянь-Шаня и публикуют на страницах печати сообщения об отдельных находках древних предметов, могильников, развалин крупных и мелких поселений, городов, наскальных рисунков, архитектурных памятниках. Сведения об археологических открытиях вызвали глубокий интерес у русских востоковедов к этой окраине России¹².

Важный этап в изучении археологических памятников севера и юга Кыргызстана составили поездки В.В.Бартольда в Среднюю Азию в 1893-94, 1902, 1904, 1916, 1928 гг. Первая поездка была организована в мае 1893 г. Петербургским Университетом¹³. Он частично обследовал памятники старины Таласской, Чуйской долин, Иссык-Кульской котловины и внутреннего Тянь-Шаня¹⁴. В 1893-1894 гг. В.В. Бартольд не только осматривал развалины среднеазиатских городов, могильники, каменные изваяния и наскальные рисунки, но и собирал предания и рукописи. Особую ценность представляет то, что в своих исследованиях он использовал письменные источники арабо-персидских авторов IX-XVI вв. для изучения археологических объектов.

В.В.Бартольд был одним из организаторов туркестанского кружка любителей археологии, и принимал активное участие в его деятельности. Его члены провели большую работу по выявлению, регистрации и изучению памятников археологии и архитектуры, а также занимались сбором вещественных материалов. В.В.Бартольд понимал археологию как дисциплину, занимающуюся изучением вещественных источников и составляющую с историей единое целое. Он писал: "История, археология и этнография захватывают сопредельные области знания, что эти три науки строго неразделимы, одна другую восполняет"¹⁵.

Во время второй поездки В.В.Бартольд посетил г.Ош. Лично рассматривал архитектурные памятники г.Ош, при их описании он широко использовал соответствующие средневековые арабо-персидские источники. Гора Тахт и Сулайман около Оша упоминаются у Джемала Карши под названием Барака, а у Бабура - под названием Баракух, относительно приурочена легенда цикла о царе Соломоне, к этой горе у Бабура ничего не сказано (мы узнали от него только, то что о достоинствах Оша имеется много хадисов), но это приурочение должно было иметь место уже тогда, потому что, согласно Джемалу Карши, недалеко от этой горы находилась могила везира Асафа б. Барахия (Бурхии Н.М.)¹⁶.

В.В.Бартольд одним из первых указал, что одним из средневековых достопримечательностей средневекового г.Ош были трое ворот - Ворота горы, Ворота реки (воды) и Ворота храма огнепоклонников, - своеобразный атрибут, почитание средневекового г.Ош, которые зафиксированы в арабо-персидских источниках¹⁷.

Кыргызстан богат таким видом памятников, как наскальные рисунки. Они встречаются почти повсеместно, во всех районах. Самым крупным из них является Саймалы-Таш... Саймалы Таш - одно из крупнейших скоплений наскальных рисунков не только Кыргызстана, но и всей Центральной Азии. По количеству рисунков, по сюжетному разнообразию и хронологической протяженности, их местонахождению высоко в горах, в труднодоступном и уединенном месте, и по другим компонентам это уникальное явление среди памятников мирового значения¹⁸.

Саймалы-Таш находится в горах Ферганского хребта на высоте более 3000 м. над уровнем моря, в виде завала из сотен тысяч камней, на поверхности которых и выбиты различные рисунки¹⁹.

Это высокогорная "картинная галерея" - исключительно интересный памятник древней культуры населения Тянь-Шаня, был открыт в 1902 году военным топографом Н.Г.Хлудовым, затем осмотрен в 1903 году членом туркестанского кружка любителей археологии И.Т.Пославским²⁰. Впервые открыв этот памятник, они отметили исключительный интерес комплекса, но исследовать его им не пришлось. И только спустя сорок с лишним лет, в 1946 году начинается его научное изучение Б.М.Зима. Он обследовал Саймалы-Таш более тщательно и попытался дать первую характеристику и датировку рисунков²¹.

Судьба открытия Н.Г.Хлудова была сложной, но впрочем, довольно типичной для развития науки в дореволюционной России.

Значительные наскальные рисунки рассеяны в разных регионах Ошской области. Так, обнаруженный еще в 1926 г. местным школьником Г.Ажгиреем интересный памятник наскального искусства Аравана и Айырмач-Тоо возле г. Ош впервые был введен в научный оборот учеными в 1939 году²². В этом плане большой вклад был внесен патриархом среднеазиатской археологии, академиком И.Е.Массоном. Сюжеты этого и других памятников нашли отражение в ряде его работ, и прежде всего, в статье "Древние наскальные изображения домашних лошадей в южном Киргизстане" (Массон, 1940, с.133)²³.

Примечания:

1. Винник Д.Ф. Пятьдесят лет Советской археологии в Киргизии//С.А. 1967. № 1 - с. 79.
2. Он же: Начало изучения древностей Киргизстана //Памятники Киргизстана (П.К.) Вып. 9. Ф., "Киргизстан" 1987.-с. 48.
3. Чоротегин Т. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии Домонгольского времени. Б. 1995.-с.48.
4. Кожемяко П.Н. История археологического изучения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Ф. 1963 -с.7; Горячева В.Д., Перезудова С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины. Б. "Кыргызстан" 1995.-с.37.
5. Омуркулов М. Изучение памятников истории и археологии Кыргызстана //Кыргызстан наше Отечество. История взаимосвязей и упрочения единства народов Кыргызстана в условиях становления независимого государства. Б. "Мурас". 1997-С.43.
6. Цитируется по: Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М. "Наука", 1972.-с.137.
7. Там же, - с.137-141.
8. Там же, - с. 141.
9. Ю.А.Заднепровский. Основные этапы древней истории г.Ош и ошского оазиса// Ош-3000. Юбилей века. Научно-обоснованная концепция "Ош-3000". Б. "Акыл". 1997. - с.41.
10. Там же.
11. Д.Ф. Винник. Начало изучения древностей Киргизстана, - с. 49.
12. М.И.Москалев, В.В.Бартольд о памятниках кочевого населения и эпиграфике Северной Киргизии. Актуальные вопросы этнографии и археологии Киргизии. Сб. научных статей, КГУ, Ф. 1989.-с.60.
13. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. М. "Наука" 1986. - с 21.
14. Там же, - с 30-77.
15. Окраина. 1894. № 16.-с.35.
16. Бартольд В.В. Фергана (Статьи из "энциклопедии ислама"). - Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана Б. "Шаи". 1996.-с.362.
17. Он же: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. в 9-ти т. I.-с.292.
18. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. 1980 г.; Ташибаева К.И., Новые исследования Саймалы-Таша.. //Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Б. "Мурас". 1999. - с.72.

19. Хлудов Н.Г. Перевал Саймалы-Таш, на котором найдены камни с надписями // Протоколы туркестанского кружка любителей археологии, год VII. Ташкент 1902 г.; Пославский И.Т. Из поездки на Саймалы-Таш // Протоколы туркестанского кружка любителей археологии, год VIII. Ташкент 1903.
20. Зима Б.М. К вопросу о происхождении наскальных изображений // Труды Киргизского государственного пединститута, том 2, выпуск 2, Ф. 1947 г.; он же: Из истории изучения наскальных изображений в Киргизии // Труды института истории Академии наук Киргизской ССР, вып. VI. Ф. 1958.
21. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таша // Советская этнография, №2, 1952 г.
22. Абетеков А.К. Кыргызстанская петроглифика: некоторые вопросы изучения и интерпретации // Новое о древнем, - с.114.
23. Массон М.Е. Древние наскальные изображения домашних лошадей в южном Кыргызстане. Труды ИЯЛИ Кирг.ССР т.2, - Ф.1940., он же, Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Археолог на строительстве БФК в 1939 г. Т. 1976. С.157.

Т.Н. Заднепровская, **Ю.А. Заднепровский**
(Санкт-Петербург)

Город Ош и ошский оазис в древности:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Научные конференции, посвященные 3000-летию г. Ош)

- I. Ош на пороге XXI в.: Из глубин истории в цивилизованное будущее: Междунар. конф. Ош. Окт. 1997 г.
1. Все про Ош... Вып. I. (Из материалов Междунар. конф.: Ош на пороге XXI в.: Из глубин истории в цивилизованное будущее) / Ош. обл. гос. администрация Гос. дирекция "Ош-3000"; Ген. дирекция "Ош-3000"... Ош, 1998. - 124 с.
2. Ош на пороге XXI в.: Из глубин истории в цивилизованное будущее: Хроника Междунар. конф. // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.68.
- II. Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Междунар. науч.-теоретич. конф. Ош. Май. 1997 г.
3. Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Хроника Междунар. конф. // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.68.
4. Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Сб. материалов Междунар. науч.-теоретич. конф./Ош.технол. ун-т. - Ош, 1997.
- III. История и культура Оша и Ошской обл. в домонгольскую эпоху. Междунар. науч. конф. Ош. Окт. 1998 г.
5. Абдуллоев Д. История и культура Оша и Ошской обл. в домонгольскую эпоху: Хроника Междунар. конф. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2.С.120.
6. Древний Ош в среднеазиатском контексте: ТД Междунар. конф. История и культура Оша и Ош. обл. в домонгольскую эпоху/ Ош. обл. гос. администрация; НАН Кырг.Респ.; Гос. ди-

- рекция «Ош-3000» при правительстве Кырг. Респ. Ген. дирекция «Ош-3000»; Отв.ред.В.М.Массон.-Ош,1998.-78 с.
7. Из заключительного выступления В.М.Массона// Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.Вып.2.С.121.
8. Сулайманов Э. История и культура Оша и Ошской обл. в домонгольскую эпоху: Отчет об итогах междунар.науч.конф./ / Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.Вып.2.С.120-121.

IV. Южный Кыргызстан в археологическом отношении

9. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала/ АН СССР. Киргфил. ИЯЛИ. - Фрунзе, 1943.-67с. Первые сведения об археологическом обследовании Ошского оазиса в 1941 г.
10. Бернштам А.Н. Из истории восточной Ферганы и Алая: Крат.отчет археол. экспедиции 1946 г // ИКиргФАН СССР. 1947.Вып.6.С.115-116.
11. Бернштам А.Н. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. 1949.Вып.28.С.54-66: ил., карт.
12. Бернштам А.Н. Древняя Фергана: Науч.-попул. очерк / АН УзССР. ИИА.- Ташкент, 1951.- 48 с.
13. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / АН СССР. ЛОИА.- М.-Л. . 1952. - 347 с.: ил., карт. - (МИА. №26).
14. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка: Юго-Зап. Киргизия /АН КыргССР. ИИ. - Фрунзе, 1962. - 128 с., ил.,
15. Брыкина Г.А. Динамика развития земледельческих оазисов Ферганы// Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.С.18-20.
16. Воробеева В.А., Горячева В.Д. Великий Шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы// Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.С.34-39.Библиогр.:с.39.
17. Горбунова Н.Г. Древняя Фергана по письменным источникам// Древний Ош в среднеазиатском контексте: ТД. Ош, 1998.С.29-31.
18. (Горбунова Н.Г.) Gorbunova N.G. The culture of ancient Ferghana: VI century B.C. - VI century A.D. - Oxford, 1986. - 365с.: ил.
19. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа// ТКАЭЭ. 1959.Т.3. С.23-30.
20. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в южной Киргизии в 1954 г. // ТКАЭЭ. 1960.Т.4. С.164-168: ил., карт.
21. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской обл.:Середина I тыс. до н.э. - середина I тыс.н.э. / АН.КиргССР. ИИ.- Фрунзе, 1960.- 176 с.: ил.,карт.
22. Заднепровский Ю.А. Динамика развития оседлоземледельческой культуры Ферганы// Араб. кризис.Ист.-геогр. ретроспектива. М.,1991.С.186-198.
23. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы/ АН СССР.ИА. - М.-Л., 1962. - 328 с.: ил. - (МИА.№ 118).
24. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана// История Киргизской ССР. Фрунзе. 1984. Т.I, гл.3, З.С.177-201: ил.
25. Заднепровский Ю.А. Комплексное изучение ошского оазиса /Фергана// Достижение советской археологии в XI пятилетке:ТД. -Баку. 1985.С.149-150.
26. Заднепровский Ю.А. Номады древней Ферганы: Типология памятников, районирование, ист. использование// Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.С.53-74: ил., карт.
27. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса // КСИА. 1964. Вып.98. С.18-22: ил.
28. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры

- южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984 гг.) // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С.15-32, 8 л.ил.
29. Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. - середина I тыс. н.э.); // Фортификация в древности и средневековье: Материалы метод. семинара ИИИК. СПб., 1995. С.21-23.
 30. Заднепровский Ю.А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА. 1993. №209. С.17-23.
 31. Заднепровский Ю.А. Сто лет археологического изучения Ферганы // ИБМАИКЦА. 1986. Вып.10. С.75-82.
 32. Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом Шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: ТД. Ташкент, 1990. С.95-97.
 33. Изучение древнего и средневекового Кыргызстана // Сб.ст./ НАН Кырг.Респ. Гос. дирекция «Ош-3000» при Правительстве Кырг.Респ.; Отв.ред. В.М. Массон.- Бишкек: Мурас, 1998.- 72 с. ил.- /Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана: Вып.1 /.
 34. Массон В.М. Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане Бишкек, 1999. Вып.2. С.4-6. Библиогр.: с.6.
 35. Новое о древнем и средневековом Кыргызстане: Сб.ст./ НАН Кырг.Респ.; Гос. дирекция «Ош-3000» при Правительстве Респ.; Отв. ред. В.М. Массон.- Бишкек: Мурас, 1999.- 124 с.: ил. - (Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана; Вып.2).
 36. Ташбаева К.И. Основные проблемы археологии Кыргызстана // Изуч. Древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.20-23. Библиогр.: с.22-23.
 37. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии/ Гос. Эрмитаж; Предисл. А.П.Окладникова. - М., 1980. - 328 с.: ил.
- V. Ош в веках: основные этапы истории города**
38. Азимов К.А. Культурное наследие юга Кыргызстана в плане основных мероприятий по празднованию 3000-летия Оша // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.71.
 39. Аманбаева Б.З., Дэвлет Е.Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2. С.6-14; ил. То же. Крат. излож. // Древний Ош в среднеазиат. контексте. Ош, 1998.
 40. Бекташева В.У. Святые и культовые места Сулайман-Тоо города Оша // Все про Ош..., 1998. Вып.1. С.106-108.
 41. Ведутова Л. Реконструкция семантики изображений следов человека в наскальной графике Сулайман-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2. С.21-23. Библиогр.: с. 23. Все про Ош... Вып.1. Ош, 1998. См. №1.
 42. Заднепровский Ю.А. Возраст Оша - центра одноименного оазиса // Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Сб. материалов Междунар. науч.-теоретич. конф. / Ош-технол. ун-т. Ош, 1997. С.8-10.
 43. Заднепровский Ю.А., Бактыгулов Дж., Галицкий В.Я., Плоских В.М. История // Ошская область: Энциклопедия. Фрунзе, 1987. С.44-73; ил.
 44. Заднепровский Ю.А., Бактыгулов Дж., Галицкий В.Я. История г. Ош // Ошская область: Энциклопедия. Фрунзе, 1987. С.137-148.
 45. Заднепровский Ю.А., Садыкова Р.Т.; Хардина Э.Х. Хронология // Ошская область. Энциклопедия. Фрунзе, 1987. С.155-166.
 46. Заднепровский Ю.А. К трехтысячелетию г. Ош // Новые исследования археологов России и СНГ: СПб., 1997. С.144-146.
 47. Заднепровский Ю.А. Начальный этап истории изучения Ферганы и города Ош // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.6-7. Библиогр.: с.7.
 48. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории ошского оазиса // КСИА. 1983. Вып.176. С.51-57.
 49. Захарова А.Е. Французская экспедиция 1887 г. в Оше // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.62-64; ил. Библиогр.: с.64.
 50. Ибрагимов К. Микротопонимика Оша // Все про Ош..., 1998. Вып.1. С.40-47. Библиогр.: с.47.
 51. Кененсариев Т. К вопросу историографии Оша // Ош в веках... 1998. Вып. 1. С.4-8.
 52. Кененсариев Т. Ош и ошский оазис: Взаимодействие кочевого и оседлого типов общественной жизни // Новое о среднем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2. С.70-71.
 53. Малтаев К.Ж. Древний и средневековый г. Ош - один из центров раннего зороастризма - огнепоклонничества // Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Сб. материалов науч.-теоретич. Конф. / Ош. технол. университет, Ош, 1997. С.10-11.
 54. Малтаев К.Ж. Из древних пластов истории города Ош // Тр., молодых ученых в области экономики и гуманитар. наук / НАН КР, Юж.-регион. отделение. Ин-т обществ. наук. Ош, 1996. С.45-53.
 55. Малтаев К.Ж. Новые археологические находки из г. Ош и ошского оазиса // Древний Ош в среднеазиатском контексте: ТД. Ош, 1998. С.65-66.
 56. Малтаев К.Ж., Сулайманов Э.Ж. Фергана и ошский оазис: Междунар. культур. и торговые связи // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2. С.92-98.
 57. Мамытов С.А. К проблеме этимологии слова "Ош" // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2. С.76-77.
 58. Мамытов С.А. Легенды и предания об Оше, как источнике изучения этимологии названия и истории города // Древний Ош в среднеазиатском контексте: ТД. Ош, 1998. С.13-15.
 59. Массон В.М. Ош и городские центры Ферганской долины // Древний Ош в среднеазиат. Контексте: ТД. Ош, 1998. С.15-19.
 60. Молдобаев И.Б. Древний Ош: Пробл. и перспективы изучения // Изуч. Древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.32-34. Библиогр.: с.34.
 61. Нуридинова Т.С. Новые материалы к археологии Ошской обл. // Древний Ош в среднеазиат. Контексте: / Ош, 1998. С.68-69.
 62. Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана / НАН Кырг. Респ. Гос. Дирекция "Ош-3000" при Правительстве КР - Бишкек: Мурас, 1998-1999. Вып.1 1998. см. М 33. вып.2. 1999. см. М 35.
 63. Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций: Сб. материалов Междунар. науч.-теоретич. конф. / Ош. технол. ун-т.-Ош, 1997.- 206 с.
 64. Сарыков Т.К. Город Ош: Археология и история: Учеб. пособие / ОшГПИ; Ош. обл. совет ООПИК КиргССР.- Ош, 1983. - 86 с.
 - 64а. Сулайманов Э.Ж., Насиров Т.А., Малтаев К.Ж. Духовная культура народов Кыргызстана по наскальным рисункам горы Сулайман-Тоо // Фергана - долина дружбы и взаимосогласия. Бишкек: Мурас - АО Учкун, 1998. С.66-70.
 - 64б. Сулайманов Э.Ж., Насиров Т.А. Наскальные изображения Тахт-и-Сулайман, как источник по истории г. Ош // Ошский оазис на стыке континентов цивилизаций: ТД. Ош. С.13-14.
 65. Сулайманов Э.Ж., Малтаев К.Ж., Насиров Т.А. Петроглифы горы Сулайман-Тоо и огнепоклонничество населения древнего Оша // Все про Ош... 1998. Вып.1. С.13-19.
 66. Табышалиева А.С. Тахт Сулайман - святыня Ферганы // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных территорий. Бишкек, 1999. С.10-11.

дельных областей Средней и Центральной Азии: ТД. Бишкек, 1991. С.105-107.

VI. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. ЧУСТСКАЯ КУЛЬТУРА

1. Ошское поселение

67. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы / НАН Кирг.Респ.; РАН. ИИМК; Гос. дирекция «Ош-3000»; Генеральная дирекция «Ош-3000». - Бишкек: Мурас, 1997. - 172 с. ил.
68. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века // ИАН КиргССР. 1981. № 2. С. 92-96.
69. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века // ПКирг. 1982. № 5. С. 25-30, ил.
70. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы // ИБМА-ИКСА. 1984. Вып. 7. С. 38-45.
71. Заднепровский Ю.А. Уникальные ошские землянки эпохи поздней бронзы // Лавров. (Среднеаз-кавказ) чтения 1996-1997 гг.: Крат. содерж. докл. СПб., 1998. С. 34-38.
72. Заднепровский Ю.А., Марков Ю.Н. Хронология чустской культуры Ферганы в свете новейших радиоуглеродных данных // ИАН КиргССР. Обществ. науки. 1989. № 2. С. 65-69.
73. Малтаев К.Ж. Ошское поселение бронзового века: Факты и гипотезы // Все про Ош... 1998. Вып. 1. С. 8-13.

2. Ошский оазис в эпоху поздней бронзы

74. Археологические работы в Киргизии / Абетеков А.К., Гаврюшенко П.П., Заурова и др. // АО. 1967-1968. С. 356-360.
75. Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности // ИАН КиргССР. 1984. № 2. С. 54-59.
76. Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., 1966. Гл. 3. С. 193-207.
77. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. - М., 1978-52с.
78. Матбабаев Б.Х. Локальные варианты чустской культуры Ферганы: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. - Л., 1-885. - 18 с.
79. Матбабаев Б.Х. Некоторые вопросы классификации керамики чустской культуры Ферганы // Великий Октябрь и некоторые вопр. ист. науки. ТД. Фрунзе. 1987. С. 100.

VII. РАННЕЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

1. Эйлатанский комплекс (VII – VI-IV вв. до н.э.)

80. Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан: К вопр. о датировке памятника // СА. 1960. № 3. С. 29-45: ил.
81. Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения даваньского государства // Раннежелезный век Сред. Азии и Индии: ТД. Ашхабад, 1984. С. 31-33.

2. Поведения и могильники эйлатанской культуры в ошском оазисе

82. Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа / АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 91-122: ил.
83. Заднепровский Ю.А. Фергана: Эйлатанская культура // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Сред. Азии. М., 1985. Гл. 8. С. 195-198.
84. Заднепровский Ю.А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 87-95.

VIII. ЭПОХА ДАВАНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Городище Шурабашат - эталонный памятник эпохи Давани

85. Заднепровский Ю.А. Городище Шурабашат // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 99-108: ил.

86. Заднепровский Ю.А. Шурабашат и Керкидон // Фергана в древности и средневековье. Самарканд. 1994. С. 42-49.

2. Поселения и могильники шурабашатской культуры в ошском оазисе

87. Абдулгасиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье: Система расселения, районирования и типология: Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. - Самарканд, 1988. - 20с.
88. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. / АН СССР. ИА. - М., 1982. - 196 с.: ил. карт.
89. Гаврюшенко П.П. К вопросу о культурно-экономической и социальной истории Восточной Ферганы: Вторая пол. I тыс. до н.э. // ИАН КиргССР. 1970. № 6. С. 97-102.
90. Гаврюшенко П.П. Кулунчакское укрепленное население: К ист. Вост. Ферганы 2-й пол. I тыс. до н.э.: Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИИ. - Ташкент, 1970. - 26 с.
91. Гаврюшенко П.П. О хронологической классификации керамики Кулунчакского поселения // ИАН КиргССР. 1969. № 2. С. 70-74.
92. Горбунова Н.Г. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в Восточной Ферганы // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 52-56.
93. Заднепровский Ю.А. Городище Бекмур-Тепе // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 88-95: ил.
94. Заднепровский Ю.А. Городище Маты. Некоторые итоги историко-археологического изучения // РА. 1998. № 1. С. 162-174: ил. Библиогр. с.
95. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат: некоторые итоги изучения // ИМКУз. 1991. Вып. 25. С. 62-72.
96. Заднепровский Ю.А. Некрополь городища Темир-Корут // УСА. 1979. Вып. 4. С. 89-90.
97. Заднепровский Ю.А. Фергана / в античную эпоху // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Сред. Азии. М., 1985. Гл. 16. С. 304-316: карт.
98. Заднепровский Ю.А. Цитадель Бекмуртепа // ИМКУз. 1979. Вып. 15. С. 153-154.
99. Заднепровский Ю.А. Уникальная находка в южной Киргизии // СА. 1985. № 3. С. 258-260: ил.
100. Перегудова С.Я. Древняя Фергана по письменным источникам и археологическим материалам / Изуч. древ. и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С. 11-17: ил. Библиогр.: с. 17.

IX. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Средневековый Ош

101. Айдашев Т. Город Ош: Крат. краевед. очерк. - Фрунзе, 1968. - 88 с.: ил.
102. Аманбаева Б.Э., Абдуллоев Д. Предварительный Ош в свете раскопок 1998 г. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып. 2. С. 44-46. Библиогр.: с. 46.
103. Аманбаева Б.Э. Раскопки древнего Оша // ИАН КиргССР. Обществ. науки. 1988. № 2. С. 84-85.
104. Аманбаева Б.Э. Раскопки древнего Оша // ПКирг. 1989. Вып. 10. С. 41-42.
105. Аманбаева Б.Э. Средневековая баня-хаммам в Оше: Предварит. итоги изучения // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С. 44-45. Библиогр.: с. 44.
106. Галибин В.А., Заднепровский Ю.А. Стекло средневековых городов Оша и Узгена // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып. 2. С. 62-68: ил.
107. Галицкий В.Я., Плоских В.М. Старинный Ош: Очерк истории / АН КиргССР. ИИ. - Фрунзе, 1987. - 176 с. - 17 ил.
108. Джуманалиев Т.Д. Город Ош в эпоху позднего средневековья // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып. 2. С. 101-102. Древний Ош в среднеазиатском контексте: ТД МК История и культура Оша и Ош. обл.

в домонгольскую эпоху. См. №

109. Захарова А.Е. Памятник архитектуры Асаф ибн Буркия// Тр. молодых ученых в области экономики и гуманитар. наук/ НАН Кирг. Респ. Юж. регион. отд.-ние. Ин-т обществ. наук. Ош, 1996. С.31-44.
110. Захарова А.Е. Памятники жилой и культовой архитектуры старинного Оша// Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып.2.С.56-62. Библиогр.: с.62.
111. Касымова К.А. О химическом составе сплава медной трубы на архитектурном памятнике средневековья (XI-XII в.) "баня" в г.Ош// Древний Ош в среднеазиат. контексте: ТД. Ош, 1998.С.54-56.
112. Ж.Кененсариев Т. Средневековый Ош и его окрестности как центр синтеза кочевого и оседлого типов общественной жизни// Древний Ош в среднеазиат. контексте: ТД. Ош, 1998.С.56-58.
113. Мусульманское сказание о городе Ош / Пер., предисл.и примеч. Л.А. Зимина // ПТКЛ. 1913.Год.18 /на тит.л. и обл.ошиб.указан Год 17/. Вып.1. С.3-16, 6 л. ил.
- 113(2).Нуридинова Т.С. Чираги-светильники средневекового города Ош и их декоративное оформление// Ошский оазис на стыке континентов и цивилизаций. Ош, 1997.С. 16-17.
114. Ормокеев Б. Керамические изделия на территории г. Ош в средние века// Все про Ош... 1998. Вып.1. С.49-50.
115. Работы южно-кыргызского археологического отряда КАЭЭ в 1998 г./ Аманбаева Б., Абдуллоев Д., Сулайманов Р., Грицина А., Набоков В.// Древний Ош в среднеазиат. контексте: ТД. Ош, 1998.С.45-47.
116. Тентиева Ж., Иманкулов Д. Реставрация и консервация памятников архитектуры эпохи караханидов г. Ош и Ошской обл.// Древний Ош в среднеазиат. контексте: ТД. Ош, 1998.С.72.

2. Средневековые города южной Киргизии.

Погребальные памятники

117. Абдулгазиева Б. Новые памятники раннего средневековья в Восточной Фергане// ИМКУз. 1987. Вып.21. С.66-72.
118. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии/ АН СССР. ИА.- Л., 1973. - 392 с.: ил.
119. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии/ АН СССР. ИИМК.- М.-Л., 1950. - 146 с.:ил.
120. Брыкина Г.А. Карабулак/ АН СССР. ИА.- М., 1974. - 128 с.: ил.
121. Гаврюшенко П.П. О схеме классификации средневековой керамики Киргизии// ИАНКиргССР. 1973. №3. с. 75-80.
122. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: Бурана, Узген. Сафид-Булан: Науч.попул.очерк. /АН КиргССР. ИИ.- Фрунзе. 1983.- 144 с., 26 л.ил.
123. Заднепровский Ю.А. Кочевническое погребение XIII-XIV в. в Фергане// СА.1975. №4. С.276-280: ил.
124. Заднепровский Ю.А. Некоторые проблемы исторической топографии и генезиса средневековых городов южного Кыргызстана (Узген,Ош, Мады)// Древний Ош в среднеазиат. контексте.ТД. Ош. 1998.С.9-13.
125. Заднепровский Ю.А. Некрополь в южной Киргизии// По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе. 1882.С.79-87.
126. Заднепровский Ю.А. Новый архитектурный комплекс в долине р.Тар (Ош.обл.) // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.С.7-8.
127. Заднепровский Ю.А. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в южной Киргизии в 1973г.// УСА, 1975.Вып.3.С.53-55:ил.
128. Заднепровский Ю.А. Проблема генезиса раннесредневековой культуры Ферганы //Раннесредневековая культура Сред.Азии и Казахстана:ТД.Душанбе, 1977.С.21-23.

129. Заднепровский Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы //КСИА. 1969. вып.120.С.39-45: ил.
130. Заднепровский Ю.А. Тюрки в Фергане:.(По археол.дан-ным) // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.Вып.2.С.77-79.Библиогр.:с.79.
131. Заднепровский Ю.А. Тюркские памятники в Фергане// СА. 1967. № 1.С.270—274: ил., карт.
132. Киргизия при Караханидах:[Сб.ст.14] АН КиргССР.ИИ. Отв.ред.Е.А.Давидович.- Фрунзе, 1983.- 236 с.: 12 л.ил.: ил.
133. Нусов В.Е. Памятники архитектуры Киргизстана.- Фрунзе, 1963.- 68 с.
134. Сивухин А.А., Кравцов М.М. Памятники и города Ошской области: Крат. путеводитель /Ош.обл.ООПИК.- Ош, 1979. - 68 с.: ил.- На кыргыз.и рус.яз.
135. Торгоев А. Тюркско-согдийские взаимосвязи в Фергане в раннем средневековье //Древний Ош в среднеазиат.контексте: ТД. Ош, 1998.С.72-73.
136. Фаваз аль-Дахер. К истории изучения культовых сооружений южного Кыргызстана //Древний Ош в среднеазиат.контексте:ТД. Ош, 1998.С.76-78.

3. Нумизматика и эпиграфика

137. Атаходжаев А.Х. Саманидский чекан Оша и Узгена /Древний Ош в среднеазиат. контексте: ТД. Ош, 1998.С.47-49.
138. Джумагулов Ч. Д. Эпиграфические памятники г. Ош //Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999.Вып.2.С.68-70:ил. Библиогр.: с.70.
139. Джумагулов Ч.Д. Эпиграфические памятники Науката / ПКирг:1982. Вып.6.С.41-42: ил.
140. Кочнев Б.Д. Монетный чекан Ферганы при Караханидах (кон.Х - нач.ХIII в.) //Древний Ош в среднеазиат. контексте:ТД. Ош. 1998.С.62-65.
141. Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: Антропонимы и титулатура. Ч.1 //Вост.ист. источниковедение и спец. ист.дисциплины.1995. Вып.4.С.201-278.
142. Кочнев Б.Д. Средневековый Ош в свете нумизматики //Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.С.42-43. Библиогр.:с.43.
143. Кочнев Б.Д., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии //НЭ.1974.Т.И.С.179-195.
144. Массон М.Е. Клад медных монет из Оша //ЭВ.1960.Вып.3. С.110-124: ил.
145. Настич Б.Ч. Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и южного Казахстана //Источниковедения и текстология средневекового Ближнего и Сред.Востока. М.,1984. С.164-177.
146. Нуридинова Т.С. Монетные находки из Ошской обл. и ее окрестностей // Изуч. древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С.23-26. Библиогр.:с.25-26.
147. Открытие Н.И.Веселовским арабской надписи в г. Ош// Доклады, Археол. комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1891.С. I-XXIII/.
148. Федоров М.Н. Материалы к изучению экономических связей и денежного обращения юга Киргизии в X начале XIII в.// Некоторые вопр. археологии и этнографии Кыргызстана. Бишкек. 1992. С.3-15.

Список сокращений

- АО - Археологические открытия. М.
- АСТЭ - Археологический сборник Гос.Эрмитажа. Л.
- ИАНКиргССР - Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе-Бишкек
- ИБМАИКЦА - Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
- ИМКУз - История материальной культуры Узбекистана. Ташкент

КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Н.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика. М.
ПКирг	- Памятники Киргизстана. Фрунзе- Бишкек
ПТКЛА	- Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РА	- Российская археология. М.
СА	- Советская археология. М.
ТКАЭЭ	- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
УСА	- Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭВ	- Эпиграфика Востока. Л.

Н.А. Мадалиев

(Ош)

Ю.А. Заднепровский и некоторые проблемы древней истории кыргызов и Кыргызстана

Один из учеников выдающегося исследователя древней и средневековой истории, археологии, этнографии и этнической истории, культуры кыргызов и Кыргызстана А.Н. Бернштам¹, Ю.А. Заднепровский внес огромный вклад в исследование древней истории кыргызов и Кыргызстана.

Ю.А. Заднепровский принимал участие во всех экспедициях А.Н. Бернштама, начиная с 1946 г. и до последних дней жизни его в 1956 г.²

Хронологический диапазон исследуемых объектов Ю.А. Заднепровским был очень широк: начиная от следов деятельности людей каменного века и древнеземледельческой оседлоземледельческой культур Ферганы бронзового и железного веков, до памятников ранних кочевников эпохи "Великого переселения народов и древних тюрок".

Пластина и отщеп, предположительно относимые к мустье, были найдены в 1964 г. Ю.А. Заднепровским в культурном слое исторического времени на городище Кызыл-Октябрь в районе Узгена³. Высказано предположение, что эти изделия происходят из лесса третьей (верхне-плейстоценовой) террасы р. Яссы⁴.

Говоря о значении находок в пещере Сель-Ункур около Хайдаркана Кадамжайского района Ошской области, Ю.А. Заднепровский указывает:

"В Сель-Ункур культурные слои содержали материалы от ашеля до мезолита, что бесспорно свидетельствует о непрерывности обитания в долине Хайдаркана первобытного человека на протяжении всего каменного века, возможного при существовании здесь благоприятных природных условий."⁵

Новые находки каменных изделий эпохи мустье обнаружены во вторичном залегании на Мирзалимтепе (вост. окраина г. Ош)⁶. В 1980 г. в составе Ферганской экспедиции П.Т. Павлов заложил около тепе 2. шурфа и нашел в лессовых отложениях на большой глубине аналогичные каменные изделия. Они свидетельствуют о существовании на этом месте первобытной стоянки. Особо важно, что здесь впервые в равнинной части Ферганы выявлен культурный слой с находками мустье. Исходя из этих материалов, Ю.А. Заднепровский считает: "Проведенные работы, которые, к сожалению не были продолжены, показывают

перспективность расширения поисков памятников каменного века на территории юга республики"⁷.

Ю.А. Заднепровский одним из первых приступил к изучению памятников степной бронзы на юге Кыргызстана. Он подверг анализу вещи из могильника Вуадиль, расположенного в 25 км к югу от г. Фергана на северном склоне Алайского хребта, таких отдельных находок, как, например, происходящие из Хакского клада, Кулун-Чата (Афлатун), ножей, кинжалов, литейных форм для отливки из вислообушного топора, кельта-лопатки, наконечников копья, бронзовых наконечников стрел и многое другое. На основе изучения этих и других вещей, относящихся к степной бронзе Ферганы, Ю.А. Заднепровский заметил, что они "сигнализируют о существовании в Фергане памятников, предшествующих Чустской культуре"⁸.

Ю.А. Заднепровский изучив новые находки бронзовых изделий андроновцев в южном Кыргызстане, такие как, бронзовые браслеты с литыми рожками, кельт-лопату, комплекс сосудов в Узгенском оазисе, приходит к выводу о том, что эти случайные находки представляют еще одно свидетельство однородности культуры степных племен бронзового века на севере и на юге республики.⁹

В одной из своих последних статей, посвященных проблемам степной бронзы Синьцзяна и ее связи со Средней Азией и Казахстаном¹⁰, он развивает свое предположение о вхождении некоторых районов Восточного Туркестана в ареал андроновской культуры¹¹. В вышеприведенной статье, Ю.А. Заднепровский, "верифицируя известные материалы с территории Синьцзяна, устанавливает, что территория Северного Китая в эпоху бронзы была заселена не китайцами, а выходцами из зауральско-казахстанских степей - андроновцами, которых исследователи считают индоевропейцами"¹². Следует также отметить, что Ю.А. Заднепровским в общей форме, впервые отмечалось о сходстве расписной керамики Синьцзяна с материалами Чустской культуры.¹³

Но самый крупный вклад Ю.А. Заднепровского в изучение древностей Кыргызстана заключается в изучении памятников оседлоземледельческих племен бронзового века, распространенных на территории Ошской области.

Наряду с пастушеско-земледельческими племенами на рубеже I-II тысячелетий до н.э. в ряде равнинных и предгорных районов появились общины первых земледельцев с оригинальной культурой, резко отличавшейся от андроновской. Памятники этих земледельческих племен названы чустскими по первому исследованному поселению близ г. Чуст.¹⁴

О границах расселения чустских племен можно судить по расположению обнаруженных археологами чустских поселений. Они сосредоточены группами в долинах небольших рек и в их дельтах - на севере, востоке и юго-востоке Ферганы.

Собственно, на территории южной Киргизии проживало несколько племенных групп древних земледельцев, скотоводов. На востоке (в районе Узгена) до нас дошли 13 небольших чустских поселений, которые в совокупности составляли земледельческий оазис. Дома и небольшие поселки располагались на берегах рек Яссы и Кара-Дарья, на высоких террасах, возвышавшихся над болотистыми низинами, где находились поля и придомные пастбища. Эти данные позволяют достаточно всесторонне охарактеризовать культуру, хозяйство и общественный строй группы чустских племен, обитавших в древности на юге Киргизии.

К числу хорошо изученных поселений относится полностью раскопанный отдельно стоящий дом - Боз-тепе¹⁵ (на левом берегу Яссы). Он дает представление о типичном жилище эпохи бронзы - четырехугольной формы, площадью около 600 кв.м. Довольно мощные внешние паховые стены придавали дому характер укрепления. Внутри по периметру стен располагались небольшие комнаты площадью от 4 до 30 кв.м. В глинобитных полах вырыты хозяйственные ямы, которые служили для хранения зерна и продуктов. В нескольких комнатах сохранились остатки очагов. Интересна находка здесь бронзового двуперого

наконечника стрелы с черешком, представляющего образец боевого оружия. Судя по размерам, Боз-тепе было "заселено одной большесемейной общиной, численностью 20-25 человек.

Древние общины селились в местах, наиболее удобных с точки зрения особенностей первоначального земледелия, а также возле бродов через реки и в других важных пунктах, через которые проходили караванные дороги. Следует отметить, что расстояния, разделявшие отдельные группы поселений, равнялись 20-25 км, т.е. дневному переходу. В 5 км от Боз-тепе на том же левом берегу Яссы возле брода на высоком обособленном холме находилось еще одно чустское поселение - Кызыл-Октябрь. Весьма возможно, что оно предназначалось для охраны переправы через р. Яссы.

Несколько поселений известно в Карадарьинском оазисе, в месте слияния рек Тар и Кара-Кульджа¹⁶. Здесь изучено небольшое поселение Чимбай, по размерам и находкам напоминающее Боз-тепе.

Центральным поселением узгенской группы было Дихканское, находящееся на краю излучины древней террасы правого берега Кара-Дарьи. Оно располагается в 5 км к востоку от Узгена и занимает значительную площадь - около 5 га, на которой могли разместиться сразу несколько небольших общин. Это крупнейшее в узгенской группе поселение выполняло, очевидно, более сложные административно-культовые функции, являясь центром производства и культуры. Все имеющиеся данные позволяют говорить о том, что в чустский период Узгенский район был довольно широко освоен ранними земледельцами.

Еще одна племенная группа расселялась на территории современного Карасуйского оазиса. Здесь, на берегах древних протоков Талдык-Су, располагались 24 чустских поселения, входившие в отуз-адырскую группу. Среди них преобладают небольшие дома-усадебки. Самое большое поселение этой группы - Хожамбаг - находится в восточной части оазиса, в 5-6 км к юго-востоку от Кара-Су. Поселение состоит из нескольких холмов разного размера и занимает площадь более 4 га. С восточной стороны его проходит древнее русло Талдык-Су, а с севера и юга оно окружено оврагами - все это служило естественным укреплением. Хожамбаг представляет собой новый тип рассредоточенного чустского поселения. На одном холме расчищена часть постройки с 12 хозяйственными ямами и очагом на полу, на другом - четыре комнаты глинобитного жилища общей площадью около 160 кв.м. Комнаты небольших размеров - 24 и 32 кв.м. Поселение Хожамбаг - самое крупное из отуз-адырской группы и, очевидно, центральное, так же, как Чустское на севере Ферганы и Дихканское в узгенской группе.

В ошском оазисе сосредоточено более 30 поселений чустской культуры. Такое скопление их в одном районе объясняется особо благоприятными условиями для развития здесь земледелия без использования сложных систем искусственного орошения. Широкое освоение оазиса происходит впервые именно в Чустский период. Ошское поселение находится в центре современного Оша. Это было крупное по размерам селение, кольцом окружавшее центральную вершину Сулайман-горы. Оно выделяется среди чустских памятников и среди всех Среднеазиатских поселений первобытности своей необычной террасовидной планировкой, на нем выявлено не менее 15 ступеней - террас на южном склоне горы.

В раскопе на большой площади (более 2000 кв.м.) расчищено 14 землянок овальной формы разного размера с системой опорных столбов для перекрытия. Землянки - как основной вид жилищ наряду с наземными глинобитными домами выявлены также на других главных чустских памятниках - в Дальверзине и Чусте.

Так же как на других поселениях - на ошском обнаружено много - более 200 хозяйственных ям для хранения зерна и продуктов. Это важный показатель продолжительности жизни на поселении и интенсивности земледелия. На исследованном участке в обычной яме раскрыто захоронение древнего жителя

поселка, лежавшего в скорченной позе, типичной для того времени, и в сопровождении двух чустских сосудов¹⁷.

В ходе раскопок добыты многочисленные находки глиняных сосудов и обломков, собрано более 15000 экз. Разнообразны орудия и предметы из камня, кости и бронзы - все они в совокупности позволяют с достаточной полнотой охарактеризовать культуру, быт и хозяйство самых первых оседлых жителей, обосновавшихся на территории Оша. Следы жизни этого времени выявлены у подножья Сулайман-горы, в котловине строительства здания Пединститута, а также на Чаян-тепе в юго-западной части - все это говорит о широком освоении территории. Время жизни ошского поселения установлено путем сравнения с другими, лучше изученными в Средней Азии, памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа, и по результатам радиоуглеродного анализа.

Особый интерес вызывают зооморфные узоры - первые две находки в Фергане изображений козла¹⁸.

Вполне вероятно, зооморфные узоры в ошской посуде и в Саймалы-Таше связаны с религиозными представлениями чустского населения. Особо отметим каменное скульптурное изображение сохских змей, знаменующее не только культовое отношение к змее, но и отражающее дуалистическое мировоззрение древнего населения Ферганы (Воронец. 1956; Заднепровский. 1962а. с.64).

Объектом поклонения, очевидно, служила сама Сулайман-Тоо, необычная по конфигурации, резко выделяющаяся на окружающей равнине. Обычай почитания гор широко распространен в древности и ярко отражен в мифологии индо-ариев и в Авесте, зафиксирован у персов Геродотом. Поздние доисламские верования были пересмотрены в духе мусульманских представлений о пророке Сулаймане, и гора Сулайман-Тоо (Тахти-Сулейман) до настоящего времени служит местом традиционного паломничества мусульман.

Подведем некоторые итоги. Ошское поселение, расположенное вблизи столичного Дальверзина, занимает в системе памятников неординарное место. Нам практически неизвестны причины появления поселка на горе и его функциональное значение. Зачем люди поселились на горе, нам неизвестно. Можно только высказать некоторые более или менее обоснованные предположения. Расположение на священном Сулайман-Тоо, открытие нескольких землянок-святилищ, необычное количество расписной престижной посуды - все это объясняется, очевидно, особым статусом ошского поселения как одного из важнейших культовых центров восточной Ферганы. Религиозные верования чустского населения представляют вариант зороастрийских представлений, поклонения силам природы, культу огня, солнца¹⁹.

Примечания

- ¹ Самую последнюю работу об этом смотрите: Ташибаева К.И., Предисловие (О научном наследии выдающегося ученого Александра Натановича Бернштама). - Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2т. Составители К.И. Ташибаева и Л.М. Ведутова. Т.1. Б. 1997. - с.5-16.
- ² Заднепровский Ю.А. Предисловие: Древние наяды Центральной Азии (Сборник статей). СПб. 1997. - с.3.
- ³ Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб. Европейский дом, 1996. - с.115.
- ⁴ Заднепровский Ю.А., Ранов В.А. Новые находки каменного века в южной Киргизии // Б.К.И. Ч.П. 1966. №32.
- ⁵ Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории и культуры южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984гг.) // Древний и Средневековый Кыргызстан, Б. "Илим". 1996. - с.15-16.
- ⁶ Павлов П.Т. Новые находки каменного века в южной Киргизии (С.А. 1983. №2, - с.213-216.
- ⁷ Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории и культуры; - с. 16.
- ⁸ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. 1962, МНА. № 118. - с.70, 49-70.

- ⁹ Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории и культуры, - с.16-17.
- ¹⁰ Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. М.Р.А.-0. 1992. - с. 115-125.
- ¹¹ Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л. 1966.-с.215.
- ¹² Предисловие: Древности. - с.4-5.
- ¹³ Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы, - с. 106-107.
- ¹⁴ Воронец М.Э. Археологические исследования Института истории и археологии и музея истории академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950-1951 годах. —Тр. Музея истории УзССР, вып.2, 1954.
- ¹⁵ История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5т, т.1. Ф.1984.-с. 120.
- ¹⁶ Там же, - с.120.
- ¹⁷ Заднепровский Ю.А. Основные этапы древней истории г.Ош и ошского оазиса // КСИА. 1983. Вып.176. - с 4; Он же: Основные этапы древней истории г.Ош и ошского оазиса.// Ош-3000: Юбилей века. Научно-обоснованная концепция "Ош-3000", Б. "Акыл" 1997.-с.34-35.
- ¹⁸ Заднепровский Ю.А. Ошский оазис древности // АО 1973 г. М.1974. -с.519.
- ¹⁹ Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Б. 1997.- с.94.

Т.Н. Заднепровская

(Санкт-Петербург)

Юрий Александрович Заднепровский — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КЫРГЫЗСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Наступило первое послевоенное лето 1946г. Люди возвращались к мирному труду. Восстанавливали разрушенные войной города и села. Ученые тоже вернулись к своей повседневной работе. В Ленинградском отделении института истории материальной культуры археологи были заняты составлением плана научных исследований и экспедиций. Профессор А.Н. Бернштам подбирал состав экспедиции для работы в Средней Азии, в южной Киргизии. Еще в 1941 г. он начал обследование этого региона, но оно было прервано в связи с началом войны. Среди сотрудников экспедиции, состоящей из студентов и, в основном, из девушек (парней вообще было мало на историческом факультете) выделялся высокого роста, худой, нескладный, застенчивый юноша с копной темных, курчавых и непокорных волос. Он странно держал левую руку, как бы оберегая ее, на кисть руки, даже в летнее время, была надета шерстяная рукавица. На нем был военный офицерский китель и на груди был прикреплен орден "Красной Звезды". Это был студент первого курса исторического факультета Юрий Заднепровский, бывший фронтовик.

В 1941 г. по комсомольской путевке он был направлен на курсы связистов и в качестве связного участвовал в боях под Ленинградом. Был тяжело контужен. Оказался в госпитале в блокадном Ленинграде, умирал от голода - его уже поместили в палату смертников, но выжил. Считал это своим вторым рождением. Окрепнув, был командирован на "Стрелково-пулеметные курсы младших лейтенантов Ленфронта". В 20 лет принял под командование пулеметный взвод. Участвовал в боях на Карель-

ском перешейке под Ленинградом, в Эстонии. Затем его часть перебросили в Польшу, на 2-ой Белорусский фронт, которым командовал К.К.Рокоссовский. Здесь, в одном тяжелом бою, за умелую организацию круговой обороны Юрий был награжден орденом "Красной Звезды". 4 марта 1945 г. уже на территории Восточной Пруссии в боях за город Граудиненц был тяжело ранен в рукопашном бою. Автоматная очередь прошла в нескольких миллиметрах от сердца. Вот что он пишет об этом дне: "Чуть светало, и сержант И. Вахурин наскоро, но хорошо перевязал меня. Группа под его командованием пошла вперед, а я остался один. В возбужденном состоянии, шатаясь от боли, нашел в себе силы под артиллерийским огнем пройти 3-4 км до первого полевого медпункта. И только в санитарной машине потерял сознание." (В сб. Археологи на войне. М., 1990. с. 26-27).

Полгода провел в разных госпиталях, перенес пять операций под общим наркозом. Врачам удалось спасти жизнь и обе руки от ампутации. Но он остался в 20 лет на всю жизнь инвалидом. Считал день 4 марта 1945 г. днем своего третьего рождения. Оправившись от ранения осенью 1945 г. поступил на I курс исторического факультета, и в 1946 г. впервые поехал в Среднюю Азию в экспедицию. Фергана, по его словам, заворожала его своей красотой, и он навсегда связал свою жизнь с археологией и Средней Азией. Профессор А.Н.Бернштам или, как звали его ученики, Натаныч, сам был влюблен в археологию и Среднюю Азию и сумел привить эту любовь своим ученикам. Начались годы учебы и работы в экспедициях под руководством А.Н. Бернштама. До самой смерти Александра Натановича в 1956 г. он был бессменным участником этих экспедиций.

В 1950 г. после окончания университета был зачислен в аспирантуру, в Ленинградское отделение института истории материальной культуры АН СССР. Руководитель А.Н. Бернштам поставил задачу обобщить накопленный материал по культуре оседлого земледельческого и кочевого населения Ферганской долины. В 1954 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1952 г. по инициативе Киргизского филиала Академии наук было принято решение о создании комплексной археолого-этнографической экспедиции, в состав которой, наряду с учеными Киргизии, входили археологи и этнографы Москвы и Ленинграда. В 1954 г. Юрий Александрович был назначен начальником южно-киргизского отряда. В 1954 и 1955 г. отряд входил в состав комплексной археолого-этнографической экспедиции, а в 1956-58 гг. в состав Киргизской археологической экспедиции Института истории АН КиргССР. В течение пяти сезонов были обследованы памятники в долинах рек: Кара-Дары, Яссы, Кара-Кульджа, Тар-Алайку, Куршаба и др. Всего было обследовано более 70 памятников от конца I тыс. до н.э. и до XIV- XVI вв. Раскопки были проведены на 4 городищах: на городище Узген, Шурабашат (в Узгенском оазисе), на городище Кара-Дарья (на месте слияния рек Тар и Кара-Кульджа) и городище Дунбулак (левый берег реки Яссы в 5 км к востоку от Узгена). Материалы, полученные на городище Шурабашат, позволили выделить новый этап в развитии культур Восточной Ферганы - шурабашатский (шоробашатский) IV-I вв. до н.э. соответствующий Даваньскому царству.

Последующие раскопки таких памятников как Кара-Дарьинское городище, Хожамбаг-Дебе, Куршаб (верхние слои), Мирзалим-Дебе и др. подтвердили правильность этого положения.

Наряду с изучением памятников земледельческого населения были проведены раскопки курганов древних кочевников в Алайской долине и в предгорьях Ферганы. Исследованы могильники с катакомбами и подбоями в 13 пунктах южной части Ошской области. Этим материалам посвящена книга "Археологические памятники южных районов Ошской области". (Фрунзе, 1960). В этой книге опубликована также археологическая карта южной Киргизии.

В 1962 г. выходит вторая книга "Древнеземледельческая культура Ферганы". М.-Л., 1962. /МИА, №119/. В этой моно-

графии подведены итоги исследованных в 50-х гг. важнейших памятников, таких как Дальверзин и Шурабашат (II-I тыс. до н.э.), дан общий очерк истории Ферганы за предшествующий период.

В последующие годы основное внимание исследователя было приковано к изучению центрального поселения чустской культуры - Дальверзинскому поселению, стационарные раскопки которого продолжались в течение 17 полевых сезонов. Проводились исследования и в южной Киргизии. Особое внимание привлек Ош-карасуйский район, в котором выявлены и частично исследованы около 20 памятников чустской культуры. Проблемам истории племен Ферганы эпохи поздней бронзы и определению места Ферганы в системе раннеземледельческих регионов Средней Азии посвящена докторская диссертация "Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии". 1975.

В ошском оазисе, как в городе, так и в его ближайших окрестностях, в течение 7 полевых сезонов обследованы и частично раскопаны памятники от эпохи бронзы и до средневековья.

Это ошское поселение на Сулайман-Тоо, могильники Озгор (эпохи ранней бронзы и первых вв. н.э.) в 10 км от Оша, Мирзалим-Дебе - дом-усадаба шурабашатской культуры (полностью раскопано) близ Оша, загадочный объект, сильно разрушенное тепе Чаан в западной части города, давший материал от эпохи бронзы до I - V вв. н.э. и др. Результаты этих исследований опубликованы в статье "Ошский оазис в древности"// ИАН-КиргССР. 1984. №2.

Частично исследованы и средневековые памятники. На восточном склоне Сулайман-Тоо открыт участок средневекового квартала X - XII вв., основную часть которого занимала баня.

Городище Мады в 12 км к востоку от Оша (основной период существования относится к XIII - XVI вв.) и Акбууринское городище, многослойный памятник, раскопки которого проводились в 1997 - 1999 гг. Получен материал для характеристики доарабского периода в развитии города и более раннего античного периода. Выявлена система укреплений, охранявших подступы к Ошу. Это Билувур-Тепе на севере, Мады на востоке, Курташин-Дебе на северо-востоке и Акбуура на юго-западе. Сложилась эта система укреплений, как подтверждают археологические материалы, еще в Даваньское время для защиты и обороны ошского оазиса. Ошскому поселению на Сулайман-Тоо суждено было сыграть особую роль в научной и личной судьбе Юрия Александровича. Обнаружено оно было случайно и в течение 1978 - 1984 гг. на нем проводились раскопки силами Ферганской экспедиции ИИМК и Ошского областного музея. Условия раскопок были исключительно тяжелыми, работа велась на крутом южном склоне в твердом грунте, смешанном со щебнем и крупными камнями, в котором очень трудно было выявить жилую поверхность. Поселение располагалось террасами, их выявлено 15 и на них 14 землянок с ямами для столбов, на которых держалось перекрытие. Расчищено более 150 хозяйственных ям. Обнаружено много целых и разбитых сосудов, некоторые из которых украшены замечательной росписью, и изделия из камня. Добытые материалы хранятся в Ошском музее. Расположение на священной Сулайман-Тоо, открытие нескольких землянок-святилищ, необычное количество расписной престижной посуды - все это объясняется, очевидно, особым статусом ошского поселения как одного из важнейших культовых центров восточной Ферганы. /Заднепровский Ю.А. ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997, с. 94./

Еще в 1984 г. Юрий Александрович высказал предположение, что ошское поселение можно рассматривать как протогород, первоначальное ядро, вокруг которого на протяжении сотен лет рос и развивался Ош, и, следовательно, это один из древнейших городов. В 1988 г. на конференции "Город Ош: Археология и история" эта концепция не была поддержана. Казалось, что она останется одной из подробностей его научной биогра-

фии. Но он продолжает работать, собирает дополнительные факты для подтверждения своей гипотезы.

1 апреля 1997 г. раздался звонок из администрации Президента Кыргызской республики, и сотрудник администрации сообщил, что в Бишкеке разработана программа "Идеологическое, историческое и практическое обоснование празднования 3000-летия Оша", что 5 марта подписан Президентом Республики А. Акаевым Указ о проведении празднования 3000-летия г. Ош и что Юрия Александровича приглашают на заседание национального и областного оргкомитетов по проведению празднования 3000-летия Оша в г. Ош, где должен выступать президент. В докладе, посвященном празднованию, президент сравнивал Юрия Александровича с великим Шлиманом и отметил, что он человек, "служивший кыргызу больше самого кыргыза". Весь 1996 и половина 1997 г. посвящены окончанию работы над монографией об ошском поселении. В июне 1997 г. состоялось обсуждение рукописи в институте истории НАН Кыргызстана. Работа была рекомендована к печати и вышла в 1997 г. (Ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997). В 2000 г. она переведена на английский язык. Готовится перевод на кыргызский язык. Еще одно значимое событие произошло в 1997 г. Кроме проблем оседлоземледельческого населения Древней Ферганы, большое место в его научных изысканиях занимало изучение кочевнических обществ Центральной Азии.

И вот, наконец, опубликован сборник наиболее важных его работ - "Древние номады Центральной Азии". (СПб, 1997). Летом 1998 г., несмотря на запреты врачей, Юрий Александрович снова в Кыргызстане. Год оказался очень насыщенным. Он выступает на телевидении, на радио, общается с журналистами и всюду отстаивает свою идею о древности Оша. Возглавляет Ошскую археологическую экспедицию. Объектом изучения в этом году выбран новый памятник шурабашатской культуры - Тотон-Дебе, укрепленное поселение в сельском округе Оша. Основной задачей работ на Тотон-Дебе было заполнить хронологический разрыв между ошским поселением и средневековым Ошом. Проведена разведка в ошском оазисе, выявлено 20 новых памятников. Проведены подготовительные работы для музеефикации объектов на ошском поселении и на Мирзалим-Дебе. В мае состоялась встреча с Президентом Республики Кыргызстан А. Акаевым, на которой президент вручает ему награду - памятную медаль Манас-1000.

Ошские журналисты присуждают ему премию «Мисир». Эта журналистская премия присуждается за вклад в укрепление независимости Кыргызстана и за укрепление дружбы между народами. Осенью того же года Юрий Александрович выступает с докладом «Некоторые проблемы исторической топографии и генезис средневековых городов южного Кыргызстана (Узген, Ош, Мады)» на конференции «История и культура Оша и Ошской области в домонгольский эпоху». Это его последний научный доклад в Киргизии. Возвращается домой больным и усталым. Но находит силы в начале 1999 г. отправиться в Кейптаун (Южная Африка) на Международный археологический конгресс, где выступает с докладом, посвященным юбилею Ош-3000. А весной, в мае, несмотря на категорическое запрещение он опять в Оше. Ему хватило сил только на то, чтобы заложить раскопки на ошском поселении и на Ооз-Депе. Работы продолжили и завершили сотрудники экспедиции. Смертельно больной он возвращается домой, ложится в больницу и через два месяца умирает.

Пятьдесят лет тому назад, в 1949 г., он писал своей будущей жене: «... Не забывай, что только творения рук и ума человека продолжают жизнь после него, что в этом - в творчестве, созидании - смысл и цель жизни и счастье.» Под этим девизом прошла вся его жизнь, а когда не стало сил жить по этим заветам, он, простившись со своей Троей на Сулайман-Тоо, ушел из жизни.

Динамика политической культуры Кыргызстана и этнических отношений между народами Ферганы

Политическая культура - это исторический опыт, память социальных общностей и отдельных людей. Поэтому мы не можем дать анализ сегодняшним событиям и факторам, происходящим в жизни нашего государства, сторонясь от прошлого, попытки воссоздать в памяти те крупные деятельности отдельных людей или в целом социальных общностей, их ориентацию, навыки, влияющие на политическое поведение. Ибо политическая культура - это носитель наследственной информации человеческой цивилизации.

Сегодня - время больших перемен. Кыргызстан стал самостоятельным суверенным государством, он вышел на новую ступень своего развития. Независимый, динамично развивающийся, он признан и ближним, и дальним зарубежьем. Руководство страны отказалось от старых принципиально устаревших догм и требующих временем утверждения государства демократического принципа. Новое руководство страны во главе с Президентом Аскармом Акаевым, несет полную ответственность за осуществление политики на благо народа. Однозначно, чтобы каждый человек осознал не только пределы своих интересов и прав, но также свои обязанности и ответственность перед обществом. Государственная идеология Кыргызской Республики складывается в рамках международной стабильности.

Кыргызстан на пути демократического развития, в сложных условиях придает огромное значение ренессансу Великого шелкового пути, который может играть действительную роль на стыке могущественных держав. В осуществлении этой доктрины А.Акаева большая роль отведена древнему кыргызскому городу Ош, 3000-летие которого в 2000 г. отмечает весь мир.

Ош - один из крупных городов многонациональной ферганской долины, где находится всемирно известная святыня "Тахти Сулейман" (трон Сулеймана). Сегодня у мусульман Средней Азии гора Тахти Сулейман считается следующим по святости местом после Мекки и Медины.

Город Ош - это очаг своеобразной политической культуры. По справедливому утверждению А.Акаева север и юг - условные географические понятия. Это две части единого целого, без одной из которых теряет смысл другая. Без какой-либо из этих частей не может быть ни кыргызов, ни Кыргызского государства. Ферганская долина издревле была отчим краем для многих соседствующих народов. Такая межэтническая и демографическая полифония сохраняется здесь и поныне. Вполне достаточно поэтому малейших внутренних или внешних усилий, чтобы нарушить стабильность. Чтобы не допустить этого, нам необходимо как зеницу ока хранить межнациональное согласие¹. Ныне на территории Ферганской долины проживает 80 национальностей.

Малоизвестные широкой общественности страницы истории взаимоотношений кыргызского народа с соседними на-

родами Центральной Азии XVIII - XIX вв. наглядно свидетельствуют о неразрывности и тесном переплетении как исторических судеб, основанных на принципе дружбы и добрососедства, на общности религии, близости языка, обычаев и традиций, а также обусловленных взаимосвязью хозяйственно-экономических отношений².

В городе Ош кыргызы и узбеки издревле жили бок о бок. Во взаимоотношениях южнокыргызского населения с соседними представителями других тюркоязычных народов ферганы, издревле существовали временами некоторые разногласия, в целом между ними сохранились доброжелательное равновесие и союзничество, особенно проявлявшиеся перед угрожающей опасностью чужеземцев.

На протяжении столетий в исторических судьбах народов Средней Азии было много общего: в период феодально-патриархальных отношений они имели много близкого в общественном устройстве, в хозяйственной и культурно-бытовой жизни, все испытывали тяжесть феодальных междоусобиц и борьбы против разорительных и хищнических набегов и вторжений, предпринимаемых правителями соседних, более сильных государств.

Определенную роль в создании и сохранении такого неустойчивого положения в регионе играли не претращавшиеся завоевательные походы Джунгарского ханства и агрессивные устремления Цинской империи по отношению к Средней Азии.

Возможно, один единственный выход из создавшегося положения состоял в консолидации кыргызских племен и стремлении народа быть независимым и свободным. Территория Кыргызстана, где высокогорные отроги Тянь-Шаня образовывали как бы несколько естественно-географических регионов, затруднявших осуществление интенсивных экономических, хозяйственных и культурных связей кыргызского населения внутри страны, обуславливала относительную их обособленность и самостоятельность в общественно-политическом развитии, замедляя процесс консолидации³. Родоплеменные группы: алигини, ават, азык, багыш, басыз, бостон, буту, доолос, желигер, кесек, кыпчак, кытай, конурат, кушчу, монголдор, сарыбагыш, саяк и др., объединялись в две территориальные конфедерации: онг канат (правое крыло) и сол канат (левое крыло), состав которых был неустойчивым. Их иногда сами кыргызы условно именовали в соответствии с регионально-географическим размещением: ичкилики, в переводе на русский язык - внутренние, имелось в виду кашгаро-ферганское население юга Кыргызстана, и аркалыки - внешние, обозначали жителей севера Кыргызстана - долин Чуй, Талас, Иссык-Куль и Нарына. Громадное значение для сплочения кыргызов имели идеологические факторы: принятие кыргызами Тянь-Шаня ислама, который позволил им войти в семью мусульманских народов Средней Азии и приобщиться к их высокой культуре. Вторым важным объединяющим идеологическим фактором стал общекрыргызский эпос "Манас", который окончательно сформировался на Тянь-Шане. Идеи объединения кыргызов перед лицом внешней опасности, которые отражены в эпосе, были близки и понятны всем племенам и сыграли прогрессивную роль в консолидации кыргызского народа⁴. Следует отметить и уделить внимание на ход политических событий, происходящих в период правления Кокандского ханства. Наглядно на примерах раскрыть взаимоотношения, которые бытовали между лидерами: кокандскими ханами и кыргызскими родоправителями, в зависимости от политической, экономической и экологической ситуаций, в конечном счете всегда находили оптимальные пути взаимопонимания.

Возможно, что к середине XVIII века кыргызы, обитавшие на Тянь-Шане, в Семиречье, в Фергане и Восточном Туркестане, представляли собой довольно активную политическую силу, с их решением и с их мнением окружающий мир считался.

К концу XVIII в. положение кыргызов усугубилось, осложнилось тем, что со всех сторон угрожали захватом кыргызских кочевий соседи: на западе усилили свои захватнические уст-

¹ Акаев А. Единство нации и дружба народов Кыргызстана - основа нашей идеологии. /Выступление на встрече со старейшинами и другими авторитетными представителями населения Ошской и Джалал-Абадской областей 27 декабря 1994 года. // Кыргызстан: на пути становления независимости. /Избранные выступления и речи Президента Кыргызской Республики. А. Акаева - Бишкек, 1995. С.133-134.

² Сапаралиев Д. Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX в. Бишкек, 1999. С. 3.

³ Сапаралиев Д. Б. Этнополитическая история Оша ... С. 8.

⁴ История кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов. Бишкек. 1999. С. 85.

ремления Кокандское ханство, на востоке угроза исходила от Цинской империи. Внутри самих кыргызов бытовала междоусобная борьба. В этой тяжелой обстановке перед руководителями их родоплеменных объединений не мог встать вопрос о способах сохранения самостоятельности. Однако некоторые личности вопреки сложившейся ситуации пытались противостоять времени, и стремились объединить кыргызов и создать независимое государство. Исследуя материалы, касающиеся специфики становления государственности у кыргызов, наталкивают нас факты, возможно этот процесс протекал своеобразным путем. "Власть кокандских правителей до начала XIX в. ограничивалась одной только Ферганской долиной, притом, по-видимому, только центральной ее частью. На северо-востоке долины до Алая и Кашгарии включительно, играли главную роль кыргызы, занимавшие в это время не только северные, но и южные склоны Тянь-Шаня"⁵. Сегодня суверенный Кыргызстан поднимает свой стяг, флаг долгой борьбы за независимость. Наличие знамени, как один из символов государственности отмечается во время восстания Тайлак-батыра из рода саяк, поднявшегося против Кокандского Мадали-хана⁶. Не только смелый батыр противостоял кокандским ханам, но и независимая политика Алымбека привела к тому, что в начале 1861 г. были уничтожены войска Малла-хана. Затем Алымбек совершил поездку в кочевья северокыргызских племен, где встречался с их лидерами: Уметалы, Ажы, Торогелди и др., с целью объединения всех кыргызов под единое начало. Парваначи Алымбек - один из редких политических деятелей, который продержался на политическом пьедестале Кокандского ханства в течение тридцати пяти лет, вплоть до смерти⁷. Исторически важная заслуга Алымбека перед народом и городом Ошем: он всегда стремился к сохранению межэтнического согласия, взаимопонимания и мира, с уважением относился к истории, традициям, культуре, чести многочисленных этнических общностей. Он прекрасно понимал сложное положение кыргызских родов и племен, потому что они находились далеко друг от друга, их разделяли высокие горные оазисы.

Благодаря Алымбеку на политической арене Кокандского ханства появились Сейитбек датка - правитель Ходжента, Сатыбалды датка - правитель Исфары, Молдо-Касым - правитель крепости Нау, Кадыр, Куфиназар, чиновники ханского дворца и пр⁸. Смерть его дело спорное. Ч. Валиханов утверждал, что Алымбек датка погиб в очередной дворцовой смуте в 1863 г. от руки своего соперника Алымкула⁹. "Туркестанские ведомости" писали, что Алымбек казнен в 1863 году¹⁰. В. М. Плоских и В. Мокрынин утверждали, что он казнен в 1862 году и т.д.¹¹. Ну и после смерти Алымбека датки проблема консолидации кыргызских племен остается важным аспектом в истории, борьбы за независимость и создания самостоятельного государства.

На определенном отрезке времени истории отводится своя роль в отличие от Алымбека, его жене - Курманджан датка вынуждена была смириться с поражением повстанцев против царских войск и перешла на службу к царю и призывала к этому

своих сыновей. С Курманджан даткой считались кокандский хан и другие правители соседних государств. Как отмечают исследователи, кокандские ханы всегда заискивали перед нею, устраивали ей почетный прием, а Бухарский эмир и Кандагарский беги даже раз в год присылали на Алай своих послов с богатыми подарками. Наглядный пример этому - кыргызские родопрародители были независимыми и с ними считались на политическом подиуме. Генерал-майор М. Д. Скобелев, увидев в лице Курманджан датки крупного представителя социальной опоры царизма.

Сын Алымбека и Курманджан датки - Абылбек, став во главе алайских феодальных элементов, попытка восстать против падения Кокандского ханства в своих интересах, он стремился к созданию независимого феодального владения на Алае. Этим вызвано его сопротивление отрядам Скобелева. В борьбе от своих родителей он выбрал свой путь борьбы, за независимость против царской колониальной системы.

Среди представителей феодальной знати кыргызов, которые занимали антироссийскую позицию выделялись Мураталы и Чонкарач из рода бугу, среди чуйских кыргызов до некоторой степени Джангарач, среди таласских кыргызов - манап Маймыл, у сарыбагышей - Терегелди и Уметалы, у саяков Осмон Тайлаков. Однако антироссийское сопротивление отдельных манапов не находило поддержки в широких слоях кыргызского народа, шли наперекор ходу исторических событий и были обречены на неудачу¹². Усилиями Алымбека как и его предшественников Каная, Медета, Тайлака-батыра, Ормон-хана по объединению кыргызов под единое начало не было суждено в то время осуществиться, так как в северной части Кыргызстана уже набирал силу необратимый процесс их присоединения к Российской империи, вскоре охватившей и весь его юг.

Наряду с государством в формировании политической культуры участвуют общественные организации, в первую очередь партии. Возвращаясь в прошлое, в нашей истории явление многопартийности уже было. В 1917 г. после Октябрьской революции, наряду с большевиками в стране вполне легально осуществляли свою деятельность эсеры (социалисты-революционеры), кадеты (конституционно-демократическая партия), партия «Алаш-Ордо», «Туран» и др.¹³. Их программные установки в разных сферах общественной жизни и по другим вопросам заметно отличались друг от друга. Эти партии не имели четко определенной идеологической направленности, высокую степень организованности.

Более совершенная форма открывает перспективы в период перестройки в 1989 г. В начале лета этого же года во Фрунзе (Бишкек) внезапно начинается стихийное движение горожан, которые не имели жилья в столице и начали самовольно захватывать пригородные земли для строительства жилья. Для достижения поставленной цели они создают добровольное движение «Ашар», так появилось в Кыргызстане первое массовое общественное объединение, которое имело конкретные цели и задачи, решая социально-бытовые проблемы. Подобная акция в 1990 году по самовольному захвату земель повторилась во Фрунзе (Бишкек) и в городе Ош. Были созданы общества застройщиков «Кок-Жар» в столице, «Ош аймагы» в г. Ош, позже оно потеряет свою дееспособность и исчезнет.

В настоящее время в нашей стране официально существует и действует более 20 политических партий.

В спектре политических объединений Кыргызстана все более четкие очертания приобретает их дифференциация по 4 основным направлениям:

- 1) радикально-демократическая, представляемая ДП «Эрк», «Асаба», движением «Кожоюн», ассоциацией национального достоинства и прогресса Кыргызстана, а также примыкающими к ним обществами «Ата-Журт», демократический союз молодежи Кыргызстана, объединением «Дыйкан-Ордо» и др.
- 2) умеренно-демократическая в лице партии «Ата-Мекен», ДДК, конгресса предпринимателей Кыргызстана, правозащитного движения Кыргызстана «Ашар».

⁵ Иванов П.П. Казахи и Кокандское ханство Записки И.В.А.Н. СССР, Т. VII М., 1939. С. 92-93.

⁶ Чоробаев А. Тайлакбаатыр. Фрунзе. 1959 С. 14-19.

⁷ Материалы истории кыргызов и Киргизии. Вып. 1. - М., 1973. С. 233-235.

⁸ Бейсембиев Т.К. "Тарих и Шахрухи" как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 144-152.

⁹ Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-ти томах -Алма-Ата, 1985, Т.3 С. 359.

¹⁰ "Туркестанские ведомости" 1907 г. 16 февраля.

¹¹ Плоских В.М., Мокрынин А. История кыргызов, (досоветский период). Бишкек, 1992. С. 77-103.

¹² Джамгырчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе 1966, с. 427.

¹³ Анарбеков А. Политические партии в Кыргызстане (1991-1999 гг.). Бишкек 1999, с. 6.

- 3) центристское: Республиканская народная партия Кыргызстана, открытая ассоциация развития «Кыргызстан», крестьянский союз, социал-демократы.
- 4) некоммунистическое: Партия коммунистов Кыргызстана ППК. В общем надо признать, что процесс политизации общества через политические партии в нашей стране, хотя медленно, но идет и развивается.

Сегодня представители политической культуры современного Кыргызстана, соблюдая нормы, законы и обычаи, преследуя идеи своих предков стремятся к политическому действию на благо своему народу, среди них: Турсунбай Бакир Уулу, родился в 1958 г. в г. Кара-Суу Ошской области, третий секретарь прогрессивно-демократической партии «Эркин Кыргызстан»; председатель социалистической партии «Ата-Мекен» Текебаев Омурбек Чиркешович, родился 22 декабря 1958 г. в селе Акман. Базар-Коргонского района Ошской области, членом партии духовного возрождения

«Манас эл» является известный в республике и за ее пределами Ч. Т. Айтматов и др.

Таким образом, политическая культура кыргызского общества на определенном этапе своего развития раскрывает зрелость лидеров, и взгляды на историческое прошлое, их культуру поведения и осмысление происходящего. непосредственно, как они влияют на ход событий под воздействием своих догм, идеологий. В целом это отражается на политической культуре, что характеризует сегодняшний Кыргызстан, который продолжает поддерживать добрососедские отношения с ближним и дальним зарубежьем. Развитие всестороннего экономического и политического сотрудничества с Узбекистаном на базе существующих договоров имеет исключительно важное значение не только в политико-экономических отношениях двух соседних стран, но и в сохранении межэтнического мира в каждой из них. Ведь около 0,5 миллиона узбеков живут в Кыргызстане, а 0,25 миллиона кыргызов в Узбекистане.

А.А. АКАЕВ	3	12. А. Арзыматов (Бишкек) Ош – древнейший святилище этой город	5
1. В.М. Массон (Санкт-Петербург) Ош и южный Кыргызстан: исторические судьбы	4	13. Ю.С. Худяков Взаимодействие городов и кочевнического населения Тянь-Шаня в эпоху раннего средневековья	5
2. Б.Э. Аманбаева, Д.А. Абдуллоев (Бишкек, Санкт-Петербург) Доарабский Ош в свете раскопок Ак-Буурина городского	6	14. А.Н. Юзеев (Казань) «Гирфат ал-хавакин» Ш.Марджани как источник по истории Средней Азии X-XIII вв.	6
3. Э.Р. Усманова (Караганда) Ошское поселение - пространство профанное и сакральное	10	15. А. Алиев (Ош) Алимбек Асан уулу в трудах Чокмана Валиханова	6
4. К.Ш. Табалдиев, Р. Бозер, М.И. Москалев, О.А. Солтобаев (Бишкек) Археологические исследования в Алае и ее перспективы	12	16. Б.К. Абытов (Ош) Основные виды источников по истории города Ош	6
5. Ю.Г. Кутимов, Б.Э. Аманбаева (Санкт-Петербург, Бишкек) Древнее женское погребение из города Ош	13	17. Ж. Жакыпбеков (Бишкек) Из истории научного исторического изучения Оша и юга Кыргызстана с 1917 года до наших дней	6
6. К.Ж. Малтаев, Т.А. Насиров, Э.Ж. Сулайманов (Ош) Ошские древности по материалам исторического музея ОшГУ	14	18. Н.А. Мадалиев (Ош) Изучение древности Южного Кыргызстана в конце XIX - нач. XX в.	6
7. Б.Э. Аманбаева, Е.Г. Дэвлет (Бишкек, Москва) Изучение петроглифов горы Сулайман-Тоо в контексте современных общемировых тенденций	24	19. Т.Н. Заднепровская, Ю.А. Заднепровский (Санкт-Петербург) Город Ош и ошский оазис древности: библиографический указатель археологической литературы	7
8. В.Плоских (Бишкек) Археографическое наследие Оша: истоки и перспективы	29	20. Н.А. Мадалиев (Ош) Ю.А. Заднепровский и некоторые проблемы древней истории кыргызов Кыргызстана	7
9. Т.С. Нурридинова (Ош) Новые данные к нумизматике города Ош и его окрестности	32	21. Т.Н. Заднепровская (Санкт-Петербург) Юрий Александрович Заднепровский – исследователь кыргызских древностей	7
10. К. Ж. Малтаев, И.Б. Молдобаев, Т.А. Насиров, Э.Ж. Сулайманов (Ош, Бишкек, Ош) Раскопки городища Ооз-Дебе в 2000 г.	33	22. Л.Г. Ступникова (Токмок) Динамика политической культуры Кыргызстана и этнических отношений между народами Ферганы	7
11. Шамс-уд-Дин (Индия) Шелковый путь	49		

ОШ И ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА

Выпуск V.

Редактор:

Н. Х. Бекмухамедова

Худ. редактор:

Р. А. Исаков

Тех. редактор:

Г. И. Хамраева

Издательство "Мурас"

720046, г. Бишкек, проспект Дэн Сяопина, д.531.

Сдано в печать 22.09.99.

Формат 60x84/8. Объем 8 п. л. Тираж 120.

*Подготовлено к печати и отпечатано в издательском центре
редакции «Банковский вестник Кыргызской Республики».*

720040, Бишкек, ул. Уметалиева, 101.